

Н. Э. Сейбель

История
китайской литературы
от древности
до монгольского нашествия

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет»

Н. Э. СЕЙБЕЛЬ

**ИСТОРИЯ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ОТ ДРЕВНОСТИ ДО МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ**

Учебное пособие

Челябинск
2024

УДК 895.1(09)(021)

ББК 83.3(5Кит)я73

С 28

Сейбель, Н.Э. История китайской литературы от древности до монгольского нашествия : учебное пособие / Н. Э. Сейбель ; худож. А. Д. Ядрихинская ; Министерство просвещения РФ, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. – Челябинск : Изд-во ЮУрГГПУ, 2024. – 187 с. : ил. – ISBN 978-5-907790-89-6. – Текст : непосредственный.

Учебное пособие по дисциплине «История китайской литературы» содержит материалы к лекциям, практическим занятиям, образцы анализа художественных текстов, контрольные вопросы и упражнения, задания для подготовки докладов, самостоятельных и проверочных работ.

Пособие разработано для бакалавров очного и заочного отделения факультета дошкольного обучения, направления подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)». Знакомясь с литературой страны изучаемого языка, студенты развивают свои коммуникативные навыки, осознают специфику общекультурного фона и учатся применять информацию в обучении и воспитании детей. Акцент сделан на материалах, применимых в практике работы с детьми, игровых путях и приемах знакомства с китайской литературой и сопоставления ее с литературами русской и европейской.

Рецензенты:

Маркова Т. Н., д-р. филол. наук, профессор

Седова Е. С., канд. филол. наук, доцент

ISBN 978-5-907790-89-6

© Сейбель Н. Э., 2024

© Ядрихинская А. Д., иллюстрации, 2024

© Издательство Южно-Уральского государственного

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Тема 1. КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР	11
Тема 2. МИФОЛОГИЯ И ОБРАЗ МИРА В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	22
Тема 3. НАРОДНЫЕ СКАЗКИ И ИХ ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ	32
Тема 4. ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ ЧЖОУ (1137–256 гг. до н. э.)	40
Тема 5. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕРШИНЫ ЭПОХИ ХАНЬ (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.)	74
Тема 6. ЛИТЕРАТУРА «СМУТНЫХ ВРЕМЕН» (220–589 гг.)	101
Тема 7. «ВОЗРОЖДЕНИЕ» (581–907 гг.)	136
Тема 8. ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ ПОЛИЦЕНТРИЗМА (907–1279 гг.)	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	175
ВОПРОСЫ К ЗАЧЕТУ	176
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	178
ПРИЛОЖЕНИЕ. ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПРАКТИКООРИЕНТИРОВАННЫМ ЗАДАНИЯМ	183

ВВЕДЕНИЕ

Китайская литература всё больше привлекает внимание. Она включается в учебные планы вузов как самостоятельный объект изучения и как дополнение к языковым курсам. В последнее десятилетие появляются учебные пособия самой разной направленности, которые дополняют друг друга и восполняют нехватку материалов, необходимых для квалифицированного разговора об этом – максимально сложном – предмете.

Среди уже ставших классическими источников выделяется труд В. П. Васильева «Очерки китайской литературы», впервые изданный в 1880 году¹ и организованный вокруг нескольких духовных «центров»: конфуцианство, даосизм, буддизм, научное и законотворчество, народная литература. Безусловный научный авторитет давно приобрели также труды В. М. Алексеева², в собрание работ которого входят его статьи и переводы 1920–1940-х гг., сравнительно-сопоставительные труды по китайской и греческой философии, китайской и русской литературе и т. д. Древняя Китайская поэзия является объектом, после-

¹ Васильев В. П. Очерк истории китайской литературы. Переиздание на русском и китайском языках / В. П. Васильев, перевод на китайский язык Янь Годуна. — Санкт-Петербург : Институт Конфуция в СПбГУ, 2013. — 334 с. — ISBN 978-5-91542-215-4.

² Алексеев В. М. Труды по китайской литературе. В 2 кн. / В. М. Алексеев; [сост. М. В. Баньковская ; отв. ред. Б. Л. Рифтин]. — Москва : Вост. лит., 2002. — ISBN 5-02-018169-2 (кн. 1–2). — ISBN 5-02-018170-6 (кн. 1).

довательно изучавшимся классиком российской синологии И. С. Лисевичем³.

Среди учебных пособий последних десятилетий необходимо назвать целый ряд книг, прямо ориентированных на нужды студентов, изучающих китайский язык, литературу и историю.

Самые яркие вехи в истории древней китайской литературы системно описаны в учебном пособии О. Д. Тугуловой и А. А. Бодоевой «Литература Китая»⁴, в основе которого лежит жанрово-хронологический принцип, позволяющий студентам, изучающим предмет, последовательно представить архаику (мифы и пятикнижие Конфуция), классическую древность («Луньюй», «Даодэзин», притчи Чжуанцзы и др.) и позднюю древность (книги Сыма Цяня, Бань Гу, Лю Сяна и т. д.).

Широкая панорама истории китайской классической поэзии и прозы сяошо и бици представлена в объемном и разностороннем исследовании И. А. Алимова и М. Е. Кравцовой «История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза»⁵. Материал книги охватывает огромный исторический период от зарождения литературы до эпохи Сун. Наряду

³ Лисевич И. С. Древняя китайская поэзия и народная песня (Юэфу конца III в. до н. э. – начала III в. н. э.) / И. С. Лисевич. – Москва : Наука, 1969. – 288 с.

⁴ Тугулова О. Д. Литература Китая : учебное пособие / О. Д. Тугулова, А. А. Бодоева. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2017. – 124 с. – ISBN 978-5-9793-0036-8.

⁵ Алимов И. А. История китайской классической литературы с древности и до XIII в. : поэзия, проза: в 2 ч. / И. А. Алимов, М. Е. Кравцова. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2014. – 1408 с. – ISBN 978-5-85803-473-5.

с фольклорными текстами рассматривается поэзия Цюй Юаня, Сун Юя, Цао Пэя, Цао Чжи, Тао Юань-мина, Нью Сэн-жу и др.

Еще один построенный на основе гармонического баланса исторического и литературного материала учебник – «Китайская литература Нового времени XVII в. – начала XX в.» А. Р. Аликберовой⁶. Он охватывает значительный период правления династий Мин, Цин. Каждый из пяти разделов начинается с исторического обзора и социальных событий, определяющих литературный процесс, затем дается обзор основных жанров и литературных течений, групп и школ эпохи. Заканчиваются разделы анализом творчества конкретных авторов и комментарием текстов.

Внимание автора учебного пособия М. В. Румянцевой «Пособие по чтению и переводу современной художественной литературы Китая»⁷ сосредоточено на творчестве современных авторов – китайских и тайваньских (Сантмао и Лун Интай). Постулируется задача представить «не вчерашний, а нынешний день китайской литературы»⁸. Здесь представлены писатели, чье творчество в основном приходится на вторую половину XX – начало XXI веков и широко известно в Китае: Су Тун, Мо Янь, Гэ Фэй, Юй Цююй, Ши Кан и другие. Двадцать уроков строятся по общей схеме: даются художественные тексты, задания, список наиболее частотных лексем, которым уделяется особое

⁶ Аликберова А. Р. Китайская литература Нового времени XVII в. – начало XX в. : учебное пособие / А. Р. Аликберова. – Казань : Казан. ун-т, 2014. – 244 с.

⁷ Румянцева М. В. Пособие по чтению и переводу современной художественной литературы Китая / М. В. Румянцева. – Москва : Издательский дом ВКН, 2018. – 264 с. – ISBN 978-5-7873-1459-5.

⁸ Там же. С. 3.

внимание, вопросы на понимание и анализ текста. Тематика пособия объединяет широкий круг вопросов: семья, дети и родители, дружба и любовь, путешествия и любимые города, культурное наследие, особенности Севера и Юга, некоторые проблемы творчества в настоящее и в новейшее время, оценка важных явлений новейшей истории Китая.

Объемный материал не только о жанровой системе и основных направлениях китайской литературы последних пятидесяти лет (начиная с реформ 1978 г.), но и о новой роли «возвращенной» и вновь возникающей литературы в китайском обществе содержит учебник А. Н. Коробовой «Китайская проза новейшего периода»⁹. Акцент на теме подверженности юного сознания идеологическому влиянию, возвращения гуманистических ценностей в литературу последних десятилетий XX века, формирования детской литературы с ее разветвленной жанровой системой существенно выделяет учебник в ряду подобных. В поле авторского внимания попадает творчество Е Шэнтао, Лао Шэ, Чжан Тяньи, Цзинь Цзинь, Цао Вэньсюань – писателей, формирующих сознание и читательские запросы юных читателей XX–XXI вв.

Помощником как тем, кто начинает изучение китайской литературы, так и исследователям, поставившим перед собой задачу углубиться в ту или иную тему, является «Справочник

⁹ Коробова А. Н. Китайская проза новейшего периода (с 1979 г. по настоящее время) / А. Н. Коробова ; Генеральное управление институтов Конфуция. – Москва : Маска, 2018. – 72 с. – ISBN 978-5-907051-11-9.

по истории литературы Китая (XII в. до н. э. – начало XXI в.)»¹⁰. Он построен с опорой на опыт преподавания в высшей школе, а потому не только учитывает возникающие в процессе освоения материала трудности, но и помогает их преодолевать. Написание имен и названий в нашем учебном пособии дается с опорой именно на этот источник.

Большое значение имеют и переводные источники. В частности, книга «История китайской поэзии» Ван Кая¹¹ сосредоточена на описании строя и музыкальной основы поэтического искусства Китая, преемственности традиций и литературной борьбы. «Широкими мазками» автор представляет всю историю лирики от доимператорского Китая до «заката» империи времен династий Мин и Цин в шести главах. Большое внимание автор уделяет литературным группам и школам, их идеологии, формам просветительской деятельности и взаимодействия с обществом.

Объемный фактический материал, связанный с литературной полемикой XX века, содержит книга Цзычэн Хуна «История современной китайской литературы»¹². В фокусе внимания автора находятся, прежде всего, отношения литературы с госу-

¹⁰ Серебряков Е. А. Справочник по истории литературы Китая (XII в. до н. э. – начало XXI в.): имена литераторов, названия произведений, литературоведческие и культурологические термины в иероглифическом написании, русской транскрипции и переводе / Е. А. Серебряков, А. А. Родионов, О. П. Родионова. – Москва : АСТ: Восток-Запад, 2005. – 333 с. – ISBN 5-17-029017-9; ISBN 5-478-00079-5.

¹¹ Ван К. История китайской поэзии / К. Ван ; перевод с китайского Поверинова Н. О. – Москва : Шанс, 2020. – 185 с.

¹² Цзычэн Х. История современной китайской литературы / Х. Цзычэн; перевод Т. К. Карповой. – Москва : Шанс, 2016. – 452 с. – ISBN: 978-5-906659-26-2.

дарством, осознание писателями своего места и роли в жизни общества.

Учебник «Тенденции новейшей китайской литературы» Чэнь Сяомина¹³, автор которого исходит из задачи показать связь литературы с динамикой общественных настроений и трансформацией идеалов, посвящен задаче рассмотреть литературу XX–XXI вв. в системе взаимосвязей и поступательности развития. Опираясь на общую схему: «“Литература семнадцати лет” после 1942 года или после 1949 года – период “историзации”. “Культурная революция” – “сверхисторизация”. Новый период после окончания “культурной революции” – “реисторизация” 1990-е годы и позднее – период “деисторизации”»¹⁴, автор стремится показать, как меняются формы переосмысления реальности и подходы к восприятию и отражению действительности.

Наконец, на сегодняшний день трудно переоценить деятельность издательства «Шанс», активно издающего и пропагандирующего китайскую литературу.

Наша цель – сформировать у студентов видение взаимосвязей китайской и мировой литературы. Опираясь на ставший уже классическим тезис Н. И. Конрада: «В истории известных нам отдельных литератур есть присущие им одни и те же черты; в движении их истории наблюдаются одни и те же процессы, получающие значение общих закономерностей ... они при всех своих индивидуальных различиях – одно и то же явление: лите-

¹³ Чэнь С. Тенденции новейшей китайской литературы / С. Чэнь ; перевод Никитиной А. А., Яковенко М. С., Батыгина К. В. – Москва : Шанс, 2019. – 583 с. – ISBN 978-5-907015-56-2.

¹⁴ Там же. С. 13.

ратура»¹⁵, мы стремимся выстроить проблемно-тематические связи между текстами русской, европейской и китайской литературы, дать студентам «опору» в виде знакомых текстов, помогающую при изучении незнакомых.

Поскольку пособие адресовано студентам, обучающимся по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)», то главное внимание уделено текстам, которые могут быть полностью или частично представлены в детском чтении. Даются примеры заданий, упражнений и игр, которые могут быть использованы для усвоения материала.

¹⁵ Конрад Н. И. О некоторых вопросах истории мировой литературы // Конрад Н. И. Запад и Восток : Статьи / Н. И. Конрад. – Москва : Главная редакция восточной литературы, 1966. – С. 446–465.

Тема 1. КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Изучение китайской литературы для ориентированного на традиции русской и европейской словесности читателя представляет ряд трудностей, связанных с общими характеристиками и свойствами, определяющими социальный уклад, культурные традиции и ментальные принципы китайской культуры.

1.1

Первое препятствие – **объем историко-литературного материала**, охватывающего три с половиной тысячи лет от гадательных костей Цзягувэнь до нобелевских лауреатов Мо Яня и Гао Синцзяня.

Принятая периодизация отчасти помогает преодолеть это препятствие и упорядочить огромный материал, который предстоит осознать.

Доимператорский Китай (1600–221 гг. до н. э.)

Преимущественно мифологический период, когда сформировались мифы о происхождении мира (Пань Гу, Нью Ва, Фу Си), покорении природы и возникновении ремесел (Великий Юй, Чжинюй), миропорядке и мироустройстве (Хуанди, Яо). Традиция относит к этому периоду «Чуньцю» (Книга Весны и Осени), «Шуцзин» (Книга преданий или Книга истории), «Шицзин» (Книга песен), философские памятники «священномудрых» и поэзию Чуского царства.

ИМПЕРАТОРСКИЙ КИТАЙ (221 г. до н. э. – 1912 г.)

На протяжении этого периода империя существовала на принципах преемственности, по законам строгой иерархии чиновничьей системы.

С III по XII вв. – время правления и расцвета китайских династий, самые яркие из которых Цинь, Хань, Тан. За исключением смутных периодов (Троецарствие, Десять царств) идет расширение территории, становление экономических и политических связей, культурное развитие страны. Развивается поэтическое искусство, историография и философия. Сюжетная проза (сяо шо) занимает положение «низкой» литературы. В 1207 году на ослабленное полицентризм, династийными распрями и междоусобицей государство нападают войска Чингисхана и начинается эпоха монгольских завоеваний.

XIII–XIV вв. – установление маньчжурской династии Юань в построенной по китайскому образцу централизованной империи со строгой вертикалью власти. Литература начинает активно перестраиваться в сторону развития драмы (Ван Шифу, Гуань Ханьцин, Бо Пу) и прозы.

XIV–XVII вв. – китайское отвоевание, воцарение династии Мин, при строгости внутренних законов ведущей активную внешнюю политику, результатом чего становится торговля и культурный обмен с Европой. Это время бурного развития городской культуры, на лидирующие позиции в литературе выходит повествовательная проза (пинхуа).

Период с XVII в. по 1912 г. – маньчжурское царство и династия Цин. Происходит сословная перестройка общества, изменения в этническом составе населения. Тотальный контроль над важнейшими отраслями добычи, производства и торговли мешает развитию страны, изоляционная политика ослабляет государство, военные поражения приводят к утрате политической самостоятельности, ревизионисты посягают на подлин-

ность и древность классических текстов. На протяжении всего периода соседствуют настроения сопротивления давлению государства (Гу Яньу, Цю Цзинь), стремление отразить национальную самобытность (хуабэнь), желание возродить ценности конфуцианского «благородного человека» (Пу Сулинь).

Новый Китай (1912 г. – по наст. время)

Вынужденные политические реформы (в том числе отмена экзаменов), внутренние беспорядки, внешнее давление привели Китай к принятию Конституции и провозглашению республики. Окончание многовекового имперского правления было «закреплено» переходом на европейский календарь и языковой реформой. В литературе разрушена строгая система жанров и направлений, произошел переход к родо-жанровой системе (эпос, лирика, драма).

1.2

Не меньше сложностей при изучении китайской литературы связано с существенно отличающейся **системой жанров**.

Понятие «жанр» (вэн ти – «литературное тело») появилось в Китае только в XX веке. Ранние же классификации опираются на утилитарные задачи текстов (трудовая песня, ритуальная, историографическая и т. д.). Лишь со временем авторы трактатов начинают учитывать и музыкально-ритмическую основу, сопровождавшую пение, художественную систему произведения, – собственно принцип «литературности».

В «Оде об изящной словесности» китайского поэта Лу Цзи жанры охарактеризованы так:

*Ши, как канцона, за чувством идет и становится ярко изящной.
Фу, как поэма, природа во плоти, катится четким и ясным потоком.*

Надпись на камне, бэй вэнь, развивает изящно свой стиль, но и все же знать помогает природу вещей.

Плач типа лэй – он вьется сученою нитью, весь в тоне скорбящей печали.

Надпись на бронзе – мин (вэнь) полна эрудиции, но лаконична, чувством сочась и теплом.

Чжэнь, наставленья, свой тон то снижает, то резко взметнется, но в стиле и чистом, и мощном.

Сун, как эклога и гимн, свободно гуляет в богатых красотах и пышностях стиля,

А лунь, рассужденья, и точно, и тонко, в прозрачности души раскроет мою.

Доклад государю, иль цзоу: стиль ровный, исчерпать все может до дна; но все в должной мере, классически выдержано.

Суждение-проповедь шо пылает и блещет, но все в нем хитро и продумано ловко.

Перевод В. М. Алексеева

Появившиеся в эпоху Шести династий (220–589 гг.) многочисленные поэтические трактаты, начиная от «Рассуждений о классическом» Цао Пэя, оды Лу Цзи, сочинений Чжи Юя и Сяо Туна, строятся на идее формального совершенства, природной усложненности, утонченности и витиеватости слова. Они предполагали деление поэзии на многочисленные классы и выделяли около сорока жанров.

Многие из древних поэтик, ориентируясь на конфуцианство, учитывали «востребованность» жанра – в особенности прозаического – в государственной жизни, придворных ритуалах, функционировании чиновничьего аппарата.

Система в ее целостности излагается в Предисловии к антологии Сяо Туна «Вэнь сюань», написанном в начале VI в. и

продолжавшим изучаться, комментироваться и пропагандироваться вплоть до XVIII–XIX вв.

Опираясь на Предисловие к «Вэнь сюань» Сяо Туна, можно представить систему традиционных жанров следующим образом

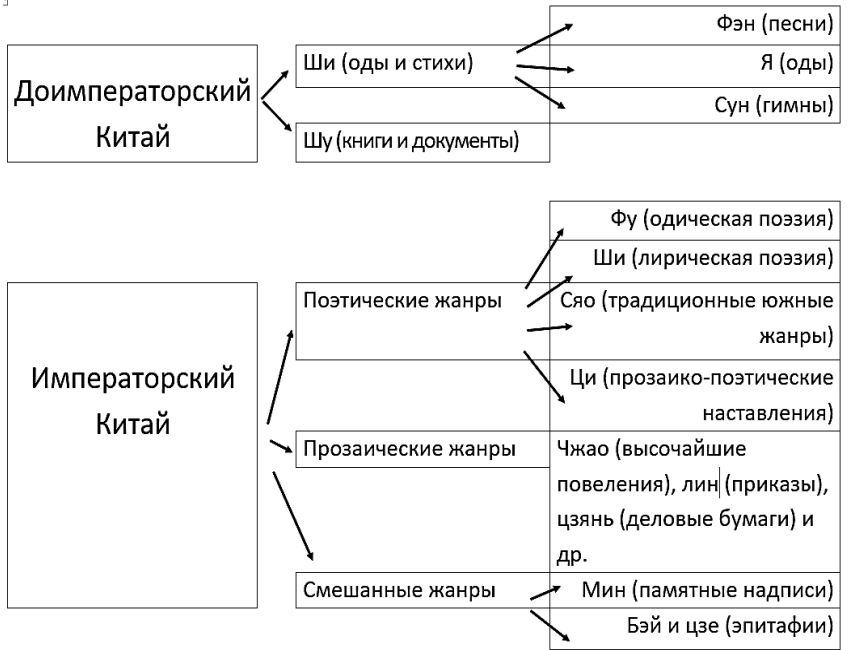

Схема: Система традиционных жанров китайской литературы

Специфические черты китайской жанровой системы:

- главенство в литературной иерархии поэзии;
- включение в круг «вэнь» официальных, деловых, документальных текстов и пренебрежение художественной (сюжетной) прозой;
- внимание к ритуальной и музыкальной основе текста.

1.3

Важный компонент понимания смыслов – **сословная система Древнего Китая**.

В рамках конфуцианства в Китае возникло представление о четырех сословиях, базовых и организующих порядок социальной жизни – это воины, земледельцы, ремесленники и торговцы, которые организовали иерархическую социальную классовую структуру, развитую в Древнем Китае еще в поздний период династии Чжоу. Именно они получают слово в классической китайской литературе и их интересы отстаивают древние авторы.

Состав сословной системы со временем менялся. «Гуаньцзы» говорит: *«Четыре народа, а именно ученые, земледельцы, промышленники и купцы, являются краеугольным камнем страны»* (士農工商四民者，國之石，民也), исключая военное сословие, придворных евнухов и «людей подлых профессий» (актеров, певцов и т. д.).

При династии Хань четырехсословная система сочетается с **системой девяти рангов**, благодаря которой стал осуществляться отбор и назначение на государственную службу, которая должна была дать возможность продвигаться на государственные должности самым способным и трудолюбивым. Во времена правления династии Тан система девяти рангов развилась в метод градации гражданских и военных чинов, начиная с местного уровня до государственного. Чиновникам, непосредственно подчинявшимся императору, присваивался «Первый Пинь» (ранг), а, например, местным судьям присваивался «Девятый Пинь». Уровни и чины дробились и уточнялись в соответствии с ситуацией и потребностями.

*Ты – не знаешь обряда и не славен ты чином,
Коль ни чина нет у тебя, ни обряда,
Что же, ранняя смерть для тебя – не награда?*

Перевод А. А. Штукина

На протяжении 1300 лет (с 605 до 1905 года) в стране действовал строжайший образовательный ценз. Государственные экзамены в императорском Китае – неотъемлемая часть системы конфуцианского образования, которая стала важным фактором социального роста: теоретически к экзаменам допускался каждый взрослый мужчина (а позже и женщины), независимо от богатства и социального статуса. Главный из экзаменов эпох Мин и Цин – восьмичленное сочинение – сочинение-рассуждение на одну из тем конфуцианского Четырех- или Пятикнижия с соблюдением архаического литературного стиля (гувэнь) классическими аллюзиями и строгой структурой.

Успешная сдача всей серии экзаменов обеспечивала кандидату должность в числе высших чиновников. Однако, с одной стороны, известно немало случаев нарушения этого порядка и злоупотреблений, с другой – альтернативным путем продвижения, особенно в смутные времена, могла стать, например, военная служба.

Такая система обеспечивала, во-первых, легитимность власти (право чиновника на управленческие решения в рамках его должности было доказано им в ходе экзаменационного испытания), во-вторых, единство требований по всей стране и, шире, – единство страны, поскольку чиновники, получая назначение в другие провинции, способствовали унификации диалектов и формированию единого языка и т. д.

1.4

Важнейший фактор китайского видения мира – **китаецентричность**.

В течение веков не только ментальность, но и политика, и экономика Китая выстраивались от центра – к периферии. Главным «кругом» было сословие чиновников, непосредственно подчинявшихся императору и связанных с ним; затем те, кто жил под властью вождей, непосредственно двору подчинявшихся; далее – находящиеся под властью частично ассимилированных местных правителей или королей, живших в непосредственной близости от китайских границ. При свободе регулирующих их внутреннюю жизнь законов и правил эти страны и племена были подвержены китайскому влиянию частично: через торговлю, дань, культурно-политическое влияние. Далее шел круг менее ассимилированных правителей и королей, плативших дань еще реже, потому попадавших под ограничения и запреты в торговле. И, наконец, самый дальний круг народов или государств, называемых китайцами «варварами», не платил дани вообще, не вел прямой торговли в рамках китайской даннической системы, а либо контактным образом взаимодействовал с одним-двумя приграничными городами, либо вел торговлю через посредников. «Торговля и политический союз... не рассматривались как самоцель. И то и другое воспринималось лишь как средство, побудительный мотив, который должен вписать ... земли в привычную китаецентричную модель мира»¹⁶ (国虽大, 好战必亡¹⁷).

¹⁶ Кей Дж. Китай: От Конфуция до Мао Цзедуна / Дж. Кей; перевод В. В. Степановой. – Москва : КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2020. – С. 197.

¹⁷ Какой бы сильной ни была страна, если ей нравится война, то эта страна неизбежно погибнет.

Таким образом, не только внутренняя политика концентрическим образом строилась вокруг китайского императорского двора – от признания этого «центра» существенно зависели правители соседних государств, близлежащие «малые страны».

В одной из песен «Шицзина» говорится о таком круге земель и стран, радостно группирующемся вокруг благочестивого правителя:

Трон сохраняя, от неба себя не отринь! ...

— Многие страны с доверьем сплотятся вокруг!

Перевод А. А. Штукина

Соответственно, культурное сознание, отраженное в китайской литературе, подразумевает, что Китай является центром мира, а центром самого Китая выступает наделенный «небесным мандатом» император – единственный в Восточной Азии. Правители сопредельных стран, таких как Корея, Вьетнам и другие в лучшем случае носили титулы царей, но не императоров (исключение, японский правитель, управлявший существенно изолированным островным государством). Концепция многоступенчатой модели «центр – периферия» воплощается и в организационной системе государственного управления, и в развитии дипломатического протокола, вместе с многочисленными писаными и неписаными правилами.

1.5

Важнейшая роль письменности («вэнь») в объединении страны и сохранении древних форм культуры.

Считается, что именно иероглифическое письмо создало нацию в ее единстве, не случайно обозначающее ее слово омонимично узору, объединяющему мироздание (узор полета небесных птиц и рельефа земли, следов животных и письма),

светской культуре, изящной словесности. Оппозицию вэнь составляют, с одной стороны, «природная (стихии и вещества) основа» как еще не установившийся порядок, с другой стороны – «воинственность» как состояние, разрушающее уже существующий порядок.

Считается, что первосоздатель китайской письменности – легендарный правитель Востока – Фу Си, принесший людям многие умения и знания. Он срисовал узор, который увидел на спине крылатого дракона Инь-луна и получил восемь триграмм, с которых началось развитие китайской учености.

Древний черепаший панцирь с начертанными на нем гадательными знаками датирован археологами шестым тысячелетием до нашей эры – это самая старая археологическая находка, свидетельствующая о существовании письменности, что доказывает факт зарождения письменности именно в Китае. Каллиграфия является краеугольным камнем китайской художественной культуры и тесно связана с живописью и архитектурой, внимание которых к ритму, основе образа-каркаса, на который нанизываются декоративные элементы, не повторяющиеся, а пересоздаваемые в каждом последующем творении, роднит их с искусством письма.

Иероглиф дает свободу сохранения фонетических особенностей различных диалектов и в то же время способствует унификации передаваемой информации. Символизм иероглифа отражается в символизме мышления, привычке использовать поговорки, сравнения из древних поучительных и поэтических текстов конфуцианских изречений. Он несет в себе базовую установку на сохранение и развитие древнего знания.

Таким образом, среди устойчивых факторов китайской культуры, последовательно отражающихся в художественных текстах, выделяются:

- равновесная система трех учений, взаимно переплавляющихся и дополняющих друг друга в контексте китайского менталитета (конфуцианство, даосизм и буддизм). Идея единства страны и единства культуры;

- китаецентричность, приоритет общего над частным;

- иерархичность общества, нерелигиозность мышления, культ прошлого и предков, восхваление древних мудрецов и преклонение перед возвеличенными добродетелями правителей;

- адаптивно-подражательный, репродуктивно-утилитарный и прагматичный характер;

- разветвленность жанровой системы китайской литературы;

- огромный временной охват культурной и литературной истории.

Тема 2. МИФОЛОГИЯ И ОБРАЗ МИРА В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Время, о котором до нас дошли подкрепленные образцами материальной культуры мифологические свидетельства, – это эпохи правления династий Ся и Шан. Династия Шан – первая династия, обладавшая письменностью: табличками Цзягувэнь. Самые древние исторические подтверждения социальной системы и исторических событий дошли, в том числе, благодаря первым дешифрованным иероглифам. Ко времени правления династии Ся условно относятся самые древние памятники китайской поэзии: «Шуцзин» (Книга Преданий) и «Шицзин» (Книга песен), на которые ссылался в своих сочинениях Конфуций, – он считается их переписчиком, и они входят в более поздний конфуцианский канон.

Состав этноса, населявшего китайские земли в это время, неизвестен, но это было развитое моноцентрализованное государство на севере со столицей Иньсюй.

В это время складываются мифы о сотворении мира, о создании человека, первооткрытии наук и ремесел, пяти богах-императорах, отцом которых (и центральным богом) является желтый император Хуанди.

Многие персонажи китайской мифологии имеют аналоги в мифологических системах других народов и сюжетные и смысловые особенности этих мифов становятся понятны через сравнение.

Так, важнейшим мифом в любой мифологической системе является **миф о сотворении мира**.

Греки говорят о рождении из мирового хаоса Земли (Геи) – праматери Неба (Урана) и Тартара, Мрака и Света, Океана и Кроноса. Развитие мира движется разлитой в космосе мировой любовью (Эрос также возник из хаоса и стал вторым существом после Земли, получившим воплощение) и карой за первое совершенное преступление: Кронос жестоко сверг своего отца Урана и разгневанная богиня Ночи сотворила в наказание за злодейство Танатоса – смерть, Эриду – раздор, Апату – обман, Гипноса – сон с печальными, тяжелыми видениями и Немесиду – отмщение за злодеяния.

Китайской космологии в большей мере присущ натурализм и антропоморфизм, она «очеловечивает» космогонические процессы. Их действующими силами становятся мужское и женское начала, воплощенные в дихотомии инь и ян¹⁸, благодаря которым из мирового яйца-хаоса образовались небо и земля. Дальнейшее развитие связано с первопредком Паньгу. В книге Чжоу Ю «Сказание о сотворении мира» описывается эпизод с топором: *«[Паньгу] вытянулся, толкая небо дальше ввысь, а землю вниз. Все же между небом и землей оставалась перемычка. Тогда он взял в левую руку долото, в правую руку — топор и принялся долбить долотом и рубить топо-*

¹⁸ Категории подробно разработаны с опорой на древние представления натурфилософами примерно в III в. до н. э. Их сочинения не сохранились, но из ссылок в других источниках можно сделать вывод о связи системы инь – ян с космологией и географией. Сравнение их учения с древнегреческими ионийскими мыслителями содержится, например, во Введении Раймонда Б. Блэки к его переводу «Даодэцзина» [Блэки Р. Б. Введение // Дао дэ цзин. Учение о Пути и Благой Силе с параллелями из Библии и Бхагавад Гиты / перевод на английский язык, сост. и примеч. С. Н. Батонова. – Москва : КСП+, Слово и дело, 1999. – С. 30].

ром»¹⁹. Применение силы и сноровки оказались действенны и в вопросах мироустройства – Паньгу создал мир таким, каким мы его знаем. А его смерть стала путем усовершенствования и преобразования мира: его дыхание превратилось в ветер и облака, голос стал громом, глаза – солнцем и луной, волосы превратились в травы и деревья. Его тело дало начало сторонам света, горам, рекам и полезным ископаемым.

Там, где греки делают акцент на моральных ценностных категориях (любовь, преступление, кара), китайцы выдвигают на первый план идею созидательного труда. Где в европейской мифологии возникает стадильность (первоначально гармоничная картина равновесия темных и светлых сил нарушена преступлениями Урана и Крона, что привело к новому витку развития), в китайской – идея преемственности (что не доделано на предыдущем этапе, дорабатывается последующим героем).

Сотворение человека в разных мифологических системах прямо соотносится с творчеством.

Прометей слепил из глины людей по подобию материального образа богов, и восхищенная его творением Афина вдохнула в человека разум. Великая богиня Нюйва собственноручно вылепила первых людей из желтой глины. Правда, прекрасные произведения искусства получились у нее только в начале работы (и стали основателями великих, в том числе императорских, родов), остальных она сделала кое-как из неотсортированного материала.

Тем не менее, очевидно, что в разных мифологиях подчеркивается богоподобие человека, его статус божьего творе-

¹⁹ Юань Кэ. Мифы древнего Китая / Кэ Юань. – Москва : Наука, 1987. – С. 32.

ния, соединение стихий (глина, земля, вода, огонь) в процессе его создания. Важный смысловой акцент китайского мифа связан с предопределенностью социального положения человека, рожденного потомком либо тех немногих, в изготовлении которых древняя богиня преуспела, либо от прочих, кого она лепила в спешке.

Не менее важный блок – борьба с **природными катаклизмами**. Наиболее очевидный пример – миф о всемирном потопе, который (как замечено еще Д. Фрезером²⁰) в разных видах представлен в самых разных мифологических системах.

У греков второе поколение людей (по хронологии Гесиода) перестало чтить богов, за это Зевс послал на землю потоп в качестве кары. В живых остались лишь двое праведников: Девкалион и его жена Пирра. По совету Прометея они построили корабль и девять дней плыли по воде, пока не увидели гору Парнас. Зевс пощадил их, приказав воде отступить, и позволил им стать основателями нового рода людей.

Мифами о великом прародителе Юе, потомке Желтого императора, отмечено время правления династии Ся. Получив образование и представ перед императором Шунем, он получил приказ устранить потоп (видимо, выход из берегов Янцзы). Верховный владыка дал ему «саморастущую землю», которой Юй засыпал низины. Затем он провел каналы, в чем ему помог дракон Ин-лун, который полз впереди и волочил свой хвост, чертя направление для будущих потоков воды. За Юем ползла черепаха, таща на спине зеленую глину. Так он выполнил свою миссию и получил трон из рук императора в обход его соб-

²⁰ Фрезер Дж. Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Дж. Д. Фрезер. – Москва : Политиздат, 1986. – 703 с.

ственного сына. Миф о великом Юе, по определению В. П. Васильева, один из тех, которые свидетельствуют «о сношениях с западом в отдаленные времена ... Сюда относится легенда об Юе, при котором случился потоп. Названия Яо и Шунь не напоминают ли Ноя и Сима?»²¹.

Важнейшая в греческих (и не только) мифах семантика наказания, кары, проклятья уступает место смыслам исправления мира, заслуги, восстановления порядка в природе и шире – единства природного и человеческого мира.

Этап **борьбы с титанами**, в ходе которой отстаиваются права богов на власть и изгоняются древние великаны и чудовища также известен различным мифологиям. В Китае воплощением древних стихийных сил становится Чи Ю – шестирукое, рогатое, крылатое чудовище, собравшее войско призраков, злых духов и демонов, а также отряды племен мяо, живших на юге. Со всей этой армией Чи Ю вторгся во владения Хуан-ди и был побежден при помощи дракона Инлуна.

О неизбежности поражения сил, воплощающих не прогресс, разум и гуманность, а архаичность, жестокость, стихийность, пишет, например, Эсхил в «Прометее прикованном»:

*Тогда титанам, неба и земли сынам,
Помочь советом добрым я хотел. Но мой
Совет отвергли. Презируя вкрадчивость
И всякое лукавство, те надеялись,
Что грубой силой без труда захватят власть
...тщетно убеждал я и доказывал,
Меня тогда и слушать не хотел никто...*

Перевод с древнегреческого С. Апта

²¹ Васильев В. П. Очерк истории китайской литературы ... С. 34.

Наконец, еще ода важная тема, получившая отражение в мифах, – тема **ремесла, науки, искусства**. В греческих мифах профессиональные достижения представителей того или иного ремесла часто трактуются как вызов, брошенный богам. Научившийся воскрешать мертвых Асклепий был поражен зевсовой молнией. Вознесшийся на крыльях Икар разбился о скалы. Выдавший тайны богов пророк Финей ослеплен. Virtuозно овладевший флейтой Марсий освежеван проигравшим состязание Аполлоном.

Достаточно сравнить судьбу двух великих ткачих – Арахны и Чжи-ньюй, чтобы увидеть разницу подходов мифологий к вопросам мастерства.

Арахна выиграла у Афины состязание в искусстве ткачества и была наказана за гордыню, поскольку состязаться уместно только с равными и вызывать на спор людей, а не богов. Превращение в паука и родовое проклятье – следствие неуважения как к предостерегавшей Арахну Афине, так и к другим богам, изображенным на полотне ткачихи суетными и мелочными.

Небесная ткачиха Чжи-Ньюй славилась не только тонкостью и великолепием работы, но и усердием, трудолюбием, продуктивностью. Хитрость Нью-Лана, рождение детей, хозяйственные заботы сделали ее труд менее плодотворным, вынудив богов вмешаться и разлучить влюбленных. Единственное, что позволено Волопасу и Ткачихе – встреча вечером седьмого числа седьмой луны на мосту, который сороки строят для них из своих хвостов.

Если в первом случае речь идет о наказании за непокорность и непочтительность, то во втором – о иерархии ценностей: семейные связи менее важны, чем добросовестное исполнение общественно значимых обязанностей. Если от личного блага

страдает общее – это ложное положение вещей, которое необходимо прекратить.

Вопросы для самопроверки

При какой династии возникает письменность?

Назовите три древние династии, управлявшие доимператорским Китаем.

В каком виде до нас дошли первые письменные памятники?

Какие направления литературы были представлены в доимператорском Китае?

Что такое система четырех сословий и десяти рангов?

Какие направления литературы были представлены в императорском Китае?

Как трактуются мифологические герои в китайской культурной традиции? Что такое эвгемеризация?

Какие объекты систематизирует пятеричная мифологическая система Китая?

Как связаны мифы о возникновении человека в китайской мифологии с социальной иерархией?

Что такое китаецентричность?

Кто является героем мифа о всемирном потопе в Китае?

Какие функции малых богов в китайской мифологии являются специфическими, характерными именно для китайской философско-мифологической системы?

Какие стихии священны и наделяются мистическими свойствами в пятеричной системе мира?

Как связаны панцири черепахи и дракона с китайской письменностью?

Как выглядит небо в ранней китайской мифологии?

Назовите мифы о ремесленниках и творцах в китайской мифологии.

Как выглядит Земля в ранней китайской мифологии?

Каково устройство ада, из скольких кругов он состоит, какое количество грехов в нем предстоит искупить попавшей в него душе?

Назовите книгу, представляющую собой главный источник сведений о ранней истории Китая.

Задания для самостоятельной работы

Опираясь на энциклопедии «Мифы народов мира»²² и «Духовная культура Китая»²³, подготовить доклады с мультимедийной презентацией на темы:

– Происхождение мира и человека: от хаоса, через «мировую ось» к пятиричной системе мира У-син.

– Троичная и пятеричная системы мира.

– Герои-первопредки в китайской мифологии: Пань-гу, Нюй-ва, Фу-си.

– Первоправители в китайской мифологии: Хуанди, Яо, Шунь.

– Функции малых богов (лекари, покровители ремесел, стражи, чадодатели и т. д.). Отличие малых богов китайской мифологии от низших богов греческого Олимпа: Хоуи, Чаньэ, Юэ Лао, Нюлан, Чжинью.

Опираясь на главу «Диюй — “подземное судилище”» из книги Петрухина В. Я. «Загробный мир. Мифы о загробном

²² Мифы народов мира : в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. – Москва : Советская Энциклопедия, 1987.

²³ Духовная культура Китая: Энциклопедия в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко ; Институт Дальнего Востока. — Москва : Восточная литература, 2007. — Т. 2. Мифология. Религия. — 869 с.

мире»²⁴, подготовить доклад «Формирование представлений о загробном мире в китайской мифологии».

Выписать определение терминов: *герой-первопредок, космогония, культурный герой, легизм, психопомп, циклический миф, эсхатология, эвгемеризация.*

Сделать сравнительный анализ буддийских Ба-цзе (восемь заповедей) с иудейскими Асерет-ха-диброт (десятью заповедями). Ответить на вопросы:

Какие ценности выдвинуты на первый план в том и другом случае?

Какие общие законы они устанавливают?

На какую паству нацелены?

Практико-ориентированные задания и игры

Рассмотрите вместе с детьми картинки (пример в приложении, рис. 1), обсудите, какие мифологические персонажи на них нарисованы и что именно происходит²⁵.

Соберите картинку из кубиков (пример в приложении, рис. 2), расскажите, какой на ней изображен миф.

Рассмотрите изображение мифологического небосвода (пример в приложении, рис. 3), на пересечении пяти небес находятся 9 дворцов: в центре – желтый, а вокруг три белых, голубой, зеленый, пурпурный (фиолетовый), черный и красный. Какой природный цикл отражает такая последовательность цвета?

²⁴ Петрухин В. Я. Загробный мир. Мифы о загробном мире / В. Я. Петрухин. – Москва : АКТ, 2010. – С. 209–213.

²⁵ Согласно Федеральной рабочей программе среднего общего образования мифы народов мира изучаются в 5 классе.

Разгадайте загадки:

Духи шагают в едином строю,
Войско ведет страшный демон ...

(Чи Ю)

Нельзя придумать более прочный
Мост, чем из перьев крепких ...

(сорочьих)

На панцире крепком дракона Инь-луна

Найдется ответ, о чем не спроси.

Там знаки увидел, узоры и руны

Правитель востока, мудрейший ...

(Фу Си)

Толстый шпагат и ведро жидкой глины –

Так сотворен человек из былины.

Техника эта отнюдь не нова,

Патент на нее у богини ...

(Нюй-ва)

Красными нитями связаны люди –

Не им решать, что было, что будет.

В деле любви их выбор за малым –

Свяжет сердца Лунный дед...

(Юэ Лао)

Предложите не менее двух подобных заданий. Они должны быть составлены так, чтобы их можно было использовать в практике работы с дошкольниками и младшими школьниками. Придумайте, разработайте и опробуйте их в учебной группе на практическом занятии.

Тема 3. НАРОДНЫЕ СКАЗКИ И ИХ ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Народная сказка создается с установкой на вымысел, однако он выступает средством утверждения вечных истин, моделирования основных принципов жизнеустройства, передачи древних традиций и мировосприятия отдельного народа. Китайские сказки бытуют как самостоятельные произведения и активно входят в состав объемных литературных текстов. Сказочные сюжеты попали в письменную литературу Китая довольно рано. Они стали основой «Записок о поисках духов», «Сказаний о необычном», вставных историй в классических китайских романах.

На русском языке существует множество собраний китайских сказок, особенно их количество возросло в последнее время²⁶.

²⁶ Китайские народные сказки / ред. В. Говорущенко. – Москва : Школьная библиотека, 1953. – 64 с.; Китайские народные сказки / сост. Б. Л. Рифтин. – Москва : Художественная литература, 1972. – 334 с.; Древнее зеркало: Китайские мифы и сказки / сост. Д. Перельман. – Москва : Конкорд ЛТД, 1993. – 255 с. – ISBN 5-7093-006-3; Китайские сказки / перевод И. Крупичева. – Москва : Эксмодетство, 2015. – 80 с. – ISBN 978-5-699-77579-8; С китайской сказкой круглый год / перевод с китайского В. Ю. Захарова, лит. пересказ И. В. Захаровой. – Москва : Лингва-Ф, 2019. – 224 с. – ISBN 978-5-91477-046-1; Волшебные сказки Китая / сост. К. С. Жуков. – Москва : Олма Медиа Групп, 2023. – 722 с. – ISBN 978-5-00185-157-8.

Китайская народная сказка дает множество образцов текстов **о восстановлении справедливости**. Древнее сознание искало гармонического равновесия добродетели и благополучия, ориентировало человека не просто на победу, но на вознаграждение добра. В сказках «Скряга», «Волшебный котел», «Золотая птичка и дух дерева» раз за разом победа оказывается на стороне бедного, но честного и трудолюбивого героя.

Особого внимания в смысле развития идеи справедливости, вознаграждения и кары заслуживает сказка «Платок нищего». Ее сюжет имеет немало аналогов в других национальных культурах. Имеет смысл рассматривать ее в сравнении с русской народной сказкой «Морозко» и «Госпожа метелица» из немецкого фольклора. Их объединяет целый комплекс проблем, достойных внимания и обсуждения.

Во-первых, все три дают представление об идеале добродетели, достойной награды, рисуют нравственный облик человека, которому волшебные силы приходят на помощь, чтобы вознаградить за проявленные трудолюбие, отзывчивость, милосердие и т. д.

Во-вторых, они рисуют положение униженного человека, лишеного любви, покровительства и опеки старших родственников, оказавшегося «приживалом» в доме. Лишение чувства дома, уюта, покоя становится испытанием для каждой из героинь, сиротское положение не лишает их чувства человечности.

В-третьих, все три фиксируют своего рода «переход» из мира реальности в мир волшебства, который отражает древние представления о смерти, инициации, загробном мире. Поэтому разница пространственной организации очень важна для понимания структуры мира в сознании народов.

Наконец, представление о тяжести наказания за жестокость, за несправедливость к слабому и бесправному отражает

ся в финале всех трех сказок. В архаическом варианте источник зла страшно наказан – во всех трех сказках натуралистически нарисована беспощадная гибель отрицательного героя.

Другой важной темой становятся сказки **о восхищении мастерством**, талантом, способностью к самопожертвованию и патриотизмом ремесленников, создающих великие произведения.

Так, в сказке «Сто тысяч стрел» герой демонстрирует храбрость и находчивость при защите государства от врагов, в сказке «Колокол» жертвует собой ради защиты Отечества. Дочь кузнеца спасает и отца от гнева императора, и будущие поколения жителей столицы – ведь огромный колокол должен предупреждать об опасностях, отвращать наступающих врагов, оберегать город.

Чтобы помочь отцу и его подручным отлить по приказу императора огромный колокол, она бросается в раскаленную лаву металла – в основу сказки явно легли древние представления о необходимости принести в жертву человека, дабы умиротворить духов.

Странствия в поисках похищенной или исчезнувшей **невесты**, обнаруживаются не только в китайском, но и в европейском фольклоре. В Китае это сказки «Как юноша любимую искал», «Сказка про хитрого У-гэна и верного Ши-е», «Хуан Сяо». В сказках древнего Китая исчезновение невесты тесно связано с оборотничеством, встречами с искушающими и испытывающими героя силами зла – с одной стороны, и с «тотемными» союзами (когда жена воплощает связь-покровительство древних сил) – с другой. Аналог знакомой русскому читателю царевны-лягушки, оборачивающейся прекрасной чудо-девицей ради выполнения приказов царя и обеспечения благополучия своего мужа, в китайских сказках представлен многочисленными

оборотнями-лисицами. В сказках, как и в значительно более поздних рассказах Пу Суиня, оборотни далеко не всегда персонажи отрицательные. Такие браки часто и легко расторгаются из-за нарушения каких-либо брачных запретов (нельзя, как мы помним, жечь лягушачью кожу).

Целый комплекс смыслов и сюжетных мотивов заключен в сказке «Волшебная картина».

Во-первых, своего счастья герой заслуживает в ней, только отказавшись от самого необходимого: в голодающей семье на последние деньги он предпочитает купить прекрасную картину, а не редьку. Но любовь побеждает голод – мать безропотно смиряется, видя, как счастлив ее сын.

Во-вторых, в качестве силы зла выступает в начале (обманом завладел картиной) и в конце (преследует убегающих героев) монах-даос, оказывающийся в финале оборотнем. Вера в оборотней активно поддерживалась в Китае, благодаря даосизму, включавшему в свой пантеон образы низшей мифологии (духи стихий, оборотни, неприкаянные души умерших). Даосские монахи выступали в качестве шаманов: их приглашали к больным для изгнания болезни или для очищения дома от нечистой силы.

В-третьих, залогом успеха становится отзывчивость и милосердие. Чтобы найти жену, герой спасает рыбку, которой грозит засуха, проявляет хитрость, сноровку, изобретательность.

Наконец, чтобы исправить ошибку с нарушением одного запрета (передача картины монаху), нужно решиться нарушить второй запрет (не касаться никаких предметов в волшебной комнате, служащей своего рода «переходным» пространством между мирами реальным и волшебным).

Задания для самостоятельной работы

Прочитать сказки «Платок нищего», «Хуан Сяо» и «Золотая рыба».

Сделать сравнительный анализ китайской, русской и немецкой сказок:

– «Платок нищего», «Морозко», «Госпожа Метелица».

Вопросы:

Какие качества ценятся в каждой из положительных героинь? Как расставлены нравственные приоритеты в каждой из сказок? Какие общие положительные качества утверждаются в сказках? Ответ подтвердить выдержками из текста.

Какая модель мира предложена в каждой сказке? Как соотносятся волшебный и бытовой миры? Где перед нами «вертикальная» модель мира, из каких уровней состоит эта вертикаль? В какой сказке перед нами «горизонтальная» модель мира, какие сферы противопоставлены друг другу, что является «границей» между ними? Ответ подтвердить выдержками из текста.

– «Хуан Сяо», «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что», «Три золотых волоса».

Вопросы:

Как реализуется мотив судьбы в каждой из сказок? Как происходит встреча героя с женой (возлюбленной)? Почему она неизбежна?

Почему герой вынужден отправиться в путь? Как реализованы представления о классовой структуре общества в каждой из сказок?

Какие испытания каждый из героев должен пройти? Сколько их? Интеллектуальный или brutальный характер героя акцентирован?

Какие из сказок содержат в финале картину наказания соперника? Как именно наказаны враги героя? Ответ подтвердить выдержками из текста.

Практико-ориентированные задания и игры

Ответить на вопросы викторины по китайской сказке «О золотой рыбе» и пушкинской «Сказке о рыбаке и рыбке»²⁷:

– На берегу какой реки жили старик со старухой в сказке «Золотая рыба»?

Янцзы

– Где живут пушкинские герои? Почему А. С. Пушкин подчеркивает «у самого...»? Какие два смысла возникают?

Они живут «у самого синего моря». Подчеркивается, с одной стороны, исключительная красота моря, с другой – окраинность, одинокость, заброшенность их «ветхой землянки».

– Как представлен и проявляется волшебный мир в двух сказках? В чем сходство и различие?

В двух сказках мир представлен через морских обитателей рыба-царица морская, и рыба – царица речная, в этом проявляет сходство. Различие же в том, что в китайской сказке появляется сам подводный мир, в который герои погружаются, добавляются новые волшебные герои, пространство расширяется. В русской же сказке волшебный морской мир сливается с реальным, мы его не видим, но наблюдаем поверхность моря – «границу двух миров», чувствуем отношение мира

²⁷ Согласно Федеральной рабочей программе среднего общего образования сказки народов мира и сказки А. С. Пушкина изучаются в 5 классе.

к человеческой ненасытности через описание природных условий.

– Что сделала Старуха, когда Старик рассказал о первой встрече с Золотой Рыбкой?

Старика старуха забрала:

«Дурачина ты, простофиля!

Не умел ты взять выкупа с рыбки!

Хоть бы взял ты с нее корыто,

Наше-то совсем расколось».

– Что велела сделать царица реки Гуаню в первую встречу и какое дала пророчество? От чего предостерегла?

Отпусти меня – и ты не раскаешься, — сказала рыба. — Я царица этой реки. В благодарность возьми себе мои золотые перья. Первое — зарой в землю, второе — утопи в пруду, третье — положи на циновку, где спит твоя жена. Сделай так — и ты будешь счастлив. И еще скажу. Счастье твое продлится до тех пор, пока блеск золота не ослепит твоих глаз. Отпусти меня и помни мои слова.

– Перечислите те «награды», которые просит старуха, и подарки, которые получил Гуань и его жена? В чем разница?

Корыто, изба, дворянство, царство – в русской сказке; дочь, золотая лилия – знак благополучия и Золотая Рыбка – знак хорошего улова – в китайской. Герои китайской сказки получают устойчивый средний достаток, они не вольны выбирать награду, но получают необходимое. Дары в русской сказке – выбор старухи, которая руководствуется не только жадностью, но и гордыней.

– Как поступил Гуань со своей дочерью? Почему? Исполнилось ли пророчество царицы реки?

Продал ее за мешки с монетами, жадность затмила его разум, пророчество сбылось.

– Что случилось с дочерью Гуаня? Как реализовалось предостережение речной царицы? За что он наказан?

«Не успела она закончить своих слов, как золотая рыба высунулась из воды и проговорила человеческим голосом: — Ваша дочь в плену у царя Желтого моря. Это он ослепил ваши глаза блеском золота, и вы приняли дракона за человека».

– Что наказала старуха старику в последний раз перед бурей? Какое качество, помимо жадности, она проявляет в этом наказе?

Воротись, поклонися рыбке.

Не хочу быть вольною царицей,

Хочу быть владычицей морскою,

Чтобы жить мне в Окияне-море,

Чтоб служила мне рыбка золотая

И была б у меня на посылках.

– В чем сходство героев и их различия?

*Сходство в том, что в двух сказках наших героев **поглотила жадность**; различие же в том, что в китайской сказке к героям пришло осознание и они исправили свои пороки, в русской же сказке герои получили урок.*

Предложите не менее двух подобных заданий. Они должны быть составлены так, чтобы их можно было использовать в практике работы со школьниками. Придумайте, разработайте и опробуйте их в учебной группе на практическом занятии.

Тема 4. ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ ЧЖОУ (1137–256 гг. до н. э.)

Зарождение собственно литературной и философской традиции принято связывать с династией Чжоу. Ее бытование ознаменовано переходом от полицентричного аграрного государства, связывающего отдельные части и провинции военными договорами, к возникновению единого сильного центра. При Чжоу формируется двор и придворная культура, базировавшаяся на идеях порядка и ставшая прологом к конфуцианским постулатам.

Этнокультурные истоки чжоусцев точно неизвестны. Чжоусцы восприняли и трансформировали культурные, технологические (например, бронзолитейное дело и письменность) достижения, основы государственного устройства племени Шан. Древние мифы переосмыслили, сделав их частью истории (или псевдоистории), обосновывающей идею связи и преемственности времен.

Базовой идеологемой, обосновывающей право на власть, становится «небесный мандат». Новая идеология утверждает, что Верховное божество вручило династии небесное предписание (天命 – тьянь мин) на царствие, отобрав его у шанцев. Отныне идеологическим обоснованием власти провозглашены личные заслуги основоположника династии и его преемников. Небо может отобрать «небесный мандат» у императора или династии, если государство в упадке или охвачено смутой, оно освящает направленные во благо действия правителя.

Эпоху Чжоу принято подразделять на:

– Западное (Раннее) Чжоу (Си Чжоу, XI в. – 770 г. до н. э.). Аграрная периферия, соединявшая множество удельных владений со столицей Фэнхао (затем Лоян);

– Восточное (Позднее) Чжоу (Дун Чжоу, 770–221 гг. до н. э.). Централизованная государственная система с сильным двором и придворной культурой. Столица Ло Э:

Чуньцю (период Весны и осени, 770–475 гг. до н. э.);

Чжаньго (период Сражающихся царств, 475–221 гг. до н. э.).

Изобретение железа способствует бурному росту отдельных земель, усиление которых сопровождается междоусобными распрями, что приводит к окончательной административно-политической раздробленности тогдашнего Китая. С развитием денежных отношений аристократия лишается части власти, возникает междоусобица и единое царство распадается. При Чжаньго существовало около 20 независимых царств, возглавляемых царями-ванами.

Трансформация социально-политической жизни Китая способствовала бурному развитию философской теоретической мысли, сопровождавшемуся формированием книжной культуры.

4.1

Доимператорский период в литературе Китая представлен, прежде всего философскими и поэтическими текстами, созданными в эпоху династии Чжоу.

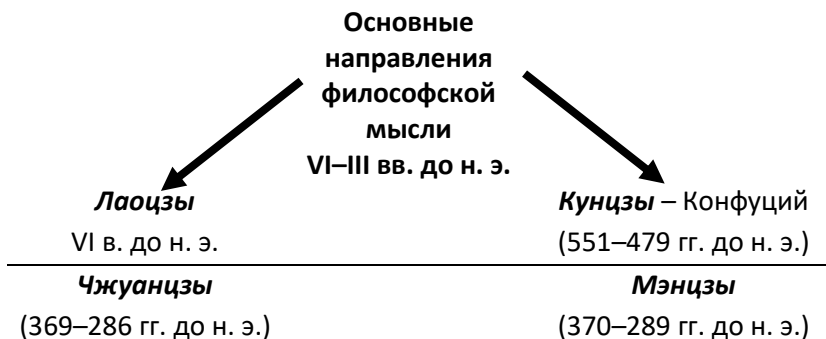
Философская традиция этого времени соединяет:

– идеи бытийности, следования судьбе (и пути/дао), главенства и «самоустройства» природы, равенства и смирения;

– идеи порядка, элитарности интеллектуала (в идеале – чиновника), направляющего «малых» и «сирых», антагонизма

«благородных мужей» и «ничтожных людей», благопристойности.

«Типология школ и относящихся к ним сочинений более чем условна»²⁸.

Лаоцзы (оксюморонное прозвище – дословно означает «Старый ребенок») – легендарный автор трактата «Даодэцзин» (Книга о пути и добродетели). С его именем связано много легенд, условной датой его жизни является VI век до н. э. – вероятнее всего он – современник Пифагора (философские основы восточного и западного мира закладывались примерно в одно и то же время).

Лаоцзы считается не только основоположником даосизма, но и почитается как даосский бог, один из сань цин («трех чистых»). Считается, что изначальный владыка Небес передал власть Небесному нефритовому императору, а тот, в свою очередь, – Высочайшему владыке Лао, который способен воплощаться в исторических личностях и Лаоцзы – одно из его воплощений.

²⁸Алимов И. А., Кравцова М. Е. История китайской классической литературы ... Ч. 1. С. 21.

Сыма Цянь писал в «Ши цзи» (Исторические записки):

Лаоцзы родился в княжестве Чу, в деревне Цюйжэнь. Фамилия его Ли, имя — Эр, второе имя — Бо-ян, а посмертное — Дань. Служил он на должности хранителя архива чжоуского царского двора. ...

Лаоцзы проповедовал «дао». Он считал, что человек должен жить в уединении и чуждаться славы.

Лаоцзы долгое время жил в Чжоу, но, когда начался распад династии, решил уехать. Когда он проезжал через заставу Саньгуань, начальник этой заставы обратился к нему с просьбой:

— Вы собираетесь навсегда удалиться от мира. Напишите мне что-нибудь на память.

Лаоцзы написал книгу из двух частей, в пять тысяч слов. В ней говорится о сущности «дао».

После этого Лаоцзы уехал, и никто больше ничего не знает о его судьбе.

Некоторые говорят:

— Лао Лай-цзы был тоже родом из Чу. Он написал книгу из пятнадцати глав, в которой излагается сущность учения даосов. Лао Лай-цзы жил в одно время с Кунцзы.

Другие возражают:

— Если это и был Лаоцзы, то мог ли он прожить более ста шестидесяти лет?

Третьи утверждают:

— Он прожил целых двести лет, потому что занимался самоусовершенствованием и добился долголетия.

Никто в мире не знает, так ли всё это было (перевод Р. В. Вяткина).

Сыма Цянь точно описывает структуру «Даодэцзина», который состоит из двух книг:

— 1–37-й стихи – в Первой,

— 38–81-й (священное число, несущее благо) стихи – во Второй.

Поэзия Лаоцзы стоит особняком в литературе своего времени, поскольку, в отличие от народных песен его стихи не предназначены для «распева» (как песни, входившие в «Шицзин»). Они знаменуют собой появление поэзии, не ориентированной на музыкальную основу. Их назначение – декламация, музыка самого слова. Ритм стихов не связан с музыкальной регулярностью, а построен на ритмико-фонетических чередованиях:

太上，下知有之；其次，亲而誉之；其次，畏之；其次，侮之。信不足，
焉有不信焉。悠兮，其贵言。功成事遂，百姓皆谓我自然。

О высочайшем правителе все подданные знают лишь одно: он есть. Ему уступит тот, кого народ любит и хвалит. Но еще ниже тот, кого народ боится. Но хуже всех такой монарх, которого в народе презирают. Когда правитель никому не доверяет, ему доверия не будет тоже никогда. Но подлинный правитель осторожно относится к словам, ценя их. Когда все славные дела его завершены, народ воскликнет: «О, так мы и сами точно таковы!» (перевод Е. А. Торчинова)²⁹.

²⁹ Самый известный поэтический перевод принадлежит К. Д. Бальмонту:

*Первичные Строители Порядка,
Устроенные, знали лишь себя.
Одно свое существованье.
За ними – их любили и хвалили;
За ними – относились к ним со страхом;
За ними – относились с небреженьем;
Сплоченность лишь Сплоченностью творится.
Величием исполненные, также
Как были полновесные слова их,
Они свершали ряд своих свершений:
Как думали тогда, был Самовзгляд,
Закон был обществ – Самоусмотренье.*

Среди **главных идей**, реализованных в трактате, необходимо назвать следующие:

– Отказ от идеологии. Ей противопоставлена бытийность: *«Осуществление недеяния всегда приносит спокойствие»* (здесь и далее перевод В. Т. Сухорукова).

– Восприятие реальности как нейтральной, объективной, «самоустраивающейся» данности: *«Высшая добродетель подобна воде. Всем приносит пользу и ни с кем не борется ... не борется с вещами – не совершает ошибок».*

– Главная ценность мира – равновесие. Всякое нарушение равновесия опасно: *«Когда в Поднебесной узнали, что красота – это красота, появилось и уродство. Когда узнали, что добро – это добро, появилось зло. Вот почему бытие и небытие друг друга порождают, трудное и легкое друг друга создают, короткое и длинное друг другом измеряются... Вот почему мудрец действует недеянием и учит молчанием».*

– Последствия событий, поступков и слов непредсказуемы, только *«спокойствие создает порядок в мире».* Деятель вносит смуту в естественный ход вещей, а красноречивый смущает слушателей, поэтому *«когда правительство спокойно, народ становится простодушным. Когда правительство деятельно, народ становится несчастным».* Человеческие поступки должны быть подчинены естественной необходимости, а не правилам: *«Когда великий путь утрачен – появляются “добро” и “долг”. Вместе с остротой ума рождается великое притворство. Когда шесть родичей не ладят – появляется “сыновняя почтительность” и “родительская любовь”. Когда в государстве смута – возникают “верноподданные”».*

– Истинно счастлив лишь подобный ребенку, тот, кто открыт миру, лишен предубеждений и тщеславных желаний, отказывается от излишнего, но получает необходимое: *«Если*

созерцание станет чистым, возможны ли тогда заблуждения?»

– *Задача самоусовершенствования – обретение власти над своими желаниями: «Кто, имея знания, делает вид, что не знает, тот выше всех. Кто, не имея знаний, делает вид, что знает, тот болен. Верные слова не изящны. Красивые слова не заслуживают доверия. Добрый не красноречив. Красноречивый не может быть добрым. Знающий не доказывает, доказывающий не знает».*

Чжуанцзы, вероятнее всего, родился, как и Лао, в Южном царстве Чу и по полумифологическим сведениям, дошедшим до нас, отказался стать министром царства, предпочитая даосский принцип невмешательства и неделания. Китайские историки культуры считают, что учение Чжуанцзы представляет собою высший этап развития даосизма. Однако идейная неоднородность трактата заставила, например, Го Мо-жо выдвинуть гипотезу о том, что бывший в начале адептом конфуцианства Чжуанцзы затем перешел к критике его различных течений и придал даосизму настоящий облик, который без него мог бы и не сложиться, поскольку предшествовавшие ему даосистские группировки в то время эволюционировали в сторону иных учений.

Трактат Чжуанцзи делится на три части:

- «внутренние» главы (нэй) – первые семь глав,
- «внешние» главы (вай) – гл. 8–22 включительно,
- «смешанные» главы (цза) – последние одиннадцать глав.

В терминологии Чжуанцзы «внутреннее» соответствует «небу» (тянь), а «внешнее» – «человеку» (жэнь). Часть внутренних глав адресованы Конфуцию и отчасти солидарны с его учением.

С большой вероятностью Чжуанцзы принадлежат только «внутренние» главы, связанные воедино неформальным харак-

тером заглавий, отражающих их содержание. Остальные главы, возможно, составлены позже его учениками.

Тексты «Чжуанцзы» – жемчужина китайской литературы не только в силу их философского содержания и особой тонкой иронии по отношению к человеку, стремящемуся познать непознаваемое, но и в силу их особой формы. Главы «Чжуанцзы» называют притчами или стихотворениями в прозе. Здесь ясно ощутима субъективная позиция лирического героя – любителя парадоксов и неожиданных выводов. Они часто описывают ситуацию и выражают идею через событие. Например, говоря об уместности и согласованности своих действий с законами мира и природы, Чжуанцзы рассказывает лукавую притчу: *«Один человек из царства Сун поехал в Юэ торговать шапками, а в тех краях люди бредутся наголо, носят татуировку, а шапок им вовсе не нужно»* (перевод В. В. Малявина).

Идеология трактата:

– Путь (дао) представлен *«обладающим свойствами и достоверностью, но лишенным деятельности и телесной формы, допускающим передачу, но не получение, допускающим достижение, но не узрение»*.

– Все пять уровней бытия (знание (чжи), жизнь (шэн), телесная форма (син), пневма (ци), смерть (сы)) тесно связаны друг с другом и переходят друг в друга.

– Мир изначально един, и человек растворен в нем во всех своих состояниях, каждое из них – источник радости и должно быть благодарно принято. Путь-дао – это объединение благодатей, ведь *«мы получаем жизнь, когда приходит время, и лишаемся ее, когда срок истекает. Так покорись времени, не противься уходу, и тогда ни радости, ни печали не заденут тебя. ... вещам против Неба не устоять, так чего ради*

отвергать мне мои превращения?» (перевод В. В. Малявина).
Есть два способа обрести свой путь: отрешенность и гуманность.

Учение о познании мира строится на том, что к истине можно идти, но ее нельзя достичь. Мир бесконечен и потому непостижим: *«Малому знанию далеко до большого. За короткую жизнь не узнать того, что за долгую. Как постичь, что это истина? Утренней однодневке неизвестно, что после ночи настанет рассвет, пятнистой цикаде неизвестно, что бывают и весна, и осень»* (перевод Л. Д. Позднеевой).

«Кунцзы постоянно говорил о ши, шу, и, о соблюдении ли», – утверждает «Луньюй». И именно с наследием **шу (деяния), ши (поэзия), и (чередования состояний), ли (правила)** связаны книги конфуцианского канона.

«Пятикнижие» состоит из книг, к составлению, формированию или редактированию которых **Конфуций** имел отношение. Но они включают фольклорные тексты, их материалы существовали до Конфуция и его учеников:

- «Шицзин» (Книга песен),
- «Ицзин» (Книга перемен),
- «Шаншу» или «Шуцзин» (Древнейшие записи),
- «Лицзи» (Книга установлений, в основе ее лежат древние книги ритуала и установлений Чжоу ли и И ли),
- летопись «Чуньцю» («Весна и Осень», составлена Конфуцием по архивам владения Лу).

О значимости «Пятикнижия» свидетельствует набор каменных плит, на котором в 175–183 гг. были выгравированы тексты «Си пин шицзин» («Пяти канонов»). «Каменный канон» был почти полностью разрушен во время междоусобицы начала III в. Сохранилось несколько фрагментов, и они продолжают изучаться археологами.

«Шицзин» (Книга песен) – собрание древних поэтических текстов, ставших образцами для последующих поколений, своего рода «учение о поэзии». В самом подробном ее варианте легенда о создании «Шицина» изложена в жизнеописании Конфуция («Кун цзы ши цзя») Сыма Цяня:

«В древности [ши] имелось свыше трех тысяч планок-пянь. Учитель Кун отбросил те из них, которые повторяли [одна другую], выбрал те, [которые] имели отношение к ритуалу-ли и справедливости-и. В начало поместил [тексты о] Се и Хоу-цзи, в середину — [тексты о] расцвете Инь и Чжоу, дошел до упадка [времен царей] Ю [и] Ли. [Получилось] 305 пяней, все Учитель Кун положил на музыку, [чтобы их можно было] петь» (перевод Р. В. Вяткина).

Таким образом, Конфуций по Сыма Цяню:

1) исходил при отборе поэтических произведений из исторических и этических, а не литературно-эстетических принципов;

2) отбирал записанные тексты и для письменного же свода, предполагая при этом их песенное исполнение.

Систематизация «Книги песен» связана с музыкальными жанрами, на которые ориентированы стихи. Соответственно, книга состоит из трех частей – «Го фэн» (Нравы царств), «Я» (Оды) и «Сун» (Гимны). Стихи включают в себя фу – описание, би – сравнение и син – риторическое вступление. Почти все тексты членятся на строфы (чжан), в каждой содержится строго установленное традицией число строк (цзюй), преимущественно четное. Около 95 % произведений выполнены четырехсловным поэтическим размером. Внутри строфы ощущается тенденция к объединению строк в двустипшия. Обязательно присутствует рифма в различных ее типах: рифмовка четных, парных

строк, перекрестная рифма. Нередко один тип рифмы распространяется на четыре строки (рифмовка всех четырех строк, 1-й, 2-й и 4-й строк), что придает строфе дополнительную прочность. Форма текста отражает динамику рассуждения: трехчастная композиционная схема из «начала», «изложения» и «завершения». Каждая строфа (что особенно очевидно для текстов из трех строф) соотносится с одним из этих «композиционных узлов».

經始靈臺，經之營之。庶民攻之，不日成之。
經始勿亟，庶民子來。王在靈囿，麇鹿攸伏。
麇鹿濯濯，白鳥嚮嚮。王在靈沼，於物魚躍。
虞業維縱，賁鼓維鏞。於論鼓鍾，於樂辟靡。
於論鼓鍾，於樂辟靡。鼉鼓逢逢，矇瞍奏公。

*Царь Просвещенный чудесную башню задумал построить,
План начертил и расчеты ее подготовил.
Сразу народ на строительство вышел с охотой,
День не прошел, а уже завершили работу.
Пусть даже царь призывал - торопиться не надо,
Люди трудились, как дети для отчего дома.*

Перевод М. Е. Кравцовой

Как это традиционно свойственно фольклорным текстам, в стихотворении используются повторы, тавтофоны, повторы с вариациями. Всё это создает эффект торжественности и восхищения, естественности совместной работы и благословения ее итога.

«Шуцзин» (Книга преданий) включает тексты разных эпох – записи сказаний, историзованных мифов, исторических событий, обращений правителей к подданным, указов, поучений

сановникам, диалогов древних правителей с мудрецами и т. п. Содержит сведения по идеологии, космологии, натурфилософии, географии и другим областям знания.

Принято считать, что изначально *отбор* древних текстов был сделан самим Конфуцием, а затем Шуцзин переписывался и дополнялся философами конфуцианской школы. Важное следствие – книга отражает именно конфуцианскую идеологию.

Исторически «Книга преданий» охватывает период примерно с XXVI по VIII в. до н. э. Компоновка памятника продолжалась по крайней мере до начала новой эры, известны разные версии текста.

«Шуцзин» содержит 58 глав. Среди них 33 главы считаются подлинными и достоверными.

Большая часть глав построена как обращение «Благородного мужа» к народу или беседа мудреца и «благородного мужа».

Наиболее популярной является глава «Хун фань» (Великий закон), где излагаются основы мироустройства (пять элементов мирового единства), основы человеческой нравственности и базовые принципы государственного правления. Получение мудрости связывается с историей одоления всемирного потопа: *«Небо ниспослало Юю Великий закон в девяти разделах, которым устанавливался порядок в этических нормах [поведения каждого отдельного человека] и в правилах отношений между людьми»* (перевод С. Р. Кучеры).

В «Хун фане» установлена иерархия «восьми государственных дел» (ба чжэн), ставшая канонической для последующей конфуцианской мысли:

продовольствие;	товары (торговля);	жертвоприношения;
общественные работы;	культовая практика	суд и наказания.
дипломатия («правила приема гос. гостей»);	и просвещение;	
	военное дело;	

Главное условие «умиротворения» народа – «высшее совершенство» самого правителя, выраженное в наличии у него **«пяти благ»**, которыми он может «одарить» народ (долголетие, целомудрие, богатство, здоровье, спокойная кончина).

Основу **«Ицзин» (Книга перемен)** составляют 64 фигуры, называемые гексаграммами, – это все возможные сочетания шести прерывистых и сплошных линий (черт). Создателем триграмм и гексаграмм считается легендарный первопредок китайской нации Фу Си.

Каждая гексаграмма на следующих страницах сопровождается несколькими текстами:

– «Суждение» (первый текст) – считается старейшим. Он устойчиво содержит в себе нравственный афоризм: *«Движение посреди опасности приводит к успеху»;*

– «Комментарий» (второй текст) – самая конфуцианская часть, призванная показать, что в конечном итоге всё зависит от выбора пути «благородного мужа». Книга дает развернутое толкование ситуации с возможными вариантами ее развития: *«У подножия горы – опасная пропасть, и стоять на краю нее – ребяческая глупость»;*

– «Образ» (третий текст) – связывает возможный ход событий с идеей мировой гармонии и единства стихий и явлений, вписывает конкретную судьбу в общекосмический контекст.

«Лицзи» (Книга церемоний) едва ли не главная книга конфуцианского канона. Здесь собрана афористическая проза: поговорки, приметы, гадательные формулы, заклинания, изречения назидательного характера, афоризмы. Всё это входило в «Ли» – «Правила».

В «Лицзи» отражены практически все ценностно-нормативные аспекты традиционной китайской культуры, государ-

ственного устройства и общественной жизни: *«Благодаря ритуалу прежние государи преемствовали небесный путь, управляли человеческими чувствами. ... Поэтому чувства человеческие были для совершенномудрых правителей пашнею. С помощью ритуала пахали ее; разбрасывая долг, засеивали ее; наставляя в науках, пололи ее; укореняя человеколюбие, убирали ее; посеяв музыку, давали ей отдых. ... Долг есть часть душевного совершенства, одно из звеньев человеколюбия. ... Долг без наставления в науках — всё равно что посев без прополки. Наставление в науках, не согласующееся с человеколюбием, — всё равно что прополка без жатвы. Следование человеколюбию, не умиротворенное музыкой, — всё равно что жатва без пропитания. А умиротворение музыкой без достижения*

благоденствия — всё равно что еда не впрок!» (перевод И. С. Лисевича).

В XII веке две главы «Лицзи» – «Да сюэ» и «Чжун юн» – вошли в качестве самостоятельных произведений в базовый конфуцианский канонический свод «Четверокнижие».

Хроника «Чуньцю» (Весна и осень) систематизирована относительно сменяющих друг друга правителей. При этом датировка отходит на второй план и оказывается не так важна, как время правления того или иного императора. Большинство записей прямо начинается с ориентиров, упорядоченных относительно деятельности двора: *«Было это на первый год правления...»*. Книга начинается 722 г. и заканчивается 481 г. до н. э.

Текст можно разделить на семь видов записей: «внешняя политика», «военная история», «быт монархов», «внутренняя политика», «экономика», «сакральное», «природные явления». Здесь отражаются: сведения о рождении и смерти правителей,

о сватовстве и женитьбе высших чиновников, заключении военных союзов, победах войска, отправляющегося в отдаленные провинции наводить порядок. Текст «Чуньцю» представляет собой скупую фиксацию фактов и не содержит каких-либо оценок (например, «*в 3 луне, в день черноватой курицы был сильный дождь, гром и молния; в день белого дракона был сильный дождь с снегом*» (перевод Н. И. Монастырева)).

«Как было, так должно», – основная установка текста. Возможно, «Чуньцю» восходит к ритуальным записям, предназначенным для общения с предками, позднее интерпретированным как историография.

4.2

Не меньшее значение имеет поэзия Южного царства, сохраненная в сборнике «Чуские строфы». Он отразил драматический процесс объединения страны под властью северо-западного царства Цинь в III в. до н. э.

Мотивы поражения, потери, уходящего времени становятся доминирующими. Чувство трагичности происходящего отразилось и в литературных произведениях, и в судьбах их авторов.

Так, в 278 г. до н. э. покончил с собой Цюй Юань, автор «Лисао» («Поэмы скорби»), певец отчаяния и преданности своему народу, взывавший к справедливости, но осознавший: 退靜默而莫余知兮，進號呼又莫吾聞。

*Если молчать всё время – никто о тебе не узнает,
Если кричать – то будут делать вид, что не слышат.*

Перевод А. И. Гитовича

Сыма Цянь в своих «Исторических записках» пишет:

«Цюй Юань был оскорблен, негодовал на то, что князь слушает всё неразумно; что клевета закрывает собою тех, кто честен, и кривда губит тех, кто бескорыстен; что тот, кто строго прав, оказался вдруг неприемлем. Тогда он предался печали и весь ушел в себя: сочинил поэму "Лисао" - "Как впал я в беду", это название "Как впал я в беду" значит как бы "Как впал я в досаду".

Когда человек дошел до конца, он снова обращается к основе своей. Когда дошел до усталости крайней, нет случая, чтоб не вопил бы он к небу; чтобы не звал к себе он отца или мать» (перевод Р. В. Вяткина).

Память о его гибели сохраняется в празднике драконьих лодок (5 число пятого месяца).

Сборник **«Чу Цы» (Чуские строфы)** составлен и зафиксирован уже во II в. н. э. В свод входит **17 текстов**, это:

– циклы стихов («Девять песен» Цюй Юаня, «Девять расуждений» Сун Юя);

– поэмы («Ли сао» Цюй Юаня, «Вопросы к небу» неизвестного автора, «Путешествие в даль» Сун Юя);

– прозаико-поэтические сочинения («Отец-рыбак» Цюй Юя).

Значение сборника в том, что он – первое собрание авторских произведений, поэтому существенно отличается от собрания фольклорных песен – «Шицзина».

Говоря о тематическом многообразии поэзии «Чуских строф», нужно выделить:

Во-первых, стихи, написанные в форме моления, как например «Владыке реки Сян», где соединяется призыв к боже-ству и вопрошание о своей судьбе и судьбе мира, тема быстротечности земного века и бесконечности Абсолютного. Однако даже в молитвах и гимнах появляется субъективный образ автора. Гимн боже-ству часто превращается в стихи о себе. Лириче-

ское «я» поэта появляется в каждом обращении к божеству, как, например, в гимне «Великому повелителю жизни».

Во-вторых, важной является тема уходящего времени и изменчивости мира. Эти стихи передают чувство утраты и распада, разрушения естественного хода вещей, когда «солнце забыло свой путь» и горы «всё круче поднимаются в небо»: 道卓遠而日忘兮，願自申而不得。

*Летняя ночь должна быть
быстрою и короткой,
Что же уж год как будто
я не дождусь рассвета?*

Перевод А. И. Гитовича

Утрата дома – итог печального странствия, лирический герой ощущает себя скитальцем, переживает свою бесприютность и оторванность от людей, мест, страны:

行行重行行，与君生别离。
相去万余里，各在天一涯；
道路阻且长，会面安可知？
胡马依北风，越鸟巢南枝。
相去日已远，衣带日已缓；
浮云蔽白日，游子不顾反。
思君令人老，岁月忽已晚。
弃捐勿复道，努力加餐饭！

*В пути и в пути,
Всё время в пути и в пути...
И мы, господин,
Расстались на целую жизнь.
Меж нами лежат
Бесчетные тысячи ли,
И каждый из нас
У самого края небес
Дорога твоя
Опасна и далека.
Увидеться вновь,
Кто знает, придется ли нам?
Плывут облака,
Всё белое солнце закрыв.
И странник в дали
Забыл, как вернуться домой*

Не менее важная тема – выбор жизненного пути, способность человека вписаться в мир со всеми его достоинствами и недостатками. Яркий пример – «Отец-рыбак»: прозаико-поэтический рассказ о том, как отправившийся в изгнание Цюй Юань встретил мудрого рыбака (удалившегося от мира монаха-отшельника), который дал ему совет не переделывать вещи, а использовать их свойства; не менять мир, а видеть присущие ему черты и знать, когда и где они востребованы.

Убежденность героя: *«Весь мир, все люди грязны, а чистый один лишь я»* – вызывает насмешку мудрого наставника. Он дает совет не сетовать на вещи, а находить в них смысл, принимать их такими, каковы они есть: *«Мудрец не терпит стеснения от вещей. Нет, он умело идет вместе с миром вперед или вслед миру меняет путь. И если все люди в мире грязны, почему ж не забраться в ту самую грязь?»*

Противоположную позицию высказывает лирический герой: *«Тот, кто только что умылся, непременно выколотит пыль из своей шапки; тот, кто только что искупался, непременно пыль стряхнет с одежды».*

Ни одна позиция не оспаривается: нет плохой и хорошей мысли, как и плохой и хорошей вещи, но рыбак поет:

*Когда чиста цанланская вода-вода,
В ней я могу мыть кисти моей шапки,
Когда ж грязна цанланская вода-вода,
В ней я могу и ноги свои мыть...*

Перевод В. М. Алексева

На общем фоне выделяется поэма **«Тянь Вэнь» (Вопросы к небу)**, написанная в основном четырехсловным канонном. Она

состоит из парных строк, соединяющихся в вопросительные предложения. Это вопросы небу и древним мудрецам:

*Каков был довременный мир –
Чей может высказать язык?
Кто Твердь и Землю – "Верх" и "Низ"
Без качеств и без форм постиг?*

Перевод А. Е. Адалис

Здесь соединяются серьезные вопросы о смысле бытия и назначении человека с насмешкой над учеными-схоластами, которые претендуют на решение вопросов, доступных только небу: «*"Девятислойный" небосвод / Когда послойно разберут?*». Выстраивается историческая концепция автора, в основе которой идея строгого нравственного суда прежних героев и правителей: «*Кто приказал? Кто донесил? <...> За брата что ж не отомстил? К врагам за милостью пришел?*». Провозглашается идеал созидательного труда, лежащего в основе мироздания: «*Всё чьим-то создано трудом! Кем начат этот вечный труд?*».

Поэт то обращается за разъяснениями к Небу как источнику высших знаний, то саркастически фиксирует неупорядоченность, непоследовательность и противоречивость древних книг.

4.3

Поэма «**Лисао**» (**Скорбь изгнанника / Жалобы отъезда**) **Цюй Юаня** занимает особое место в истории китайской литературы уже потому, что она дала начало целой литературной традиции – элегии, печальных размышлений об уходящем счастье и потерянной родине. Самые известные русские переводы поэмы Цюй Юаня – переводы А. А. Ахматовой, А. И. Гитовича, А. И. Балина и В. Ф. Перелешина.

По тематике и влиянию на литературную традицию поэма Цюй Юаня сопоставима со «Скорбными элегиями» Овидия, свои подражания которым написали величайшие поэты нового времени. Как и «Tristia» Овидия, она посвящена изгнанию, потере родины, одиночеству:

*Всюду, куда ни взгляни, раздавались рыдания и стоны,
Будто бы дом голосил на погребень моем.
Женщин, мужчин и даже детей моя гибель повергла
В скорбь, и в доме моем каждый был угол в слезах.*

Перевод С. В. Шервинского

*... Я терпел,
Пока хватало сил,
Но сердце
Разрывает мне на части
Немилость –
Та, что я не заслужил,
... Ужели ж я
Расстаться был не в силе,
Хоть путь изгнанья
Горек и тяжел*

Перевод А. И. Гитовича

«Лисао» – поэма скорби, написанная Цюй Юанем в период, когда он был отрешен от должности при дворе и сослан на юг Китая. Он «призвал поэзию на помощь Добродетели»³⁰ и пережил глубокое разочарование в мире, не желающем внимать голосу строгого разума.

Ее содержание:

- рассказ о себе;
- обличение гонителей;
- разоблачение пороков придворных;
- фантастическое путешествие по поднебесной, дарованное несправедливо осужденному и преследуемому поэту в качестве утешения;
- осознание своей чуждости и одиночества на родине.

³⁰ Гране М. Китайская цивилизация / М. Гране ; [перевод с фр. В. Б. Иорданского ; под ред. И. И. Семененко]. — Москва : Алгоритм, 2008. — С. 30.

Композиционно поэма распадается на две части. Первая описывает события в мире земном, злключения лирического героя, оклеветанного и униженного в своем стремлении принести благо родине. Вторая часть начинается с перехода в мир фантастический, мир духов, дающих отдых и вдохновение небес, полета по таинственному пространству фантазии. Поскольку описания «перехода» из одного мира в другой в поэме нет, то таким порогом может быть сон, самоубийство, отшельничество, тюремное заключение. Но во всех случаях, фантазия поэта становится путем спасения и обретения, пусть временной, надежды. Сыма Цянь писал:

«В “Нравах царств” воспевается любовь к женщине, но не разврат; в “Малых одах” говорится об обиде, вызванной клеветой, но это высказано без возмущения. О поэме “Лисао” можно сказать, что в ней сочетаются все достоинства «Нравов царств» и «Малых од»» (перевод В. А. Панасюка).

Поэма начинается с биографических сведений. Приводятся дата рождения Цюй Юаня и сведения о его семье – аристократическом клане, ведущем родословную от легендарного государя древности Чжуань-сюя с указанием имени и титула отца (сиятельный князь Бо-юн).

*Покойный мой отец Бо-юном звался,
Чжуань, сын неба, – славный предок мой.
В седьмой день года я на свет явился,
Сей день всех дней счастливее в году.*

Перевод А. А. Ахматовой

*Потомок
Императора Чжуаня
И сын Бо-юна –
Мудрого отца,
Я в День Седьмой родился –
Я заране
Своих родителей
Пленил сердца.*

Перевод А. И. Гитовича

Поясняется значение его собственных, данных отцом имен (Юань и Пин): справедливость, честность, совесть, принципиальность. Лирический герой представлен человеком, наделенным выдающимися качествами и талантами, близким по своим жизненным целям и нравственным ценностям к идеалу «благородного мужа».

Далее следует объемная часть, обличающая завистников и клеветников, поссоривших поэта с правителем. Цюй Юань обличает лживость («*Но вы, мой князь, / Прислушались к коварству / И в гнев пришли, Поверив клевете*») и распущенность, жажду власти и корысть («*Погрязло всё / В стяжательстве махромом, / Где каждый Черной злобой одержим*»).

Противопоставляя себя миру придворных, Цюй Юань наполняет текст емкими, хлесткими формулами, афористическими высказываниями, перефразирует и применяет к своей ситуации пословицы, создает текст, легко запоминающийся и ярко обличительный.

Удел изгнанного поэта – страдание. Он боится за судьбу страны, скорбит обо всех несправедливостях, которые видит:

*Дышать мне тяжело, я скрываю слезы,
О горестях народа я скорблю.
Теснят мне грудь уныние и горесть,
Скорблю, что в век постыдный я живу.*

Однако он полон решимости сохранить верность идеалам древних мудрецов и следовать путем порядка, гармонии и справедливости.

Наконец, разочарованный и изгнанный, поэт отправляется в странствие по фантастическим эмпиреям: устремляется «*бродить по просторам небосклона, по облакам, как по ковру из трав*», в сопровождении бога ветров его везут дракон и

Феникс, он оказывается рядом с *«вратами неба»*, посещает *«нежно-яркий дворец Весны»*, *«в лучах зари, на мраморной террасе»*, наблюдает *«полет Незримых духов И горных дев – Сквозь лунные лучи»*, видит прекрасную Ми-фэй и получает подарок и напутствие от «Божественной предсказательницы» Лин-фэнь.

Во второй части «Лисао» воспроизводится картина фантастического путешествия лирического героя. Космос, сакрализованная сфера, представляющая благо, дарит герою ощущение мира и покоя. Он совершает странствие-полет через недоступные простому смертному места, встречается с божествами и духами.

Здесь пересекаются смыслы, рожденные воображением автора, и заимствованные элементы из шаманизма, культа женского божества – владычицы и подательницы бессмертия. Двигаясь с Востока на Запад, он повторяет движение солнца, охватывает мысленным взором весь мир. Лин-фэнь – «Божественная предсказательница» – дарит ему пищу бессмертия («нефритовая кашлица»), волшебную ветвь Нефритового дерева (Цюншу), а главное – напутствие.

В этом мире тоже нет уверенности в высшей справедливости – разочарованный поэт продолжает сомневаться: *«Я, старое припомнив, Затоскую, Что и в Небесном Царстве Правды нет»*. Поэт ищет идеальную любовь – Возлюбленную, которую он не смог найти в обыденной жизни. Но Лин-фэнь предсказывает ему более славную судьбу: он обретает особое состояние, сопоставимое с «райским блаженством»: *«Отныне волен я во всем, настали времена отрады: / Взлетаю, словно божество, парю для собственной улады»*.

Почти обретенное счастье омрачается лишь вновь нахлынувшими воспоминаниями о родине:

*И вновь готовый
В небо устремиться,
Я вдруг увидел
Родину свою...
И загрустил
Растроганный возница.
И замер конь
У бездны на краю.*
Перевод А. А. Ахматовой

*Всё кончено.
Во всей Отчизне нет
Людей,
Что поняли б меня при жизни,
И я не буду
Плакать об Отчизне! –
Я скроюсь в бездне,
За Пэн Сянем вслед...
Перевод А. И. Гитовича*

Вопросы для самопроверки

В каком виде до нас дошли первые письменные памятники?

Кто из правителей объединил Китай и сделал его империей?

Что такое политика легизма?

При какой предположительно династии формируются древнейшие литературные памятники Китая? Как они называются?

При какой династии формируется конфуцианский канон?

Книга – главный источник сведений о ранней истории Китая?

Что такое «небесный мандат»?

Какие литературные памятники представляют даосскую философскую традицию?

Назовите основные книги конфуцианства

Какой из даосских текстов написан в форме стихов-рассуждений?

Какой из даосских текстов написан в форме диалога учителя и ученика?

Какой из даосских текстов написан в форме собрания притч?

Какой из конфуцианских текстов написан в форме гексограммы, прозаического и стихотворного комментария к ней?

Какую из книг называют собранием стихов в прозе, в которых говорится о единстве мира и растворении в нем человека?

Как легенда объясняет историю создания трактата «Даодэцзин» Лаоцзы?

Что, согласно легенде, предпринял Конфуций для распространения своего учения во всех областях Китая?

Какую из классических поэм Древнего Китая переводила на русский язык Анна Ахматова?

В память о каком биографическом факте какого поэта проводится Праздник драконьих лодок?

С чем сравнимо государство по Конфуцию?

Назовите произведение, ставшее сатирой на конфуцианских мудрецов, объяснявших мир.

Назовите функции ритуала, подчеркнутые в афоризмах Конфуция.

Какая поэма сборника «Чуские строфы» написана в виде вопросов без ответов?

Какова судьба поэта согласно поэме «Лисао» Цюй Юаня?

Задания для самостоятельной работы

Опираясь на главу 47, VI т. хроники «Ши цзи» (Исторические записки) Сыма Цяня и главу IV. Первый период конфуцианства из книги «Очерк истории китайской литературы»³¹ В. П. Васильева, подготовить доклады (с мультимедийной пре-

³¹ Васильев В. П. Очерк истории китайской литературы ... С. 56–66, 106–130.

зентацией, включающей иллюстрации, имена и названия на русском и китайском языках, фрагменты текстов) на темы:

– Биография Конфуция как источник философии: жизнь в контексте эпохи;

– Собрание и систематизация фольклорных текстов в деятельности Конфуция.

Опираясь на книгу В. В. Малявина³² и вступительную статью Л. С. Переломова «Учение Конфуция»³³, сделать доклад (с мультимедийной презентацией, включающей опорные схемы, систему соотношения понятий):

– Понятие ритуала в системе воззрений Конфуция (ритуал и повседневность, ритуал и музыка, ритуал и человечность). Основы человеческого неравенства в философской системе Конфуция: нрав, знание, учение.

– Человечность и качества «Благородного мужа» в конфуцианстве.

Опираясь на статьи А. И. Кобзева³⁴, А. С. Мартынова, Л. С. Переломова, ответить на вопросы по структуре и содержанию конфуцианского «Четверокнижия» (Сы шу):

– Нумерология и проблематика трактата «Великое учение» (Да сюэ). Структура китайского афоризма.

³² Малявин В. В. Конфуций / В. В. Малявин. – Москва : Молодая гвардия, 2007. – С. 105–118; С. 151–153; С. 176–196.

³³ Переломов Л. С. Учение Конфуция / Л. С. Переломов // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). – Москва : Восточная литература РАН, 2004. – С. 10–56.

³⁴ Кобзев А. И. Конфуций против Конфузия с глинозема, или Уточнение данных о первом китайском философе и его главном произведении / А. И. Кобзев // Философские науки. – 2015. – № 2. – С. 78–106.

– «Срединное и низменное» (Чжун юн): основные идеи и структура трактата. Поэтическая форма. Комментарии к Шицзиню, включенные в трактат.

– Обращение к Учителю как авторитету, зачатки диалога в «Беседах и суждениях» (Лунь Юй).

– Место трактата «Мэнцзы» в «Четверокнижии».

Прочитать трактаты, заполнить таблицы 1–3 по каждому из текстов, вписав по два примера афоризма на каждую тему:

Таблица 1

Афоризмы в трактате «Да сюэ»

Темы трактата	Место в структуре (цифрами)	Афоризм
О взаимоотношениях высших и низших		
О сходстве государства и семьи		
О сходстве государства и дерева		
Об отношении к богатству		
Верхи и низы: отношения, вкусы, принципы правления		

Таблица 2

Афоризмы в трактате «Чжун юн»

Темы трактата	Место в структуре (понятие Чжан, номер)	Афоризм
О середине и гармонии		
О благородном муже и маленьком человеке (о дао благородного мужа)		
О власти и разумности		
Об искренности и продуманности		
О ритуалах и правилах		

Таблица 3

Афоризмы в трактате «Лунь Юй»

Темы трактата	Место в структуре (глава, беседа)	Афоризм
О семье		
О благородном муже (учеба, нравственность, ценности)		
Об умеренности		
О доверии и дружбе		
О правилах и ритуалах		

Перевести и проанализировать стихотворение. Сравнить с существующим стихотворным переводом. Ответить на вопросы:

– Как описан в стихах бестиарный персонаж? Что подчеркивает жадность и жестокосердие крысы? Сколько участников диалога, какова позиция каждого из них?

– Какова роль рефрена в создании настроения стихотворения, ощущения мольбы, униженности, горя лирического героя?

– Как в стихотворении развивается мотив надежды на утопическую счастливую страну? Что необходимо человеку для счастья, согласно тексту стихотворения?

– От какого важного смысла вынужден отказаться переводчик?

– Приведите пример русских народных песен, где рефрен не менее важен.

硕鼠诗经

硕鼠硕鼠，无食我黍！
三岁贯女，莫我肯顾。
逝将去女，适彼乐土。
乐土乐土，爰得我所。

硕鼠硕鼠，无食我麦！
三岁贯女，莫我肯德。
逝将去女，适彼乐国。
乐国乐国，爰得我直。
硕鼠硕鼠，无食我苗！
三岁贯女，莫我肯劳。
逝将去女，适彼乐郊。
乐郊乐郊，谁之永号？

*Ты, большая мышь, жадна,
Моего не ешь пшена.
Мы трудились, ты хоть раз
Бросить взгляд могла б на нас.
Кинем мы твои поля, –
Есть счастливая земля,
Да, счастливая земля.
В той земле, в краю чужом,
Мы найдем свой новый дом.*

*Ты, большая мышь, жадна,
Моего не ешь зерна.
Мы трудились третий год, –
Нет твоих о нас забот.
Оставайся ты одна, –
Есть счастливая страна,
Да, счастливая страна.
В той стране, в краю чужом,
Правду мы свою найдем.
На корню не съешь, услышь.
Весь наш хлеб, большая мышь.
Мы трудились столько лет –
От тебя пощады нет.
Мы теперь уходим, знай,
От тебя в счастливый край,
Да, уйдем в счастливый край,
Да, уйдем в счастливый край.
Кто же в том краю опять
Нас заставит так стонать?*

Перевод А. А. Штукина

Сравните фрагменты из скорбных стихов изгнания древнеримского поэта Овидия и древнекитайского поэта Цюй Юаня. Что общего в этих текстах? Какое настроение, через какие дей-

ствия и ощущения они передают? С чем связана тоска того и другого? В чем отличие позиции лирических героев двух текстов?

*Мне тяжело дышать, / Слезятся очи.
Народу отдана / Моя любовь, –
Ведь всё, что раньше / Достигал я к ночи,
Всё разрушало утро / Вновь и вновь.*

Перевод А. И. Гитовича

*Это ль не бедствие – жить обречен меж бессов и гетов
Тот, чье имя всегда римский народ повторял!
Бедствие – жизнь защищать, положась на ворота и стены,
Здесь, где и вал крепостной обезопасит еда.*

Перевод С. А. Ошерова

Практико-ориентированные задания и игры

Прочитайте вместе с детьми одну из самых известных притч Чжуанцзы:

«Однажды я, Чжуан Чжоу, увидел себя во сне бабочкой – счастливой бабочкой, которая порхала среди цветков в свое удовольствие и вовсе не знала, что она – Чжуан Чжоу. Внезапно я проснулся и увидел, что я – Чжуан Чжоу. И я не знал, то ли я Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он – бабочка, то ли бабочка, которой приснилось, что она – Чжуан Чжоу. А ведь между Чжуан Чжоу и бабочкой, несомненно, есть различие. Вот что такое превращение вещей!» (перевод В. Т. Сухорукова).

Обсудите:

– Что чувствовал Чжуан Чжоу, когда был бабочкой? Что такое «летать» и «порхать», чем отличаются эти действия, какие

чувства должен испытывать человек, если ему посчастливилось «порхать»?

– В чем равны человек и бабочка, согласно притче Чжуан-цзы? Как видят мир человек и бабочка, какими им кажутся предметы? Как каждый из них воспринимает цвет, размер, кто видит больше, кто меньше?

– Какие чувства каждый из них испытывает, проснувшись?

Сделайте вывод о единстве большого и малого, человека и природы, сильного и слабого. Воспользуйтесь размышлением В. В. Малявина о специфике китайского классического героя в сравнении с «вечными» героями европейской литературы³⁵.

Прочитайте – целиком или частично – вместе с детьми одну из притч Чжуанцзы:

³⁵ «Человек, возвращенный современной цивилизацией, так долго был занят всякого рода борьбой – за прогресс, за свободу, за свой комфорт, – что, кажется, почти разучился радоваться жизни. Да и кто главные герои Запада? Прометей, наказанный за свое близорукое доброхотство? Фауст, павший жертвой собственной любознательности? Дон Жуан, прятавший свое презрение к жизни под маской жизнелюба? Даосский мудрец живет совсем иным чувствованием и пониманием мира. Он не обременяет себя ни необходимостью знать, ни необходимостью творить, ни необходимостью исполнять заповеди. Он живет свободой духа, дарящей сокровенную, неизбывную радость жизни. Радость, которая неотделима и даже неотличима от простейшей, безыскуснейшей “данности” жизненного опыта. Чжуан-цзы во сне видит себя бабочкой, которая «порхает в свое удовольствие», – пишет В. В. Малявин, комментируя тот тип героя, с которым читателю предстоит познакомиться в этой притче (Малявин В. В. Все радости жизни // Антология даосской философии / сост. В. В. Малявин, Б. Б. Виноградский. – Москва : Комаров и К., 1994. – С. 186).

...你听说过‘天籁’却没有听说过‘地籁’，你即使听说过‘地籁’却没有听说过‘天籁’啊！...“大地吐出的气，名字叫风。风不发作则已，一旦发作整个大地上数不清的窍孔都怒吼起来。你独独没有听过那呼呼的风声吗？山陵上陡峭峥嵘的各种去处，百围大树上无数的窍孔，有的像鼻子，有的像嘴巴，有的像耳朵，有的像圆柱上插入横木的方孔，有的像圈围的栅栏，有的像春米的臼窝，有的像深池，有的像浅池。它们发出的声音，像湍急的流水声，像迅疾的箭镞声，像大声的呵叱声，如求得其情与不得，无益损乎其真。

«И даже если ты внимал флейте земли, ты не слышал еще флейты Неба. ... Великий Ком выдыхает воздух, зовущийся ветром. В покое пребывает он. Иной же раз он приходит в движение, и тогда вся тьма отверстий откликается ему. Разве не слышал ты его громopodobного пения? Вздымающие гребни гор, дупла исполинских деревьев в сотню обхватов — как нос, рот и уши, как горлышко сосуда, как винная чаша, как ступка, как омут, как лужа. Наполнит их ветер — и они завоюют, закричат, заплачут, застонут, залают. Могучие деревья завывают грозно: у-у-у! А молодые деревца стонут им вслед: а-а-а! При слабом ветре — гармония малая, при сильном ветре — гармония великая. Но стихнет вихрь, и все отверстия замолкают. Не так ли раскачиваются и шумят под ветром деревья?» (перевод В. В. Малявина).

Отталкиваясь от концепции звучащего мира, описанного в приведенной ниже притче, попытайтесь создать с детьми «звуковую партитуру» их собственного утра. Для этого нарисуйте знакомую им ситуацию (ты еще в постели, сейчас тебя придут

будить, но ты еще не спишь; ты гуляешь с бабушкой в парке и т. д.). Задайте вопросы:

– Есть ли вокруг тебя звуки природы? Как звучит ветер в твоём окне? Слышишь ли ты птиц? Есть ли в доме животные и слышны ли тебе их звуки?

– Какие механические звуки ты слышишь? Тикают ли часы в твоей комнате или в соседней? Ты слышишь звук воды? Какие звуки возникают, пока мама готовит завтрак?

– Есть ли звуки, издаваемые людьми, вокруг тебя?

А теперь, давайте сыграем:

Каждый выбирает какой-то один звук, который для него символизирует утро. Разбиваемся на первые – вторые – третьи номера. Включаем метроном, или ведущий негромко хлопает в ладони. «Первые» издают свой звук точно под счет, «вторые» – в два раза быстрее, а «третьи» – в два раза медленнее счета. Получился оркестр, состоящий из звуков мира.

Прочитайте вместе с детьми фрагмент поэмы «Лисао», описывающий путешествие Цюй Юаня по небу, и нарисуйте картину. Это может быть работа с красками, а может быть устное рисование. Предложите детям представить, как эта картина выглядела бы на полотне и задайте наводящие вопросы:

– Чем вы рисуете вашу картину, красками или карандашом?

– Что составляет нижнюю часть вашей картины? Видна ли земля или все происходит исключительно в небесах? Какого цвета облака снизу и сверху? Как отличаются эти цвета?

– Автор говорит: «Но солнце скрылось / За грядую скал», как изобразить это на картине, какие краски нам помогут? Видны ли лучи? На что они похожи?

– Как передать мягкость облаков (*«пошел бродить / В просторах Небосклона / По облакам, / Как по коврам из трав»*)?

– Как меняет картину присутствие бога ветров?

– Как выглядят тучи, пришедшие приветствовать поэта (*«Поднялся ветер, / Пригоняя тучи, / Чтобы они / Приветствовали нас»*)? На что они похожи?

– Как выглядят врата волшебного мира, к которым примчался поэт?

Рассмотрите вместе с детьми картинку (пример в приложении, рис. 4), обсудите, притчу, которую она иллюстрирует. Предложите свой вариант иллюстрации.

Предложите не менее двух подобных заданий. Они должны быть составлены так, чтобы их можно было использовать в практике работы со школьниками. Придумайте, разработайте и опробуйте их в учебной группе на практическом занятии.

Тема 5. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕРШИНЫ ЭПОХИ ХАНЬ (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.)

*Со времен Чжоу, Цинь и Хань эта страна расцвела,
словно узоры на парче.
Омываемая со всех сторон водой,
страна поистине была знаменита.
У Чен-Энь. Путешествие на Запад*

Границей истории и культуры доимператорского и императорского Китая становятся 220-е гг. до н. э. – время обретений и потерь династийного **периода Цинь**. В 221 году до н. э. к власти приходит Цинь Шихуанди – первый император Китая. Совместно с сановником Ли Сы, он:

- останавливает долгую смуту, объединяет страну после периода раздробленности;
- создает полноценную армию;
- проводит стандартизацию – иероглифов, цифр, мер и весов, дорог, денег, наказаний;
- постепенно утверждается в качестве ведущей идеология легизма («Школа законников»), в основе которой лежит идея равенства перед Законом и Сыном Неба, раздачи титулов не по рождению, а по реальным заслугам, служения императору как смысла и содержания жизни людей. Согласно идеям легизма любой простолюдин имел право дослужиться до любого чина, вплоть до первого министра;
- строит Великую Китайскую стену, канал Линцзюй и дворец Эпан.

В то же время он прославился как один из самых жестоких правителей, в частности уничтоживший 450 конфуцианских мыслителей и принявший закон о запрете оборота книг, после которого была проведена процедура их сожжения: «Приняв титул, Первый император вскоре сделал ... объявление, ставшее красноречивой преамбулой его царствования: он объявил, что Цинь “управляет силой воды”..., чему соответствовал черный цвет, число шесть, зима, ... с водой были связаны довольно мрачные ассоциации. Таким образом, Первый император, всего лишь поддержавший широко распространенную традицию, оказался окружен безрадостными символами»³⁶. Будучи одержим идеей поиска бессмертия, Цинь Шихуанди заранее распорядился о приготовлении своей гробницы и относительно недавно обнаруженные нефритовые воины – часть его захоронения. «В 202 г. до н. э. ... собранный Цинь территориальный колосс так основательно расшатался, что у потомков Великого прародителя было мало шансов контролировать самую обширную и живучую из всех императорских конструкций Древнего Китая»³⁷.

Постепенное восстановление культурной традиции начинается с воцарением новой династии. Наступает время восстановления утраченных классических текстов и формирования на их основе письменного канона. Указ императора Цинь, запрещающий иметь книги в частном пользовании, был аннулирован в 195 г. до н. э.

³⁶ Кей Дж. Китай: От Конфуция до Мао Цзедуна / Дж. Кей ; перевод В. В. Степановой. – Москва : КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2020. – С. 131.

³⁷ Там же. С. 169.

Одна из самых важных идей всего двухтысячелетнего периода китайской истории – идея преемственности – реабилитирована: почти все «новые» тексты 1) перерабатывают мифологические, исторические или предшествующие им литературные сюжеты, 2) снова озвучивают и доказывают ценности классических текстов.

Именно восстановление литературной традиции, поиск и восстановление утраченных документов, создание новых версий потерянных бамбуковых таблиц – главная заслуга мудрецов **династии Хань**.

Эпоха правления Хань означена несколькими крупнейшими крестьянскими волнениями:

– Она открывается серией восстаний, начавшихся в 209 г. до н. э., когда группа крестьян из-за наводнения не смогла вовремя прибыть на строительство Великой стены и предпочла начать бунт, чем быть безвинно казненными. Итог – несколько лет смуты и приход к власти новой династии.

– В начале первого века н. э. династия оказывается в состоянии кризиса и власть ненадолго переходит к наследнику по женской линии и дальнему родственнику Ван Ману. Однако после наводнения (разлива Хуанхэ), лишившего большинство крестьян средств к существованию, начинается крестьянская война (восстание «краснобровых»), вернувшая на трон законных правителей.

– Наконец, к концу второго века н. э. династия ослабела в силу бесконечного регентства (на трон сажали несовершеннолетних наследников и правили министры...). На протяжении десятилетия религиозная секта «Путь Великого благоденствия» пропагандировала необходимость свержения династии и предсказала, что 4 апреля 184 года на земле эра «Синего Неба» (ди-

настия Хань) сменится эрой «Желтого Неба» (времени благоденствия).

В результате этот период распадается на:

- Западная Хань (206 г. до н. э. – 9 г. н. э.). Поместья как тип хозяйства. Столица Лоян, затем Чанъань;
- Династия Синь (9–23 гг.);
- Восточная Хань (25–220 гг.).

Эпоха Хань – одна из самых ярких в истории Китая, поскольку дала стране 400 лет стабильности. Среди наиболее важных явлений и тенденций эпохи – открытия Чжан Цяня (125–119 гг. до н. э.) и, как следствие, установление и развитие дипломатических отношений, торговли и культурного обмена с Индией, Римом. Китай занимает почти самую обширную территорию за свою историю, и его территория постоянно расширяется. Восстанавливаются классические тексты, что приводит к расцвету конфуцианства как государственной идеологии (в 136 г. до н. э. при императоре У-ди конфуцианство провозглашено официальной государственной идеологией).

5.1

Основными источниками по истории Китая от древности до поздней Хань являются тексты Сыма Цяня «Ши цзи» (Исторические записки), книги Бань Гу «Хань шу» (История Ранней династии Хань) и Фань Е «Хоухань шу» (История Поздней династии Хань).

Сыма Цянь (135/145–86 гг. до н. э.) – китайский историк династии Хань, чьи «Исторические записки» – труд по общей истории Китая, – охватывает более двух тысяч лет: от эпохи правления Желтого Императора до современной Сыма Цяню эпохи правления Военного Императора.

До нас дошло довольно много сведений о его жизни. В 20-летнем возрасте начал путешествовать по стране для сбора исторических сведений, преданий, изучения народных обычаев. После смерти отца, унаследовал его пост и получил доступ к императорским архивам. Руководил работой по усовершенствованию календаря и в 104 году до н. э. приступил к сочинению «Ши цзи» – труда, который он продолжал даже во время опалы и тюремного заключения: *«Если даже раб или тот, кто работает на кухне, может покончить жизнь самоубийством, почему же я не могу сделать то, что должен сделать? Но причина, по которой я решился терпеть все эти несчастья, остался жить в низости и позоре, не приняв смерть, заключается в том, что мне жаль, что у меня еще осталось огромное количество мыслей и изречений, не высказанных и не записанных, и мне стыдно, что я могу исчезнуть из истории, не оставив по себе даже следа для потомков...»* (перевод Р. В. Вяткина).

Свое современное название **«Ши цзи» (Исторические записки)** труд Сыма Цяня получил уже после смерти автора. Сам Сыма Цянь называл свое сочинение «Тайшигун шу» (Книга придворного историографа).

Символика названия указывает на приверженность традиции, на сознательное продолжение дела придворных историков-летописцев, от которых Сыма Цянь заимствует принцип точности места и времени, задачу не только фиксации, но и оценки событий (запись – мерило добра и зла, а хроникер – всегда придворный – обладает авторитетом для такой оценки), понимание истории как процесса, основанного на принципе «поощрения и порицания», связанного с конфуцианской концепцией, изложенной в «Чуньцю» (Весна и Осень):

«Вы делаете поправки своей семье в ущерб интересам нашего государства и тем самым подрываете законы. Подрывая законы, вы ослабляете государство; ослабляя свое государство, вы увеличиваете могущество владетельных князей. Усиление владетельных князей означает конец господства княжества. Вспомните сами, как вы приобрели богатство? Ведь если вы будете прежде всего блюсти законы, то верхи и низы будут жить в согласии, а государство будет могущественным. А если государство наше будет могущественным, то и правитель княжества будет стоять твердо. Неужели вам родные дороже Поднебесной?» (перевод В. А. Панасюка).

Характерная черта ранних летописей состояла в том, что анналист видел свой долг в фиксировании событий, но не пытался анализировать и обобщать их. Ни в одном из исторических сочинений доханьской эпохи, по существу, не ставился вопрос об исторической закономерности, о причинной зависимости в развитии истории и т. д. Впервые такая задача была поставлена в «Исторических записках» Сыма Цяня, где он пишет о цели своего труда:

«Я как тенетами весь мир Китая обнял со всеми старинными сказаньями, подверг суждению, набросал историю всех дел, связал с началами концы, вникая в суть вещей и дел, которые то завершались, то разрушались, то процветали, то упали, и в верх веков считал от Сюань Юаня, и вниз дошел до нынешнего года. Составил десять я таблиц, двенадцать основных анналов; трактатов, обозрений – восемь, наследственных родов-фамилий - тридцать, отдельных монографий – семьдесят, а итого сто тридцать в общем глав. И у меня желание есть: на этом протяжении исследовать все то, что среди неба и земли, проникнуть в сущность перемен,

имевших место как сейчас, так и в дни древности далекой»
(перевод Р. В. Вяткина).

«Исторические записки» Сыма Цяня обрели славу всеобщей книги, поскольку:

во-первых, будучи написаны в конце II в. до н. э., они излагают историю Китая начиная с мифических времен и кончая периодом жизни автора, т. е. охватывают эпоху по меньшей мере в две тысячи лет;

во-вторых, включают историю не только ханьцев, но и других народов, связанных с Китаем исторически и территориально;

во-третьих, состоят из 130 глав, содержащих более 500 тысяч иероглифов. Такого колоссального труда не знала не только историография, но и вообще наука того времени.

В противовес хронологическому принципу, господствовавшему ранее в китайской историографии, Сыма Цянь положил в основу «Исторических записок» совершенно иной принцип – жизнеописания исторических личностей.

«Исторические записки» состоят из пяти разделов:

1. «Бэнь цзи» (Основные записи).
2. «Бяо» (Таблицы).
3. «Шу» (Трактаты).
4. «Ши цзя» (Истории наследственных домов).
5. «Лечжуань» (Жизнеописания).

«Основные записи», «Истории наследственных домов» и «Жизнеописания» – три основных раздела «Исторических записок», в основу которых положен биографический принцип.

«Бэнь цзи» (Основные записи) – первая по расположению и основная по замыслу часть «Исторических записок». Здесь соединяются биографический и хронологический принципы изложения истории. Автор писал: *«[Я хотел] в деяниях царей*

уяснить причину начала и рассмотреть конец, увидеть расцвет и обозреть падение...». В величии и падении династий Сыма Цянь пытается проследить общую линию развития истории. Он представляет эпохи через деяния и речи их выдающихся деятелей. В речах чиновников и царедворцев отражает принципы, на которых базируется царство:

«Поэтому у Хань Фэй-цзы сказано: “У слишком доброй матери бывают непутевые дети; в строгой семье не бывает строптивых рабов”. Почему же так получается? Потому, что надо уметь наказывать построже. По законам Шан Яна казнили всякого, кто осмеливался бросить горящий уголь на дороге. ... Если так наказывали за легкое преступление, то как же наказывали за тяжелое! Поэтому народ не смел совершать преступлений» (перевод В. А. Панасюка).

В разделе **«Бяо» (Таблицы)** Сыма Цянь нередко дает сравнительный анализ хронологических данных, имеющих в различных исторических документах, с целью разрешения противоречий между ними. Автор сообщает о том, что мысль о необходимости составить сводные хронологические таблицы появилась у него после завершения работы над первым разделом «Исторических записок»: *«Когда я систематизировал их [т. е. «Основные записи»], я обнаружил, что при сопоставлении дат различных поколений возникают расхождения и неясности, поэтому я и составил десять таблиц».*

«Шу» (Трактаты) посвящены различным отраслям общественной жизни, культуры, науки. В отличие от предыдущих разделов главы «Трактатов» строятся не по биографическому или хронологическому, а по тематическому принципу. Это новаторский раздел, в котором историк-энциклопедист рассуждает об: экономической истории и теории (обмен, деньги, налоговая политика) – в «Трактате о балансе торговли»; ирригации –

в «Трактате о реках и каналах»; астрономии – в «Трактате о небесных светилах»; календаре – в «Трактате о календаре»; музыке – в «Трактате о музыке»; религии – в «Трактате о жертвоприношениях». Цель – совершенство жизни и прогресс в Поднебесной – должна достигаться политическими, экономическими путями, а также путем нравственного совершенства: *«Ведь, получая повеление [Неба] и управляя, каждый правитель добивается расцвета по-своему, пути их различны, но ведут они к одному; можно сказать, что они действуют, исходя из [желаний] народа, и, следуя обычаям [страны], создают систему [правления]. Кто обсуждал эти [положения], единодушно хвалил далекую древность, но разве в этом надежды народа? Дом Хань имеет свои собственные свершения, если мы не передадим [будущим поколениям] наши правила и законы, что скажут наши потомки? У тех, кто щедро отдается воспитанию народа, [пути] широкие и открытые; у тех, кто правит низкими способами, [пути] узкие и тесные, разве можно не проявлять старания в этом?»* (перевод В. А. Панасюка).

«Ши цзя» (Истории наследственных домов) – второй биографический раздел «Исторических записок». Это история царств эпохи Чжоу, представленная через биографии крупнейших представителей наследственной знати. Сыма Цянь писал: *«Подобно тому, как 28 созвездий вращаются вокруг Полярной звезды, а 30 спиц составляют вместе колесо, способное двигаться бесконечно, так и ближайшие помощники правителя занимают отведенное им место, своей преданностью и добродетелями служа императору, поэтому я и написал 30 Ши цзя».* Исключение из общего правила составляют лишь гл. 47 и 48 – жизнеописания Конфуция и Чэнь Шэ, не принадлежавших к знатным наследственным домам, но удостоенных помещения в этом разделе.

«Лечжуань» (Жизнеописания) – третий биографический раздел «Исторических записок». Общая картина прошлого раскрывается через частное – жизнеописания исторических деятелей, описания многих сопредельных племен и государств: Кореи, Намвьет, сюнну и т. д. В разделе *Ле чжуань* мы находим не только жизнеописания знаменитых философов, ученых, поэтов, полководцев, «дипломатов», государственных деятелей, чиновников, но и лекарей, торговцев, гадалей, актеров – простолюдинов, прославившихся талантами и добродетелями. На фоне историко-экономической карты Китая он показывает *«пять [категорий] людей»*, порою настолько преуспевших в своих профессиях, что они сравнивались со знатью.

Особенностью труда Сыма Цяня, таким образом, является сочетание различных способов изложения истории.

В совокупности частей и эпизодов «Исторические записки» – политический трактат, комплексный *«учебник для праведных (сяо — сыновнепочтительных) правителей»*, снабженный огромным числом исторических примеров. Реализуя конфуцианский принцип «поощрения и порицания», он пишет о закономерности смены династий: Цинь, признает он, сделали много хороших преобразований, объединили страну, но свидетельства и документы подтверждают и отрицательные черты в характере всех циньских правителей. Таким образом, в книге складывается негативная характеристика представителей Циньской династии, показаны «объективные» основания для потери ими «мандата Неба». Ханьская империя продолжила созидательную традицию. Правители Хань достойны титула, а придворные для утверждения своего авторитета нуждаются в том, чтобы на них падал отсвет императорской власти. Так, утверждается традиция централизованного имперского правления.

Принципы китайской государственности, которые последовательно утверждает Сыма Цянь:

– жизнь людей определяется их нуждами, потребностями, обстоятельствами, условиями, эмоциями, вожделениями, честолюбием, а также природой и ее капризами (астрологические наблюдения);

– автор рекомендует правителям предоставить подданным возможно более обширное поле для самостоятельных личных инициатив: вышеперечисленные нравы *«издавна распространены в народе, и... [людей]... изменить... невозможно. И поэтому наилучший [правитель] не стремится что-либо изменить; тот, что похуже, – привлекает [народ] выгодой, еще хуже – склонен его поучать, еще худший – принуждает к порядку, а самый плохой – вступает [с народом] в борьбу»*;

– в стране могут устанавливаться разные уровни ответственности групп населения за те или иные деяния: простолюдин ответственен перед семьей и низшими уровнями власти; администратор-бюрократ – перед своей средой и элитой, а в конечном счете – перед императором. И лишь император и династия – непосредственно перед Небом. Но все сословия в итоге объединяет подвластность общеимперскому законодательству.

В итоге, Сыма Цянь – человек, тяжело пострадавший от жестокости правителя (тюрьма, оскпление, «спрятанная» рукопись и потерянный список), ощущающий свою невиновность, но смиряющийся со своей бедой, – показывает высочайший пример гражданской доблести, вопреки всем страданиям и мучениям завершив свой гигантский труд. Он по-прежнему верит в человечество, печется о его будущем, облегчая историческими примерами для грядущих поколений борьбу с невзгодами и осознание своего места в беспокойном трудном для жизни мире.

Часто труд Сыма Цяня сопоставляют с «Историей» Геродота и со «Сравнительными жизнеописаниями» Плутарха. Появление «Исторических записок» в значительной мере стимулировало интерес к изучению истории. Если до Сыма Цяня в Китае было написано всего 190 цзюаней³⁸ исторических сочинений, то за одно столетие после появления «Ши цзи» их число достигло 235 цзюаней.

5.2

Если «Ши цзи» впервые представляет образец книги по общей истории, то «Хань шу» Бань Гу описывает историю династийную в формате «анналов и жизнеописаний» (цзи чжуань). Эти книги легли «в фундамент китайского историописания, став базой новой литературной формы»³⁹.

Бань Гу (32–92 гг. н. э.) ограничивает хронологические рамки своего труда историей династии Хань. «Хань шу» насчитывает 120 цзюаней и рассказывает о событиях, произошедших за 229 лет с начала правления ханьского Гао-цзу (206 г. до н. э.) по четвертый год правления Ван Мана под девизом Ди-хуан (23 г. н. э.).

Его «История династии Хань» возникла из работы по систематизации записей отца Бань Гу: Бань Бяо (3–54), желая дополнить «Ши цзи», некогда составил «Хоу чжуань» («Последующие жизнеописания»). Приводя в порядок записи отца после его смерти, Бань Гу решает, что трактат недостаточно подробный и начинает на его основе свою книгу «Хань шу».

³⁸ Единица измерения объема текста в Китае, эквивалент – том, книга, тетрадь.

³⁹ История китайской цивилизации : в 4 т. / гл. редкол. Юань Синпэй и др. ; перевод с китайского под ред И. Ф. Поповой. – Москва : Шанс, 2020. – С. 326.

Состав книги:

1. «Основные записи» (анналы).
2. «Трактаты».
3. «Жизнеописания».
4. «Таблица людей древности и современности».
5. «Таблица чиновников и министров».

Здесь даются сведения о сельском хозяйстве, товарообороте, экономике, военной системе, природных катастрофах, зарождении и развитии историографии и географии, описывается история развития правовой системы, цитируются конкретные законы. В «Трактатах» приводятся данные об административном делении, демографическом состоянии и историческом развитии всех уездов тогдашнего Китая, перечисляются природные богатства, производимые блага и обычаи различных регионов. «И вэнь чжи» (Трактат о литературе) рассказывает о происхождении и развитии различных течений теоретической мысли, а также содержит перечень книг императорской библиотеки, насчитывающий *«38 разделов в шести сводах, [в которых содержалась информация о книгах] 596 авторов в 13 269 цзюанях»*. Значение этого древнейшего каталога определяется той ролью, которую он сыграл в хранении и возрождении древних текстов.

Большое внимание Бань Гу уделяет вопросам религии и нравственности, занимая «срединную» позицию между легизмом и конфуцианством: *«Восприятие прекрасного и изящного, изысканного и удивительного всецело зависит от глаз и ушей, и поэтому если утрачивается воспитание, то [появляется] высокомерие; если утрачивается музыка, то [появляются] чрезмерные желания; если утрачивается ритуал, то [появляется] внешняя красивость; если утрачиваются наставления, то [появляется] ложь. Ложь, внешняя красивость, чрезмер-*

ные желания, высокомерие — все это не есть ... образец [поведения] для народа. Таким образом, народ Поднебесной – это толпа, непрестанно устремляющаяся за выгодой и преступающая закон. Ваш подданный хотел бы, чтобы [Вы] установили меру для народа, дабы воспрепятствовать появлению у него чрезмерных желаний, сделали так, чтобы богатые не ослепляли бедных блеском [своей роскоши] и таким образом “привели их к согласию”» (перевод Е. А. Торчинова).

Выступает Бань Гу и поэтом, чье одическое творчество известно в трех полных произведениях: «Си цзин фу» (Ода о Западной столице), «Дун цзин фу» (Ода о Восточной столице) и «Ю тун фу» (Ода об общении с потаенными).

«Си цзин фу» и «Дун цзин фу», известные под общим названием «Лян ду фу» (Ода о двух стольных городах), – объемное политизированное повествование (более 4 700 иероглифов), посвященное Чанъаню и Лояну. Восторг перед масштабом строительства (при Мин-ди) императорской резиденции сливается с прославлением императора, ради воплощения замыслов которого совместно трудятся небо и земля: «天人合应·以发皇明·乃眷西顾·实惟作京». В форме диалога между «гостем», прибывшим в Лоян, и «хозяином», жителем Лояна, обсуждаются подобные величию небес и соседству пяти стихий строения, красота общего плана, надежность оборонительных сооружений, богатство пригородов новой столицы: «其宫室也·体象乎天地·经纬乎阴阳». Общая идея заключается в доказательстве правильности переноса властями нового правящего режима имперской столицы в Лоян. «Город строился по принципу, который пришелся бы по нраву современным строителям: с широкими дорогами вдоль стен и узкими дорожками внутри районов, по которым можно было пройти только

пешком. ... Такая планировка сильно упрощала процесс контроля населения. ... Города и здания были ориентированы по частям света»⁴⁰.

Параллельно разворачиваются хвалы в адрес Мин-ди, в заслугу которому поставлены возрождение принципов «классических ритуалов», нашедших воплощение и в планировке новой столицы:

«彰皇德兮侔周成。永延长兮膺天庆».

5.3

Важнейшим культурным явлением эпохи Хань стала Музыкальная палата (Палата Юэфу), созданная при императоре У-ди, и ее деятельность. Китайская императорская Музыкальная палата с перерывами просуществовала со II в. до н. э. по VI в. н. э. Она создавалась как подразделение Дворцового Приказа – одного из девяти высших административно-бюрократических органов ханьской империи. Была реорганизована на рубеже I в. до н. э. – I в. н. э.

До реорганизации собирала и записывала народные песни. Как пишет автор официальной «Истории династии Хань» Бань Гу, Музыкальная палата составила двадцать восемь сборников песен об обычаях и нравах людей и целых местностей, которые собирались для выяснения настроений подданных. В этих стихах-песнях часто содержится социальное обличение, рассуждения о любви, разлуке и т. д.

После реформы палата стала не только собирать и записывать, но и редактировать народные песни.

⁴⁰ Гасконе Б. Краткая история династий Китая / Б. Гасконе ; перевод с английского под ред. Кия Е. А. – Санкт-Петербург : Евразия, 2009. – С. 125–126.

Во времена Хань деятельность Музыкальной палаты воспринималась как сакрально-религиозная, с одной стороны, и государственно-охранная – с другой. Во-первых, она выполняла важную для конфуцианства функцию сохранения старины: древние песни – отголоски «гласа Неба», предвестие грядущего, отражение законов Поднебесной, поэтому их должно сохранять и передавать будущим поколениям. Во-вторых, палата становится своеобразным институтом для формирования общественного мнения. Собранные фольклорные стихи и песни перерабатывались, часто наполняясь «пропагандистским» содержанием, хотя использовались узнаваемые популярные мелодии.

Главный жанр стихов Музыкальной палаты – юэфу – демократичный по своему происхождению, строю и сути жанр. В нем органично сосуществовали элементы одической поэзии и народных песен. В юэфу используются:

- пятисложные строки;
- рифмы и повтор слогов;
- регулярный ритм;
- разговорная лексика и диалоговые формы изложения;
- законченные повествовательные сюжеты (по аналогии с балладой);
- фантастика, гипербола, экспрессия.

Юэфу – стих, написанный песенными размерами, созданный в подражание конкретным образцам песенного фольклора или стилизованный под народное песенное творчество. Как это и свойственно народной песне, юэфу часто используют прямые обращения, риторические вопросы и восклицания, адресованные воображаемому собеседнику, который должен проникнуться сочувствием, разделить горе, тоску, любовь певца, вступить с ним в заочную беседу. В отличие от од фу, представляющих собой неравностопный свободный стих, сочетающийся с

прозаическими фрагментами, принятый еще в «Шицзине», обогащенный нерегулярными рифмами, юэфу тесно связаны с музыкальной основой.

Большинство стихов ханьского периода пронизаны грустью, идет ли речь об изгнанных и непонятых поэтах, о любви и преданности либо о тяготах народной жизни или суровых походах.

悲歌可以当泣。

远望可以当归。

思念故乡。

郁郁累累。

欲归家无人。

欲渡河无船。

心思不能言。

肠中车轮转。

*О песня грусти, слезы замени.
Взгляд на дорогу – вместо
возвращенья.*

*Края родные! Далеко они.
Их приближают только
сновиденья.*

Перевод Л. Е. Черкасского

*О скорбная песня — она как рыданье,
Взгляд в дали родные — почти
возвращенье.*

*А мысли и думы о брошенном доме
Теснятся толпою, бредут вереницей...
Хотел бы назад — там живых
не осталось,
Хочу через реку — но нет на ней лодки;
И думы, что в сердце, не высказать
словом:*

Колеса повозок в нем тяжело вертятся...

Перевод И. С. Лисевича

Кроме того, в собрании Музыкальной палаты активно появляются социально-критические песни о столкновении богато-

го и бедного. Это всегда неравное противостояние, в котором у бедного одно оружие – хитрость, один способ защититься – тонкая дипломатическая игра. Яркий пример, юэфу «Сбор тутового листа на лесной тропинке».

日出东南隅。照我秦氏楼。 秦氏有好女。自名为罗敷。 罗敷善蚕桑。采桑城南隅。 青丝为笼系。桂枝为笼钩。 头上倭堕髻。耳中明珠珠。 缃绮为下裙。紫绮为上襦。 行者见罗敷。下担捋髭须。 少年见罗敷。脱帽著幘头。 耕者忘其犁。锄者忘其锄。 来归相怨怒。但坐观罗敷	使君从南乘。五马立踟蹰。 使君遣吏往。问此谁家姝。 秦氏有好女。自名为罗敷。 罗敷年几何。二十尚不足。 十五颇有馀。使君谢罗敷。 宁可共载不。罗敷前致辞。 使君一何愚。使君自有妇	罗敷自有夫。东方千馀骑。 夫婿居上头。何用识夫婿。 白马从骊驹。青丝系马尾。 黄金络马头。腰中鹿卢剑。 可值千万馀。十五府小史。 二十朝大夫。三十侍中郎。 四十专城居。为人洁白皙。 鬣鬣颇有须。盈盈公府步。 冉冉府中趋。坐中数千人。 皆言夫婿殊。
<i>Рождалось солнце на востоке И шло на юг, Дома у Циней освещаая И все вокруг. Красавица родилась в доме Семьи моей. Она себя Ло-фу назвала – Вот имя ей. Ло-фу искусна в шелководстве И листья рвет На тутах, что растут на юге От городских ворот. Тесьмою связана корзина – Шелк голубой. Надежно сколота</i>	<i>Гонец проезжий прибыл с юга Под стук копыт. И много слуг и приближенных За ним спешит, Ло-фу увидев, шлет вельможа Слугу спросить: «В чьем доме девушка такая Изволит жить?» «В семействе Цинь, как мне сказали, Она живет. Обычным именем девичьим Себя зовет». «А сколько лет девице этой? Узнай скорей».</i>	<i>Есть на востоке много конных, И муж мой там. Он скачет первый, беспощаден Ко всем врагам. Как сможете узнать супруга Среди других? Его скакун заметен белый Средь вороных. Тесьмою синей хвост украшен Его коня. Сверкает золотом уздечка, Как сноп огня. Широкий меч с противовесом – Для мощных рук.</i>

<p> корзина Акации иглой. На голове красивый узел Тугих волос. В ушах жемчужины сверкают Крупнее слез. Оранжевым узорным шелком Расшит наряд, Поверх лиловыми шелками Блестит халат. Увидевший Ло-фу прохожий Бросает груз, Глядит и теребит рукою Колючий ус. И юноша мечтает с нею Узнать любовь, Растерянно он снимет шапку. Наденет вновь... Бросают пашущие в поле Тяжелый труд. И, позабыв свои мотыги, За ней бегут. Обидно им, домой вернувшись, Смотреть на жен: Ведь каждый, кто Ло-фу увидит, Навек пленен. </p>	<p> «Не полных – двадцать, а пятнадцать Минуло ей». Несет слуга слова вельможи: «Велел спросить, Не согласится ли девица С ним кров делить?» Ло-фу немедля отвечает – Ответ прямой: «Как глуп, хотя богат и знатен, Вельможа твой! Есть у богатого вельможи Своя жена. Есть у Ло-фу супруг желанный – Я не одна. </p>	<p> В пятнадцать лет – чиновник видный Был мой супруг. А в двадцать – крупному вельможе Помощник он. Постом большим в тридцатилетье Был награжден. И целым городом он править Стал в сорок лет. С людьми он честен, чист и ясен – Честнее нет. С красивой бородой длинной, Он бел лицом. Степенною походкой входит В чиновный дом. Красивой поступью заходит Он в свой приказ, Толпа людей с него не сводит Влюбленных глаз И говорит, что он отличен От всех вокруг. Вот видите, каким быть должен Ло-фу супруг». Перевод Б. Б. Вахтина </p>
---	--	--

Солнечно с утра,
Цинь встают от сна,
Но уже в трудах.
Дочь-красавица,
Луофу названа, –
И умелица,
А шелкопряда
И кормилица.
Листьев корзина
Ниткой стянута,
Веткой луньяна,
Петля скреплена.
Коса черная
Вниз опущена,
А жемчужина
В ухо вцеплена.
Блузка красная,
Юбка желтая –
Раскрасавица!
Пройдет юноша –
Приосанится.
Пройдет мужчина –
Залюбуется. –
Все любятя.
Земля пахаря
Не возделана,
Не засеяна.
Везде работа
Остановлена, –
Красоты вина
Установлена.

Мимо карета
Двигается с юга.
Важного чина
Едет мужчина.
Встала пятерка,
Будто вкопана.
Побежал слуга
Узнать, откуда
Раскрасавица.
Подошла она:
«Цин – моя семья,
В ней я названа
Луофу-красота».
«Ты скажи тогда
Про свои года,
Раскрасавица!»
«Не скажу числа.
За пятнадцать я
Уже выросла.
Ну а двадцать я
Не переросла».
«Луофу, ты умна.
Карета прочна,
Луофу мне нужна!
Покатаемся!»
Говорит она:
«Ваша речь смешна.
У вас есть жена.
Я мужу верна.

Скачет конница
– Ровно тысяча,
Команды мужа
Всюду слышатся.
Лошадь белая,
Грива черная
И блестит узда
Золоченая.
Миллион цена
Острога меча.
Муж дослужился
До высшего чина
В палатах дворца
Императора.
Его красота
У людей в глазах
Отражается:
Кожа белая,
Как шелк борода.
Поступь важная,
Чуть небрежная,
У чиновника –
А их тысяча
Совещаются –
Всегда на губах
Мужу похвала.
Перевод Я. М. Колкер

Композиционно стихотворение «Сбор тутового листа на лесной тропинке» состоит из трех частей. Первая и третья преимущественно описательные, а вторая – в основном повествовательная, где Луофу беседует с важным чиновником из Тай-

шоу, придумывая себе мужа, давая понять, что ему не на что надеяться, выставляя напоказ его глупость.

Первая и третья части – утопически идеализированно представляют красоту простого человека и его нравственность: трудолюбие, красота, изящество, заботливость – народный женский идеал, отраженный в первой части; успешная карьера чиновника, мудрость советчика в делах семьи и государства, храбрость – черты, составляющие идеал мужа, красоты и мужественности мужчины тех времен. Активно используемая цветопись придает портрету яркость, живописность несет ощущение радости жизни и молодости. Героиня и ее воображаемый супруг несут два противоположных цветовых комплекса: яркие теплые цвета, ассоциированные с югом, огнем, развитием подчеркнуты в портрете героини и металл, белизна, твердость и зрелость – смыслы, акцентированные цветом в портрете героя. И только богатый чиновник, посягающий на честь Луофу, показан безликим, лишенным как этических, так и эстетических характеристик. Все три части отличаются друг от друга по ритму, строятся с использованием типичных для фольклорной песни повторов и прямых оценок (особенно заметных в прямой речи героини по отношению к собеседнику).

Активно реагируют юэфу на политические события, отражают народную позицию по вопросам войны и мира, свободы и угнетения, богатства и бедности:

*Солдаты воюют на юге, на севере умирают.
Их трупы по всей округе даже не убирают.
«Попричитала б сперва ты! — я говорю вороне, —
Если погибли солдаты, никто их не похоронит!» ...
Если б добры и мудры были наши вельможи,
Солдаты, что бьются утром, вечером жили б тоже!*

Перевод А. Тер-Григоряна

Среди юэфу часто появляются и общефилософские рассуждения о быстротечности жизни, невозможности познать законы мироздания, необходимости смирения:

*Как можно жить в печали горькой,
В заботах, скорби, удрученье
И радость ожидать в грядущем?*

Перевод Б. Б. Вахтина

Сохранилось несколько сот текстов юэфу самой разнообразной тематики, музыка утрачена.

Вопросы для самопроверки

Кто из правителей объединил Китай и сделал его империей?

Что такое политика легизма?

В связи с каким событием древние тексты дошли до нас в списках?

Какое большое событие происходит в китайской культуре в 212 г. до н. э.?

При какой династии отменен закон против книг и началось восстановление письменного канона?

Какие народные восстания «обрамляют» эпоху Хань? Чем они вызваны?

Каковы основные достижения династии Хань?

Какие книги составляют основу ханьской историографии?

Чем принципиально отличаются историографии Сыма Цяня и Бань Гу?

Какие формы повествования являются общими для историографий Сыма Цяня и Бань Гу?

Каково первоначальное название книги Сыма Цяня?

Что такое цзюань?

Какова главная историческая идея Сыма Цяня, через призму которой он оценивает деятельность Цинь Шихуанди?

В чем заключается новаторство Сыма Цяня?

Назовите аналог пушкинскому фрагменту поэмы «Медный всадник» («Люблю тебя, Петра творенье») в китайской литературе эпохи Хань?

Какой из текстов Бань Гу является древнейшим каталогом китайской литературы?

Как и с какими целями создана Музыкальная палата?

Какие функции выполняла Музыкальная палата в своей долгой истории?

Дайте определение жанра юэфу.

Назовите типичные признаки юэфу.

Перечислите главные темы юэфу.

Что общего между китайскими юэфу и европейской (и русской) балладой?

Задания для самостоятельной работы

Сравните тексты русской народной баллады и китайской юэфу. Ответьте на вопросы:

О какой системе военной службы идет речь? Что такое рекрутинг?

Как подчеркиваются заслуги солдата в том и другом тексте?

Как рисуется контраст между ожидаемым и реальным положением дел на Родине? Почему солдат в китайском тексте задает вопросы прохожим?

Через какие детали показано разорение и запустение дома и сиротство семьи?

Какие чувства передает описываемое поведение солдата?

Как, какими элементами, деталями представлена природа в том и другом стихотворении? Какова их функция?

*В пятнадцать лет ушел в поход с войсками,
Лишь в восемьдесят смог домой вернуться.
Крестьянина спросил, войдя в деревню:
«Скажи, кто жив в семье моей остался?»
«Смотрите сами — дом ваш виден вам».*

*Могильный холм с рядами кипарисов.
Из лаза пса выскакивает заяц,
Фазан взлетает со стропил прогнувших.
Несеяный горох в подворье вьется,
И овощи колодец оплетают.*

*Толку горох я, чтобы сделать кашу,
И овощи срываю для приправы.
Отвар и кашу быстро приготовил,
Но для кого? Кто сядет есть со мною?*

*Из дома выйду, обращусь к востоку,
И слезы горькие с одежды пыль смывают.*

Перевод Б. Б. Вахтина

*Как служил солдат службу ратную,
Службу ратную, службу трудную,
Двадцать лет служил,
Да еще пять лет,
Генерал аншеф ему отпуск дал.*

*Как пришел солдат во родимый дом,
Вся-то грудь в крестах, сам седой, как лунь.
На крыльце стоит молода жена,
Двадцати годов словно не было.*

*Видно ты, жена, хорошо жила,
Хорошо жила, не состарилась.
А в ответ с крыльца говорит она,
Говорит, сама горько плачется.*

*Не жена твоя я законная,
А я дочь твоя, да дочь сиротская.
А жена твоя пятый год лежит
Во сырой земле под березонькой.*

*Как вошел в избу, сел за стол солдат,
Зелена вина приказал подать.
Пьет вино солдат, по щекам его
То ль вино течет, то ли слезоньки.*

Сделайте анализ стихотворения Чжан Юэ. Прокомментируйте названия, имена, интертекстуальные цитаты. Определите тему, форму, ситуацию, приемы, при помощи которых реализуются интертекстуальные смыслы.

*На востоке – Стена над «Палатой книг и картин»;
А на западе — Сад, там, где «Перьев и туши лес».
Как страной управлять, понимаешь, прочтя «Ши-Цзин»;
А толкуя «Чжоу-И», прозреваешь волю Небес.
Свой «похитивши пост», щедро сыплю приправы в суп,
И, снискав похвалу, вволю сладкие вина пью...
В честь прихода весны песня птицей слетела с губ.
Чувства в ней исчерпав, Знатоку ее отдаю!*

Практико-ориентированные задания и игры

Прочитайте вместе с учениками 8-го класса⁴¹ фрагмент стихотворения одного из первых поэтов Ханьской эпохи, имя которого осталось в истории китайской литературы, – Цзя И. Свою поэму «Плач по Цюй Юаню» Цзя И написал, проезжая мимо места, где Цюй Юань совершил ритуальное самоубийство. Цзя И тоже был убежден, что в мире нет справедливости. Цзя И обличает пороки мира, что дает основание для сравнения его текста с LXVI сонетом Шекспира. Сравните тексты. Ответьте на вопросы:

Какие антитезы важны и значимы для Цзя И и для Шекспира?

Чему противопоставит мудрость в китайском стихотворении?

Какие качества в совокупности воплощают мудрость в сонете Шекспира?

Какие достоинства, не названные Цзя И, важны для Шекспира?

Почему мечты поэта Цзя И сравнивает с фениксом и чудоптицей? Как это сравнение связано с поэмой Цюй Юаня? Кто такие в интертекстуальном контексте «хищные совы»?

Как различаются финалы стихотворений?

*Тебе, река Сяншуй, вверяю
Мой горестный, мой гневный
стих.
Мудрец попал в коварства сети
И умер, задохнувшись в них.*

*Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,
И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,*

⁴¹ Согласно Федеральной рабочей программе среднего общего образования сонеты Шекспира изучаются в 8 классе.

*Увы! Увы! О том я плачу,
Кто радостных не знал часов.
Нет феникса и чудо-птицы,
И все под властью хищных сов.*

*Увы, глупец прославлен ныне,
Бесчестный властью наделен.
Вступивший в бой со злом и ложью,
Мудрец на гибель обречен. ...*

*Вотще погиб учитель мудрый.
Как не грустить, не плакать мне?
Нет больше золотых сосудов,
А глина грубая в цене.*

Перевод А. А. Ахматовой

*И мощь в плену у немощи беззубой,
И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.*

*Все мерзостно, что вижу я вокруг...
Но как тебя покинуть, милый друг!*

Перевод С. Я. Маршака

Предложите не менее двух подобных заданий. Они должны быть составлены так, чтобы их можно было использовать в практике работы со школьниками. Придумайте, разработайте и опробуйте их в учебной группе на практическом занятии.

Тема 6. ЛИТЕРАТУРА «СМУТНЫХ ВРЕМЕН» (220–589 гг.)

Следующий большой этап, продлившийся более 350 лет, – **Смутное время**, в течение которого относительная стабильность связана только со временем правления династии Цзинь, всё же остальное время Китай живет, раздираемый распрями, борьбой сильных семейств за власть и осаждаемый внешними врагами:

- 220–280 гг. – эпоха Троецарствия:
 - 200–266 гг. – царство Вэй;
 - 221–263 гг. – царство Шу;
 - 222–280 гг. – царство У.
- 265–420 гг. – эпоха Цзинь:
 - 265–316 гг. – Западная Цзинь;
 - 317–420 гг. – Восточная Цзинь.
- 305–439 гг. – Шестнадцать варварских государств.
- 420–589 гг. – Южные и Северные династии.

III—VI вв. н. э. – напряженный период постоянного перехода власти от одной правящей группы к другой, борьбы с кочевыми племенами; период внутренних распрей, захвата и даже полного разорения столичных центров. Хотя «Цзинь ненадолго воссоединила империю после длительного разорения... в 311 г. второй по величине город в мире был полностью разорен, а старейшая империя уничтожена ордой неграмотных обитателей юрт... Артур Уэйтли сравнивал падение Лояна в 311 г. с разграблением Рима готами в 410 г.»⁴². С другой стороны, в это время

⁴² Кей Дж. Китай: От Конфуция до Мао Цзедунa. С. 279.

постепенно восстанавливается равновесие между конфуцианством и даосизмом, с III–IV вв. начинается распространение буддизма. «Впрочем, идеология единства государства продолжала существовать, и каждый из лидеров пытался использовать ее в своих целях. Это был золотой век для авантюристов, крупных земельных собственников, превратившихся в региональных владык, которые по очереди пытались вдохнуть жизнь в старую идею единой империи, естественно, мечтая править ею единолично»⁴³.

В век потрясений оды (фу) выходят из употребления, место патриотически-верноподданнического пафоса занимает лирика, отличающаяся эмоциональностью и психологизмом. Говоря о литературном развитии, необходимо подчеркнуть, что продолжается развитие поэзии и ведущим поэтическим жанром становится гу ши – лирические стихи, написанные пятисловным (по 5 иероглифов в строке) каноном, не ориентированные на песенно-музыкальную основу, свободные по ритмико-настроенческим характеристикам, отражающие индивидуально-авторские образные и этические установки (самый полный сборник «Вэнь сюань» – Избранные произведения изящной словесности), появляются поэтические трактаты Цао Пэя «Рассуждение о классическом», Лу Цзи «Ода изящной словесности», записываются устные прозаические рассказы – собрание сяо шо («малая проза», «рассказы ничтожных»), такие как собрание Гань Бао «Записки в поисках духов».

⁴³ Елисеефф В. Цивилизация классического Китая / В. Елисеефф, Д. Елисеефф ; перевод с франц. Д. Лоевского. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – С. 208.

6.1

Хотя «литература ... и составляющие ее поэтические феномены ни в коем случае не являлись революционными для национальной художественной словесности. Они возникли в результате достаточно протяженных во времени эволюционных процессов, спровоцированных и затем предельно ускоренных как объективными – историко-политическими и культурно-идеологическими – так и субъективными факторами»⁴⁴, среди важнейших «сдвигов» нужно отметить:

- формирование индивидуально-авторской лирики (в связи с этим интерес к древней чуской поэзии и создание свода «Чуские строфы»);

- возрождение традиции интеллектуально-творческих содружеств при княжеских дворах (Ечэнская плеяда, Цзянь-ань фэнгу);

- появление аллегорической поэзии (пример, «Ода о попугае» Ми Хэна);

- тесная взаимосвязь поэтической и политической деятельности наиболее выдающихся поэтов.

Одно из самых ярких литературных явлений эпохи – «три Цао»: поэтическое творчество Цао Цао, Цао Пи и Цао Чжи, совмещавших политический авантюризм с поэтическим даром, глубокое философское раздумье с лирической интонацией, деятельный характер с созерцательностью.

⁴⁴ Алимов И. А., Кравцова М. Е. История китайской классической литературы ... Ч. 1. С. 373.

Цао Цао (155–220), активно участвуя в политических событиях конца империи Хань, создает остроактуальные стихи, наполненные горечью и сарказмом:

*Двадцать два поколения
сменились на ханьском престоле...
Ныне вставший у трона –
на что оказался способен?!
Вот уж верно,
мартышка в парадном чиновном уборе...*

Перевод М. Е. Кравцовой

Используя природный параллелизм (*Но зловещее пламя / уж ясное солнце пронзило...*), прямые обвинения (*негодяй и мятежник*), олицетворения (*Рубит древо под корень*), он описывает исторические события, называет – иногда прямо, иногда описательно – конкретных государственных и военных деятелей, объясняет принимаемые им самим указы, законы и политические решения. Лейтмотивом почти через всю лирику Цао Цао проходит идея возрождения страны, тем более что он в деталях представлял собой тот идеал общественного устройства, к которому надлежит стремиться:

*Не просто по горным уступам пройти.
Все думы мои – о далеком пути.
Тревога на сердце. Здесь ветер жесток.
Мечтаю вернуться домой, на Восток.
Стоим, озирая чужие места.
Река, словно пропасть, и нету моста.
Смеркается. Негде нам ночь переждать.
И тропки знакомой уже не видать.*

Перевод В. А. Журавлева

Стихи на социально-политические темы составляют большую и важную часть творчества Цао Цао.

Не менее важны тексты религиозного содержания (на тему обретения бессмертия, устройства мира, гармонии Вселенной). Так, цикл стихов «Ци чу чан» (Песнь вырвавшемуся духу) – одно из первых в китайской лирической поэзии произведений на даосско-религиозные темы: даосский термин *ци* («эфир», «пневма») вынесен в название как обозначение адресата стихов. Нарисованный Цао Цао мир – мир незыблемости и в то же время движения:

*На востоке громада Тайшань вырастает,
Где бессмертные
вместе с Нефритовой девой
Отдыхают, спустившись с высот.*

Перевод М. Е. Кравцовой

В нем вселенская красота и гармония пространственно-временного континуума сливается с духовной, витальной энергией:

*Да, мечтать, чтобы дух с Небесами
пришел в единенье,
Чтоб божественность
сущность твоя обрела,
Чтобы править,
летя, белоснежным оленем,
Колесницею стали б тебе облака.
Врат достигнуть бы тех,
что уводят на небо,
В дар чудесный напиток
из рук божества получить,
И его воспринять,
преклоняя смиренно колена,
И за это хвалы
небожителям всем возносить!*

Перевод М. Е. Кравцовой

Обретение бессмертия осмысляется как органическое слияние космогонического, антропоморфно-телесного и психически-духовного. Растворяясь в небесной *ци* (изначальной пневме-эфире), человеческое претерпевает ту важнейшую для даосизма трансформацию, в ходе которой обретает бессмертие (*сянь*).

Мистическое странствование даосского адепта – традиционный сюжет для оды и поэмы – у Цао Цао становится частью личного переживания лирического героя:

*Шесть драконов – мне кони,
А ветер – моя колесница.
Ну так в путь –
за пределы Великих пучин!*

Перевод М. Е. Кравцовой

Путь совершенства и следования судьбе ведет человека к осознанию небесной гармонии и обретению энергии жизни:

*Пределов не знают ни горы, ни воды
Своей вышине и глубинам своим.
Коль князю мудрейшему станем подобны,
То всей Поднебесной сердца покорим!*

Перевод М. Е. Кравцовой

Кроме того, в творческом репертуаре Цао Цао появляется «пейзажная лирика» — произведения, находящиеся вне каких-либо строгих тематических рамок и выражающие общефилософские размышления о жизни или еле уловимые, спонтанные, мимолетные настроения:

*Как ярко на небе сиянье луны,
Поди-ка попробуй его погаси!
А если тебя охватила тоска,
Поди-ка попробуй ее прогони!*

Перевод М. Е. Кравцовой

6.2

Женская поэзия в Китае явление настолько значительное, что Чэнь Вэйсун (1625–1682) составил объемный сборник «婦人集» (Женское собрание), описывающий жизненные истории, таланты, образцы высокой нравственности и благородства исторических героинь. Ярким явлением эпохи становится творчество **Се Даюнь** (IV в., точные даты жизни неизвестны). Племянница первого министра Восточной Цзинь Се Аня и дочь генерала Се И, она вошла в историю литературы лирическими стихами и «львиным характером». О ней говорили, что она способна воспеть снег (отсылка к одному из биографических эпизодов) и способна поднять меч (когда бунтовщики под предводительством Сунь Эня захватили в 399 г. город Куайцзи, она защищала свой дом с оружием в руках).

В собрание «Цюань Цзинь вэнь» (Полное собрание художественной словесности Цзинь), где собраны произведения, относящиеся к «обеим Цзинь», включены два стихотворения поэтессы: «Тяньшаньская ода» и «Ода соснам в подражание Ци Чжунсаню».

峨峨东岳高·秀极冲青天。
岩中间虚宇·寂寞幽以玄。
非工复非匠，云构发自然。
器象尔何物，遂令我屡迁。
逝将宅斯宇，可以尽天年。
长 侮 命 天 誉 不

*За облака вознесся
Пик горы на востоке,
Ясное небо пронзил он
Сверкающим острием.
В скалах там затерялся
Скит, такой одинокий,
В тишину погруженный,
С тайной, сокрытою в нем.*

*Мнится: то не творенье
Рук мастеров умелых –
Словно он изначально*

*Создан природой самой.
Воздух, какой здесь воздух! –
Им бы дышать я хотела,
Здесь всё зовет остаться,
Не возвращаться домой...*

*Скоро в скиту таком же
Я поселюсь, пожалуй,
В нем до последнего часа
Век скоротаю мой.*

Перевод М. И. Басманова

Мечта об отшельничестве сливается здесь с восторгом перед миром величественной природы, полной спокойствия и света, и восхищением трудом древних мастеров, построивших скит, гармонически вписанный в картину гор, пронизанный святостью и ощущением сакральной тайны, хранимой веками.

Судьба и талант Се Даюнь стали нарицательными, дали начало выражению, посвященному поэтессе, «詠絮之才» (таланти воспевания Сюй), которое означает восхваление женщины, умеющей писать стихи, примерно также, как с легкой руки Платона греки стали называть поэтессу Сапфо «десятой музой света», затем распространив эту метафору на любую талантливую женщину, посвятившую себя труду литератора и преуспевшую на этом поприще.

6.3

Гань Бао (~286–336) – поэт династии Цзинь (Восточная Цзинь), бывший главой Управления истории, состоявший при дворе в качестве официального историографа и составивший, по аналогии с «Историей династии Хань» Бань Гу, «Хронологию Цзинь» от основания династии в 265 г. до ее распада в 317 г. (текст, полностью утраченный, вероятно, в процессе переписывания).

вания). Гань Бао по праву считается основателем китайской сюжетной прозы, давшей начало жанру *сяо шо* («рассказы ничтожных») в собрании фантастических новелл «**Соу шэнь цзи**» (**Записки о поисках духов**), задача которого – развлечение читателя и знакомство его с основными принципами космогонического и социального порядка и справедливости.

Именно со сборником Гань Бао в истории китайской литературы наметился принципиальный переход от использования сюжета как вспомогательного элемента в дидактическом тексте (как в Чжуан-цзы, например) к осознанию ценности сюжета как такового. Если до «Записок в поисках духов» притча была обучением на примере деяний предков, способом донесения до читателя или слушателя смысла, скрытого в том или ином высказывании, то Гань Бао сделал малую прозу рассказом об удивительном: сначала о фантастическом, а затем и о человеческом, когда появляются сборники бытовых и литературных анекдотов, где фантазия, сверхъестественное отсутствуют, а демонстрируются ловкость, искусность, ум.

«Записки о поисках духов» – наиболее универсальный, всеобъемлющий сборник фантастических рассказов, каждый из которых отражает встречу с неизведанным, чудесным, запретным, вписывает жизнь человека в картину космоса и небесной справедливости. Мир представлен находящимся в непрерывном становлении и совершенствовании, и будущему уготовано торжество добродетели. Сам Гань Бао говорит в предисловии к своей книге:

«Буду счастлив, если грядущие добродетельные мужи, стремящиеся проникнуть в корни событий, найдут здесь, чем развлечь ум, на чем задержать взгляд, — и не отвернутся с презрением» (здесь и далее перевод Л. Н. Меньшикова).

В китайской библиографической классификации «Записки» Гань Бао изначально относили к разделу истории, а затем – к разделу философии. Используя литературную традицию, Гань Бао действительно опирается на историографию, с одной стороны, и собрания философских притч – с другой. К первой на момент написания «Записок в поисках духов» можно отнести цзягувэнь (гадательные кости), «Шуцзин» (Книгу преданий), хронику Чуньцю (Весна и осень), «Ши цзы» Сыма Цяня, «Историю династии Хань» Бань Гу. Ко второй – Чжуанцзы и Лецзы.

Изначально книга состояла из 30 цзюаней, однако в процессе бытования, утраты и реконструкции (проведенной в XVI в.) «конечно, это был уже не первоначальный сборник в тридцати цзюанях ... удалось воссоздать лишь двадцать из них»⁴⁵, охватывающих различные аспекты взаимодействия повседневности с запредельностью, понятного и чудесного, живых и мертвых, человека и духа.

Цзюань первая включает простые в сюжетном отношении рассказы о встречах с отшельниками, бессмертными, чудотворцами. В большинстве случаев это истории о благодарности и неблагодарности, почтении и сдержанности или тщеславии и гордыне, проявленных и достойно вознагражденных при этой встрече. Общение смертных с небожителями почти всегда удивительно и непонятно:

«Тао Ань-Гун был мастером по выплавлению металлов в Люани. Он раздувал свой огонь много раз, но однажды утром пламя вдруг взметнулось вверх, и все небо озарилось багровым светом. Гун пал ниц у подножия плавильной печи и умолял

⁴⁵ Алимов И. А., Кравцова М. Е. История китайской классической литературы ... Ч. 1. С. 578.

о помиловании. В тот же миг красный воробей сел на плавильную печь и прошептал:

О, Ань-Гун! О, Ань-Гун! О, Ань-Гун!

До небес твоя плавка достала.

В день седьмой и седьмую луну

Ты с драконом подружишься с алым.

Пришел указанный срок, и Ань-Гун, воссев на дракона, удалился на юго-восток. Несколько десятков тысяч людей устроили ему проводы как Предку Аню, и он с ними со всеми простился».

Действующими лицами здесь могут выступать как абстрактные персонажи, выбранные для примера, так и мифологические культурные герои, государственные деятели и т. д. Столкновение с миром духов оказывается всегда неожиданным, часто связанным с мелкими и, на первый взгляд, незначительными событиями, требующими, однако, внимания, поскольку они приближают человека к пониманию Вселенной.

Цзюань вторая описывает деяния борцов с нечистью, избавителей от бед (главным образом даосы; буддийский монах встречается лишь однажды). Здесь возникают и комические истории о том, как люди пытаются «проверить» мудрецов и трагические о том, что бывает, когда не следуют их советам. Внимание к пророчествам становится залогом покоя и благополучия:

«Бянь Хун из Сюаньчэна был командиром телохранителей в уезде Гуанъян, но ушел со службы и вернулся к себе домой для соблюдения траура по матери. Туда к нему, желая поддержать его в горе, приехал Хань Ю. Вскоре, когда день уже склонился к вечеру, Хань Ю вышел и объявил сопровождающему:

– Скорее уезжайте, вещи, мы должны выехать немедленно!

— Но сегодня уже стемнело, — возразил сопровождающий, — мы проделали по бездорожью много десятков ли, какая нужда опять пускаться в путь?

— В этом месте, — ответил Ю, — кровь покрывает землю. Можно ли здесь оставаться дольше?

Его изо всех сил удерживали, но безуспешно. А Бянь Хун той же ночью впал в безумие, внезапно удавил двух своих сыновей, потом убил жену и бросился с топором на двух служанок своего отца, ранил обеих, после чего убежал неизвестно куда. Через несколько дней его нашли в роще перед его домом — он там повесился».

Цзюань третья рассказывает о встречах с предсказателями, провидцами, гадателями, врачевателями. В большинстве случаев, однако оказывается, что человек сам — хозяин своего счастья и своей судьбы. Он либо исправляет ее послушанием, благочестием и трудом, либо следует тому, что может случиться и погибает.

Цзюань четвертая рассказывает о духах гор, рек, лесов и их проделках. Она включает «местные легенды», связанные с конкретными локациями, и продолжает развивать мысль о том, что благочестивый и почтительный человек всегда будет вознагражден:

«Люди из южных областей как-то послали с одним чиновником в подарок Сунь Цюаню шпильки из рога носорога. Когда лодка проплывала мимо храма на озере Гунтин, чиновник вознес молитву духу храма. Неожиданно дух подал голос:

— Давай сюда твои носорожьи шпильки!

Чиновник так перепугался, что не посмел ничего возразить и сразу же разложил свои шпильки перед алтарем. Дух снова подал голос:

– Когда доберешься до Шитоучэна, верну тебе твои шпильки.

Чиновнику ничего не оставалось, как двинуться дальше. Он принял как неизбежное будущую смертную казнь за утрату доверенных ему шпилек. Но когда он добрался до Шитоучэна, то вдруг огромный карп длиной в три чи прыгнул ему в лодку.

Вскрыли рыбу – и обнаружили шпильки».

К четвертой цзюани максимально близко тематически примыкает цзюань пятая, посвященная алтарям духов, пагодам, святым местам, их происхождению и ритуалам, с ними связанным. Часто человек оказывается, сам того не подозревая, в центре спора потусторонних сил и тогда ему не понять, как произошел тот или иной поворот в его судьбе, остается только принять произошедшее, смириться с непознаваемым.

Цзюани шестая и седьмая включают в себя знамения всякого рода и их объяснения. Это самые исторически ориентированные части. Здесь речь идет об императорских домах, о конкретных чиновниках, сановниках, полководцах и исторических деятелях. Природа часто выступает предвестницей человеческих преступлений, ошибок и разрушения гармонии:

«В начальную луну двадцать пятого года правления под девизом Цзянь-ань Вэйский У-ди, возводя в Лояне дворец Цзяньшидянь, срубил дерево в парке Чжо-лун, и на дереве выступила кровь. Еще была выкопана для пересадки груша — и из пораненных корней тоже проступила кровь. Вэйский У был так раздосадован этим, что вскоре заболел и слег. В эту же луну он скончался. Это был первый год правления Вэйского Вэнь-ди под девизом Хуан-чу».

Переводчик «Соу шэнь цзи» Л. Н. Меньшиков охарактеризовал дальнейшее тематическое содержание так: «Цзюань де-

вятая: странные существа и что знаменуют их появления. Цзюань десятая: вещие сны. Цзюань одиннадцатая: странные случаи, почтительные дети, верные по гроб и после гроба супруги, неразлучные друзья. Цзюань двенадцатая: оборотни, злые духи. Цзюань тринадцатая: необыкновенные горы и воды, странные существа, обитающие в горах, водах и почве. Цзюань четырнадцатая: животные, действующие как разумные существа. Цзюань пятнадцатая: воскрешения. Цзюань шестнадцатая: появление покойников, люди и духи умерших. Цзюань семнадцатая: проделки оборотней. Цзюань восемнадцатая: оборотни (лисы и собаки, предметы обихода, духи деревьев и вод и т. п.). Цзюань девятнадцатая: оборотни (змеи, кайманы, рыбы, мыши). Цзюань двадцатая: животные, выражающие благодарность за милости, оказанные им людьми, либо мстящие им за причиненное зло»⁴⁶.

Алимов И. А. и Кравцова М. Е. – авторы учебника «История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза» – выделяют в собрании Гань Бао пять тематических групп сяо шо:

1. Рассказы про даосских магов, владеющих искусством бессмертных и творящих чудеса.

2. Истории о том, как различные духи и божества взаимодействуют с миром людей, в частности отвечают на обращенные к ним молитвы и призывы.

⁴⁶ Меншиков Л. Н. О Гань Бао, его времени и его разысканиях о духах / Л. Н. Меншиков // Гань Бао. Записки из мира духов. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 1994. – С. 20–21.

3. Истории (как правило, незначительные по объему) о различных удивительных, наделенных волшебными свойствами существах, предметах и местах, а также о необычайных происшествиях.

4. Рассказы о любовных отношениях между человеком и душой умершей (умершего).

5. Рассказы, повествующие о разнообразных оборотнях, весьма неоднородных как по своему естеству, так и по отношению к человеку⁴⁷.

Кроме того, рассказы, собранные в книге, различаются своей жанровой природой. Здесь собраны исторические, фантастические и философско-дидактические рассказы, достаточно сильно отличающиеся структурно: диалогические, синтетические (прозаико-поэтические), авантюрно-приключенческие и другие новеллы легко соседствуют в собрании Гань Бао.

Общая установка сборника: мироздание – единая гармоническая общность «того» и «этого» света, вещей и явлений, судеб людей и мира вещей:

«Все странное и удивительное — это, видимо, проявление в вещах энергии и духа. Дух внутри приходит в смятение — вещь снаружи испытывает превращения. Форма и душа, дух и материальность находят свое осуществление как снаружи, так и внутри. Они берут начало в пяти стихиях и пронизывают пять возможностей человека. А поскольку стихии рассеиваются и сгущаются, поднимаются и опускаются, то их превращения приводят в движение все десять тысяч явлений. Когда же вникаешь в удачу и неудачу, то всегда можно судить, где пределы явлений».

⁴⁷ Алимов И. А., Кравцова М. Е. История китайской классической литературы ... Ч. 1. С. 581–586.

6.4

Тао Юань-мин (365–427 гг. н. э.) – поэт, чье творчество знаменует собой новый этап литературно-художественного развития Китая, когда поэзию определяет не только традиция, но и – при всей важности опыта прошлых поколений – сила и глубина индивидуального начала.

Основоположник российской научной синологии В. М. Алексеев сравнивал Тао Юань-мина с А. С. Пушкиным, полагая, что их роли в контексте национального литературного процесса были сходны. Оба заложили основы новой литературы, обращаясь к личному, приватному в человеке, предоставляющей широкий простор для тематического, стилистического и интонационного разнообразия. Тао Юань-мин отказывается от условностей, форм и формул древней поэзии ради «исповедной простоты»⁴⁸, бросает вызов поэзии и обычаю своего времени, «его влияние на всю дальнейшую литературу оказалось огромным»⁴⁹.

Декларируемая Тао Юань-мином простота жизни проецировалась на простоту словесного стиля. Он воспевал отшельничество на лоне природы, вне города, социальных связей, чиновных обязанностей. Как автор, бросив чиновничью карьеру, удаляется в горы Лушаньго, так и его лирический герой стремится на природный простор, в мир простых радостей:

*С самой юности чужды
мне созвучия шумного мира,*

⁴⁸ Алексеев В. М. Труды по китайской литературе. ... Т. 1. С. 83.

⁴⁹ Уваров П. Ю. Китай в средневековом мире. Взгляд из всемирной истории / П. Ю. Уваров, А. Л. Рябина. – Санкт-Петербург : Наука, 2017. – С. 68.

*От рожденья люблю я
этих гор и холмов простоту.*

Здесь и далее перевод Л. З. Эйдлина

Крестьянский быт, деревенский уклад жизни, близость природе – ценности, которые Тао Юань-мин последовательно провозглашает наиболее человеческими и благостными в своей поэзии, «радость и вдохновение поэт находит не в праздном любовании миром окружающей природы, не в барском образе жизни, а в труде для себя и других, в созидании и творчестве»⁵⁰.

Он утверждает законы «естественности» во взаимоотношениях с близкими и крестьянами. Его лирический герой не столько рассуждает и дает советы, сколько ведет беседы, обменивается впечатлениями. Поэтическое витийство – объект иронии и, часто, самоиронии, место которого должна занять прямота и простота. Нужно признать, что идеальные стремления разбиваются о горькую правду: мир несправедлив, добрые дела остаются незамеченными, а зло – безнаказанным:

*Добрых дел изобилье,
говорят, приносит награду...
Если злой не наказан,
если добрый без воздаянья,
Почему продолжают
раздаваться пустые речи?*

Мир сложен и противоречив, правда часто неотличима от лжи, добро, если посмотреть на него с определенной стороны, очень похоже на зло:

⁵⁰ Федоренко Н. Т. Тема природы и человека в творчестве китайских поэтов классиков // Федоренко Н. Т. Избранные произведения. – Москва : Худож. лит-ра, 1987. – Т. 1. – С. 474.

*В поступках людских, в несметных тысячах тысяч
Поди разберись, где правда, а где неправда.
На правду и ложь, когда их поставишь рядом,
Откликнется хор готовых хулить и славить.*

Люди должны быть подобны птицам – их песнь проста и незатейлива, она несет радость и примиряет человека с миром. «Мудрец “покоен в бедности”. И более того: чем он “беднее”, чем свободнее от всего, что наполняет его жизнь, тем больше способен он объять собой, тем больше в его душе покоя – фундамента настоящей радости»⁵¹. Нарочитая простота жизни – путь к познанию гармонии, ощущение родства с певчей птицей дает чувство обретаемого блаженства. В жизни-полете, не обремененной мелочными, ложными, преходящими ценностями, легче достичь просветления:

*Птица после скитаний
прилетает обратно...
На заре она утром
покидала свой лес. ...
Видит спутника-друга –
перекликнулись песней,
И от солнца укрылись
оба в чистую тень.*

Типичная для древней китайской поэзии проповедь нравственности выражается у Тао Юань-мина не столько в обличении и наставлении, сколько в раздумьях над непреклонностью движущегося времени (*Торопят друг друга / четыре времени года*), чередования цветения и увядания, в напоминании о

⁵¹ Малявин В. В. Все радости жизни // Антология даосской философии / сост. В. В. Малявин, Б. Б. Виноградский. – Москва : Комаров и К., 1994. – С. 187.

неизбежности «превращения», приходящего со смертью (*День увяданья // отсрочить не может никто*). Всё, что дано человеку: каждодневные радости, вдохновение, упоение, часто связано в поэтическом мире Тао Юань-мина с праздничными возлияниями и вакхической образностью:

*Так сядем покамест
и долг отдадим вину.
Мою колесницу
нельзя повернуть назад!*

Осенний пейзаж устойчиво ассоциирован в стихах поэта с одиночеством старости, холодом неизбежного забвения, потерями, знаменующими собой итог земного пути:

白日沦西河，素月出东岭。
遥遥万里辉，荡荡空中景。
风来入房户，夜中枕席冷。
气变悟时易，不眠知夕永。
欲言无予和，挥杯劝孤影。
日月掷人去，有志不获骋。
念此怀悲栖，终晓不能静。

*За холмом
Опускается солнце вдали,
И луна поднялась
Над восточным хребтом.
Золотое сиянье
На тысячи ли
Задрожало и замерло
В небе пустом.
Сквозь узорную ширму
Проник ветерок,
И прохладно стала
Подушка моя.
Наступает
Изменчивый осени срок,
Приближая закат*

*К ночи бледное солнце
в вершинах западных тонет.
Белый месяц на смену
встает над восточной горой.
Далеко-далеко
на все тысячи ли сиянье.
Широко-широко
озаренье небесных пустот...
Появляется ветер,
влетает в комнаты дома,
И подушку с циновкой
он студит в полуночный час.
В том, что воздух другой,
чую смену времени года.
Оттого что не сплю,*

*Моего бытия.
Нет любимых друзей,
Собеседников нет, -
Только тень
Поднимает свой кубок со мной.
Ни луной и ни солнцем
Я не был согрет –
Просияли они
И ушли стороной.
И в бессонной печали
Всю ночь напролет
Я пирую
Среди неудач и невзгод.*

Перевод А. И. Гитовича

*нескончаемость ночи узнал.
Я хочу говорить –
никого, кто бы мне ответил.
Поднял чарку с вином
и зову сиротливую тень...
Дни – и луны за ними, –
покинув людей, уходят.
Так свои устремленья
я в жизнь претворить и не смог.
Лишь об этом подумал –
и боль меня охватила,
И уже до рассвета
ко мне не вернется покой!*

Перевод Л. З. Эйдлина

Самое известное произведение Тао Юань-мина – **«Персиковый источник»** – поэма-утопия о путешествии рыбака, уплывшего далеко от дома и оказавшегося в месте, где царит идиллия труда:

*Каждый кличет другого,
чтобы в поле с утра трудиться,
А склоняется солнце,
и они отдыхать уходят...*

Здесь и далее перевод Л. З. Эйдлина

Люди живут здесь по законам справедливости и равенства, свободы и покоя:

*Их веселые дети
распевают свободно песни,
Да и старцы седые
безмятежно гуляют всюду.*

Здесь чтут небо, уважают старость, живут в мире и согласии с соседями.

Утопия «Персикового источника» тесно связана с историей: идиллический мир Персикового источника организован людьми, бежавшими от бедствий циньской эпохи, от жестокости режима Цинь Ши-хуана и благодаря упорному, настойчивому труду создавшими на обособленном локусе земли, вдали от цивилизации, свою обитель радости и света. Они добродетельно живут ото всех вдалеке, соблюдая древние традиции, обладают физической силой и нравственным совершенством:

*И следы их бывлые
не нашлись, как канули в воду,
И тропинки их странствий
навсегда заросли травюю...*

Пять веков отшельничества сказываются на их полной неосведомленности о произошедшей смене династии, о смутах нового времени: «Ссылка на события времен Цинь Ши-хуана усиливает историко-политический подтекст “Персикового источника”, позволяя говорить о параллели, проводимой Тао между современной ему сменой правящих режимов и событиями времен древней империи. В этом смысле вполне справедливо трактовать данное произведение в качестве сочинения на исторические темы»⁵².

Поэму Тао Юань-мина, как правило, рассматривают в двух религиозно-философских аспектах. С конфуцианской точки зрения, поэма выражает тему ухода от бренного мира в сознательную аскезу, рациональное познание, самостановление. Для этого не обязательно «уходить от мира» в смысле полного разрыва социальных связей. Тао Юань-мин показывает, как межпоко-

⁵² Алимов И. А., Кравцова М. Е. История китайской классической литературы ... Ч. 1. С. 566.

ленческие отношения в его идеальной коммуне и труд на общее благо сочетаются с глубокомысленной отрешенностью размышлений и стремлением обрести себя в своей самости и единстве с природой. Конфуцианский элемент «Персикового источника» ярко звучит в эпизодах, описывающих прилежный, не стесненный властным диктатом труд взрослых в поле и спокойно-размеренный темп жизни стариков и детей:

*С урожаям осенним
государевых нет налогов.
На заглохших дорогах
не увидеть путников дальних.*

С даосской позиции, уход человека в царство природы помогает очистить сердце от приобретенной скверны и душевных изъянов, дает обрести равновесие духа и тела. Герой, подобно многим персонажам даосских легенд попадает к небожителям, оказывается посвящен в тайны «чудесных краев» и «небесных пещер» (Дунтянь). Умиротворенное равновесие помогает избежать пустого мудрствования, обрести чистоту и незамутненность помыслов:

*Хоть они и не знают
тех наук, что считают время,
Всё же строятся сами
в ряд четыре времени года,
Если мир и согласие,
если в жизни радостей много,
То к чему еще нужно
применять ученую мудрость?..*

Символика использованного в поэме «Персиковый источник» образа реки, разделяющей мир социальных норм и правил и природных законов, – символика сакрального порога, таинственной границы. Допущенный в заповедный мир рыбак преодолевает своего рода путь инициации: он должен освоить

несколько природных стихий: проплыть по реке, спуститься узким пещерным ходом под землю, перейти каменную гору – путь, каким мифологические герои преодолевают порог инобытия, испытание, преодоление границы потустороннего, знак перехода из одного мира в другой. Река в древнекитайской культурной традиции – знак времени, кроме того, она несет в себе глубинную метафору очищения от «пыли мира», создающего условия для контакта с подлинной вечностью.

Б. Л. Рифтин сравнивает две выдающиеся утопии китайской литературы: «Персиковый источник» Тао Юань-мина и картину будущего в романе Ло Гуань-чжуна «Троецарствие» – как фантастическое и достижимое, мистифицированное и практически ориентированное⁵³. Идеальный мир в первом так и остается непонятым и затерянным. Герой поэмы Тао Юань-мина не может, вернувшись в свой уезд, показать путь в заповедный лес древних мыслителей. Оставленные им зарубки потеряны, и ему остается лишь грустить о потере и вновь переживать тоску по неизведанному:

*Мир открылся, но снова
возвращается в недоступность...
Я спросить попытаюсь
у скитающихся на свете,
Что они понимают
за пределом сует и праха.
Я хотел бы тотчас же
устремиться за легким ветром, –
С ним подняться бы в выси,
с ним искать бы тех, кто мне близок!*

⁵³ Рифтин Б. Л. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае (устные и книжные версии «Троецарствия») / Б. Л. Рифтин. – Москва : Наука, 1970. – С. 197.

Вопросы для самопроверки

Какие исторические факты составляют важнейшие вехи «смутного времени»?

Чем заканчивается распад династии Хань?

В каком классическом китайском романе отношения в царственной семье Цао составляют одну из важных сюжетных линий?

Что такое гу ши?

В связи с чем появился интерес к чуской поэзии? В чем он проявляется?

Назовите основные темы поэзии Цао Цао?

С творчеством какой поэтессы связан фразеологизм «талант воспевания Сюй»?

Из каких частей состоит трактат «Рассуждения о классическом» Цао Пэя?

Какое понятие вводит Цоа Пэй как главное для поэта?

У кого из китайских авторов «смутного времени» есть «анакреонтическая» поэзия (стихи-размышления за чашей вина)?

Какие конфуцианские ценности отражает афоризм «Побеждающий людей силен. Побеждающий себя могуществен»?

Кому из правителей Китая принадлежит афоризм «Лучше я предам мир, чем мир предаст меня», как этот девиз отразился в его деятельности?

Как строились отношения Цао Пи и Цао Чжи? В связи с чем возник конфликт братьев?

Что такое «природный параллелизм»? Как его использует Чжао Чжи в своей поэзии?

Сформулируйте общую идею поэм «Фея реки Ло» Цао Чжи и русалок из произведений К. Брентано, А. С. Пушкина, Г. Гейне.

Что такое сяо шо?

В чем проявляется принципиальное новаторство сборника Гань Бао «Записки в поисках духов»?

На какие традиции опирается Гань Бао в создании своего сборника?

На какие проблемно-тематические и жанрово-структурные типы можно разделить новеллы сборника «Записки в поисках духов» Гань Бао?

Назовите основные характеристики лирического героя поэзии Тао Юань-мина.

Каков исторический смысл поэмы Тао Юань-мина «Персиковый источник»?

Каковы религиозные смыслы поэмы Тао Юань-мина «Персиковый источник»?

Как организовано пространство, как соотносятся реальный и идеальный миры в поэме Тао Юань-мина «Персиковый источник»?

На каких принципах базируется устройство идеального мира в поэме Тао Юань-мина «Персиковый источник»?

Заполнить приведенную ниже таблицу. Напротив имени автора укажите название созданного им произведения и характеристики текста:

Автор	Название произведения	Характеристика
Сыма Цянь		
Гань Бао		
Цао Чжи		

Произведения: «Провожая братьев Ин», «Исторические записки», «Записки в поисках духов».

Характеристики: фантастическое, удивительное вместо назидательного; идеализированное «Я» лирического героя; внимание к вопросу исторической закономерности, демократизм.

Задания для самостоятельной работы

Подготовить доклад на тему «Цао Цао как государственный деятель и литературный персонаж».

Дать обзор биографии, показать, как она интерпретирована в романе «Троецарствие». В ходе доклада зачитать и прокомментировать основные характеристики, данные герою в романе «Троецарствие»: детство (хитрость; глава 1), юность (выбор стороны зла; глава 5), начало захватнических походов и месть за отца (глава 10), поэт и тиран (противоречия природы, глава 48), месть и бегство (вынужденные отступления и отношение к соратникам, глава 58), жестокость правителя, нарушающего законы неба, выступление против него мудрецов и предсказателей (главы 68–70), Цао и сыновья (отец-самодур, глава 68).

Сравнить стихотворения Цао Цао и древнегреческого поэта Анакреонта, выделить общую тему, проанализировать:

Как и через какие образы она решается в том и другом тексте? Чей «век» длиннее? Где жизнь человека более «упорядочена»?

Какие настроения сменяют друг друга в том и другом стихотворении? Какие чувства связаны с прошлым, какие – с будущим? С чем ассоциирована жизнь, с чем – смерть?

*Пою, сам себе наливая вино,
Как долго еще мне прожить
суждено?
Ведь жизнь человека – что
капельки рос...
Минувший же день столько горя
принес!*

Перевод М. Е. Кравцовой

*Сладкой жизни мне немного
Провожать осталось дней:
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей.
Не воскреснем из-под спуда,
Всяк навеки там забыт:
Вход туда для всех открыт –
Нет исхода уж оттуда.*

Перевод А. С. Пушкина

Подготовить доклад на тему «Цао Цао как киноперсонаж».

Рассказать о фильмах «Битва у Красной скалы» (2008), «Пропавший мастер клинка» (2011), «Убийцы» (2012). Дать характеристику Цао Цао в фильме «Пропавший мастер клинка». Рассказать об эволюции героя, аргументируя свою характеристику показом и пересказом эпизодов фильма (ограничить показ фрагментов фильма 1–3 минутами).

Сравнивая народную песнь юэфу и стихотворение Цао Цао, показать традиционность поэзии Цао Цао, связь с фольклорным текстом как на уровне идеологии, так и на уровне использованных приемов.

Тексты для сравнения:

*Из западных ворот я выйду,
Подумаю: когда сегодня
Себе я радость не устрою,
То сколько ждать мне до веселья.
Скорее нужно веселиться!
Скорее нужно веселиться!
Как можно жить в печали горькой,
В заботах, скорби, удрученье
И радость ожидать в грядущем?
Сегодня нужно веселиться!*

Перевод Б. Б. Вахтина

Стихотворение Цао Цао

*Почему наша жизнь такова,
Что скорбями и горем полна?
Коль сейчас не изведу радости,
Так в печалях и минут года!*

Перевод М. Е. Кравцовой

Опираясь на статью М. Е. Кравцовой «Дянь лунь лунь вэнь» Цао Пи («Рассуждения о классическом»)⁵⁴, подготовить ответ на вопрос «Структура и основные положения трактата Цао Пи»:

⁵⁴ Кравцова М. Е. Дянь лунь лунь вэнь / М. Е. Кравцова // Synologia.ru. – URL : https://www.synologia.ru/a/Дянь_лунь_лунь_вэнь (дата обращения: 01.01.2024).

Структурные части трактата.

Представители Цзяньань фэнгу (Цзяньаньской поэзии) и общие черты их поэзии.

Какие жанры Цао Пи относит к вэнь?

Понятие ци в трактате Цао Пи.

Опираясь на статью Л. Черкасского⁵⁵, подготовить ответ на вопрос «Биография и поэзия Цао Чжи» (обязательно проиллюстрировать ответ цитатами из лирики Цао Чжи):

Судьба политика и поэта.

Основные темы, афористичность стихов, образ конфуцианского «благородного мужа».

«Легенда о семи шагах» – рассказать и выборочно зачитать (роман «Троецарствие», глава 79).

Подготовить выразительное чтение и анализ стихов:

– «Стихи за семь шагов». Природный параллелизм и олицетворение. Как передается связь старших с младшими, через какие образы, как выстроены отношения между ними, в каком из переводов эти отношения выражены более явно?

煮豆燃豆箕，

豆在釜中泣。

本是同根生，

相煎何太急。

*Горит костер из стеблей бобов,
И варятся на огне бобы,*

*Варят бобы, -
Стебли горят под котлом.*

⁵⁵ Черкасский Л. Е. Человек в поэзии Цао Чжи / Л. Е. Черкасский // Цао Чжи. Семь печатей. – Москва : Худ. лит-ра, 1973. – URL : http://lib.ru/POECHIN/TZAOCHI/tzao_lyrics.txt (дата обращения: 01.01.2024).

*По поводу горькой своей судьбы.
И плачут, и плачут бобы в котле –
Один у нас корень, – стонут бобы, –
Мы братья вам, стебли, а не рабы.*

Перевод А. И. Гитовича

*Плачут бобы:
Связаны все мы родством!
Корень один!
Можно ли мучить родню?
Не торопитесь
Нас предавать огню!"*

Перевод Л. Е. Черкасского

– «Провожая братьев Ин». Образы, воплощающие одиночество, дисгармонию покинутого мира; разрушение и запустение в Лояне, бывшей столице страны, ставшей жертвой междоусобных войн:

*Я взошел на гору
Бэйман,
Вниз смотрю,
смотрю без конца:
Как он пуст и
угрюм, Лоян,
Горсть золы – от
его дворца.
А дома?
Даже нет следов,
Лишь бурьян
До небес высотой.*

*Молодежь, –
И нет стариков;
Кто пройдет –
Для меня чужой.
Сорняки в полях,
Не зерно.
На заросшей тропе
Стою,
Не видал
Этих мест давно
И теперь их
Не узнаю.*

*А вокруг
Печаль и тоска
И на тысячи ли
Ни дымка.
Вспомнил дом,
Где когда-то жил.
Говорить не могу,
Нет сил.*

Перевод

Л. Е. Черкасского

– «Креветка и угорь». Смысл и цель жизни поэта. Трехчастность композиции, прием природного параллелизма, центральная антитеза стихотворения и ее связь с конфуцианством. Сравнение большое/малое и большое/великое. Как организована мировая «вертикаль» в стихотворении?

*Креветкам и угрям
Из озерка
Неведомы
Ни море, ни река.*

*А муж ученый
В суть проник давно:
Ничто
Благодеянью не равно!*

*Я благородных дум
Не в силах скрыть,
Хочу всю землю
Умиротворить.*

<i>Чирикает на крыше Воробей, – Ему ль постичь Дорогу лебедей?</i>	<i>И я взошел На пять священных гор, Потом с холма На землю бросил взор: Людишки Суеются подо мной, Одна корысть Владеет их душой.</i>	<i>Сжимаю меч – Он верный друг громам – И в бой готов, Отважен и упрям. Иные зря Свои проводят дни, Отважных духом Не поймут они.</i>
--	---	--

Перевод Л. Е. Черкасского

Подготовить анализ романтической поэмы Цао Чжи «Фея реки Ло», отвечая на вопросы:

– миф о Ми-фей, происхождение и характеристика персонажа⁵⁶;

– визуальный образ Феи реки Ло, сравнения, которые использует Цао Чжи, цветопись, использование различных материалов и фактур в портрете Ми-фей;

– поведенческие и морально-нравственные характеристики Ми-фей;

– описание расставания и чувств, вызванных им.

Фея Цао Чжи и русалки в европейской поэзии. Общие характеристики и различающиеся смыслы:

– поэма Цао Чжи и пушкинская «Русалка»;

⁵⁶ Можно использовать Раздел VI книги: Юань Кэ. Мифы Древнего Китая / Кэ Юань. – Москва : Наука, 1965. – С. 70–71.

– Фея реки Ло» и Лореллея из стихов Брентано («Жила на Рейне фея») и Гейне («Лореллея»).

Практико-ориентированные задания и игры

Играем в лото. Прочитайте с учениками 5 класса⁵⁷ поэму Цао Чжи и сказку «Русалочка» Г.-Х. Андерсена. Ведущий вытаскивает в случайном порядке карточки с предложенными цитатами, задача игроков – распределить их на два комплекта по принадлежности цитат тому и другому тексту:

	Цао Чжи «Фея реки Ло», перевод В. М. Алексеева	Г.-Х. Андерсен «Русалочка», перевод А. и П. Ганзен
Движение	Летает, как лебедь, чем-то встревоженный; изящна – дракон так изящен несущийся. Так сверкает краскою своей осенний цветок хризантемы, так в пышном цветении своем весною красива сосна.	И вот она понеслась в быстром воздушном танце, точно ласточка, преследуемая коршуном. Каждое движение подчеркивало ее красоту, а глаза ее говорили сердцу больше, чем пение рабынь.
Портрет	Ее плечи так сложены, словно точеные, талия – словно лишь свернутый шелк. Стройная шея, изящный затылок. Белое-белое тело просвечивать было готово.	Нежная и прозрачная, как лепесток розы, с глубокими, синими, как море, глазами.

⁵⁷ Согласно Федеральной рабочей программе среднего общего образования сказки Г.-Х. Андерсена изучаются в 5 классе.

Одежда	Набросила свой флеровый наряд сверкающий, и вся украшена камнем самоцветным, чудесно выточенным всюду. На волосах у ней парюра сплошь из золота и перьев синей птицы, и к ней привешен светлый жемчуг, ее лучами озаряя.	На голове венец из белых жемчужных лилий — каждый лепесток был половинкой жемчужины. ... она была совсем нагая и потому закуталась в свои длинные, густые волосы.
Голос	Она запела куда-то вдаль, и так протяжно-протяжно, да, — о своей вечной ко мне любви; был тон той песни совсем печальный и беспокойный и длился долго...	Она пела лучше всех, и все хлопали ей в ладоши. На минуту ей было сделано весело при мысли о том, что ни у кого и нигде, ни в море, ни на земле, нет такого чудесного голоса, как у нее.
Дружеское окружение	Одни из них в чистых резвились струях, другие порхали по острову фей, одни собирали светящийся жемчуг, а те поднимали волшебные перья	они печально смотрели на нее и протягивали к ней свои белые руки, а она кивнула им головой, улыбнулась и хотела рассказать о том, как ей хорошо здесь, но тут к ней подошел корабельный юнга, и сестры нырнули в воду, а юнга подумал, что это мелькнула в волнах белая морская пена.
Водное окружение	Подняли вверх узорчатых рыб, расписных, чтобы этим всех предупредить о пути; велели запеть всем	Стены и потолок танцевальной залы были из толстого, но прозрачного стекла; вдоль стен рядами

	<p>яшмовым фениксам-птицам, чтоб вместе за ними лететь. Шесть драконов все в чинном порядке выравнять головы стали, и облачный свой фаэтон повезли на плавном, красивом ходу. Киты и акулы повынырнули и колеса с обеих сторон подхватили; а птицы морские взлетели, чтобы быть охраною им на пути.</p>	<p>лежали сотни огромных пурпурных и травянисто-зеленых раковин с голубыми огоньками в середине.... Видно было, как к стенам подплывают стаи больших и маленьких рыб, и чешуя их переливается золотом, серебром, пурпуром.</p>
<p>Расставание</p>	<p>Вытянув белую шею свою, чистый свой взор поднимая, двинула алые губки, чтобы мне не спеша сообщить и напомнить великие правила жизни в общении людей; чтоб выразить мне огорченье свое...; чтобы погоревать о том, что судьбой не дано было это нам в юных годах. Подняв свой флеровый рукав, она им слезы, слезы вытирала; они текли у ней ручьем, по платью хлынули потоком. Она оплакивала нас, навек оторванных, оторванных теперь от единения прекрасного друг с другом.</p>	<p>В последний раз взглянула она на принца полугасшим взором, бросилась с корабля в море и почувствовала, как тело ее расплывается пеной. Над морем поднялось солнце; лучи его любовно согревали мертвенно-холодную морскую пену, и она не чувствовала смерти; она видела ясное солнце и какие-то прозрачные, чудные создания, сотнями реявшие над ней. ... У них не было крыльев, но они носились в воздухе, легкие и прозрачные. ... И она протянула свои прозрачные руки к солнцу и в первый</p>

	раз почувствовала у себя на глазах слезы.
--	---

Представьте, что вы – режиссер страшного мультфильма, для которого нужно создать самых странных, необычных и пугающих персонажей. У вас есть возможность опираться на «Записки в поисках духов» Гань Бао и нарисовать своих персонажей. Выпускающий редактор только просит вас объяснить, какие элементы, из какого эпизода вы заимствовали, как эти детали могут работать в вашем сюжете, какую вы выбрали стилистику и технику изображения и почему?

Прочитайте вместе с детьми следующий фрагмент из «Записок в поисках духов» Гань Бао и обсудите, ответив на вопросы, приведенные под текстом:

«Во владении Чу жил Сюнцюй-цзы. Он ехал ночью и увидел лежащий камень, который принял за спящего тигра. Натянул лук и выстрелил. Стрела утонула в камне до самого оперения, выполненного из золота. Когда же наклонился и рассмотрел, то понял: это же камень! Выстрелил в него повторно, но стрела отскочила, не оставив на камне следа.

Во время Хань то же случилось с Ли Гуаном: он совершенно так же стрелял в тигра, а оказалось — в камень. Лю Сян говорит:

“Когда устремления предельно искренни, перед ними раскрываются металл и камень — не говоря уже о людях!”» (перевод Л. Н. Меньшикова).

– Почему первый выстрел Сюнцюй-цзы получился, а второй – нет?

– Какие чувства герой испытывал во время первого

выстрела?

– С какой интонацией произносит герой фразу «Это же камень!», что он при этом испытывает? Почему автор не описывает этих чувств? Чем отличается фраза «понял: это же камень!» от «понял, что это камень»?

– Зачем он стреляет второй раз?

– Для чего нужна вторая история? Зачем автор говорит, что такая ситуация повторялась с другим человеком?

– Какую роль в рассказе выполняют итоговые слова мудреца?

Предложите не менее двух подобных заданий. Они должны быть составлены так, чтобы их можно было использовать в практике работы со школьниками. Придумайте, разработайте и опробуйте их в учебной группе на практическом занятии.

Тема 7. «ВОЗРОЖДЕНИЕ» (581–907 гг.)

После трехсот с лишним лет смуты наступает эпоха нового единения и Возрождения, связанные со временем правления династий Суй (581–618 гг.) и Тан (618–907 гг.).

Два императора **династии Суй**, правившие на протяжении всего 37 лет, которые к тому же были свергнуты и убиты ближайшими родственниками (Вэнь-ди – сыном, Ян-ди – кузеном), оставили, однако, значительную память, поскольку за это время произошло восстановление моноцентрической империи, прокладка Великого канала, соединившего Хуанхэ и Янцзы, возведение дворцового ансамбля в Лояне, затем возвращение столицы в Чанъань, начата перестройка полуразрушившейся Китайской стены, в результате агрессивной внешней политики были существенно расширены территории. Это был «короткий и драматичный промежуточный период..., кипучую энергию и масштабы достижений которого не удалось превзойти ни одному позднему правителю»⁵⁸.

После свержения Ли Юанем императора Яна и периода междоусобицы наступает «золотой век» – Танский период, который признан эпохой расцвета державы, «наиболее просвещенным в истории средневекового Китая»⁵⁹.

⁵⁸ Кей Дж. Китай: От Конфуция до Мао Цзедуна. С. 294.

⁵⁹ Эйдлин Л. З. Литературы Восточной и Юго-Восточной Азии / Л. З. Эйдлин // История всемирной литературы. В 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : Наука, 1983–1994. — Т. 2. — 1984. — С. 92.

Танская империя – огромное по территории государство с процветающей столицей Чанъянем в центре. Со временем правления Танов связаны расцвет технологий (ткачества, металлургии, гончарного дела и др.), принятие уголовного кодекса, расширение прав женщин, восстановление Великого шелкового пути (639 г.) для сухопутной торговли с Западом и расцвет торговли, открытие портов (в том числе Гуанчжоу) для морской торговли со странами восточноазиатского региона. Введение в начале VII в. экзаменов привело к тому, что «в стране произошли значительные социальные изменения»⁶⁰. Благодаря становлению и расцвету государственной экзаменационной системы формируется «качественно новое соединение власти и культуры. Сама культура не перестает быть по сути аристократической, элитарной, предназначенной для избранных, включая три главных компонента: конфуцианские каноны, раннедаосскую литературу и поэзию»⁶¹, причем поэзии, как и в аристократическом Раннем Чжоу, отводилось первостепенное значение. В результате «власть военной аристократии сошла на нет, а для образованных людей открылись новые горизонты... отсутствие мощного класса священнослужителей сделало ученых стражами традиционной морали и этики, а также главными учителями и управленцами»⁶².

Таким образом, достаточно большой период (три с половиной века) стабильности и быстрого экономического развития страны – исключение – бунт императрицы У Цзэтянь (Небесной государыни), свергнувшей своего третьего сына с престола –

⁶⁰ Фицджералд Ч. П. История Китая (до начала XX века) / Ч. П. Фицджералд. – Москва : Центрполиграф, 2008. – С. 240.

⁶¹ Гране М. Китайская цивилизация. С. 380.

⁶² Фицджералд Ч. П. История Китая (до начала XX века). С. 240.

привел к экономическому и политическому процветанию. Усиление губернаторов спровоцировало кризис центральной власти, что совпало с разорившей крестьян засухой 873 года.

Итог – крестьянская война 874–884 гг. под предводительством Хуан Чао, в ходе которой были захвачены огромные территории Центрального Китая, в том числе Лоян и Чанъань, император вынужден был бежать. Конец войны и конец династии – двойное предательство: Чжу Вэнь – один из сподвижников Хуан Чао сначала предает его, перейдя на сторону императорских войск, делает придворную карьеру, а затем свергает последнего Тана, провозглашая себя основателем новой династии.

В литературе время господства империи Танов стало временем расцвета поэзии. Умение писать стихи включено в порядок экзаменов для чиновников, оно требовалось от всех, кто занимался государственной деятельностью. В итоге оформилась стройная жанровая система, включающая в себя формальные модели стихотворений:

- в стиле народных песен (*юэфу*);
- в стиле древней речитативной поэзии (*гу ши*) в пять или в семь иероглифов;
- поэзия в современном стиле (*цзиньтиши*);
- «поэзия регулярного стиля»: восьмистрочная (*люйши* – уставные строки) или из четверостиший (*цзюэцзюй* – *оборванные строки*) в пять иероглифов или в семь иероглифов.

Вершиной китайской лирической поэзии по праву считается творчество трех выдающихся поэтов танской эпохи: Ли Бо (701–763), Ван Вэй (699–759), Ду Фу (712–770), в стихах которых глубоко индивидуальное, приватное, личное содержание, связанное с пейзажными или даосскими и буддийскими мотивами намного преобладало над любыми социально-политическими и общественно-значимыми вопросами. Если в «официальной

поэзии» современников прославляется военное могущество Танов, то в лирике свободолюбивого, посвятившего жизнь странствиям Ли Бо отражаются тревоги военной службы и утрата семейного мира, любви и покоя:

*Бранный герой распростился с супругою,
бранный герой – на войне.
Вороны каркают в пурпуре солнечном,
красная гарь на окне.
К шелковой ткани она наклоняется,
только что прыгал челнок.
Карканье воронов слыша, замедлила,
вот замирает станок.
Смотрит в раскрытые окна, где зорями
дразнят пурпурности штор.
Вечер разорванный в ночь превращается,
черным становится взор.*

Перевод К. Бальмонта

Кроме того, в данный период активно развиваются прозаические жанры, такие как:

– жанр цзацзуань, о котором исследователи говорят как о «не имеющем, по-видимому, аналогов в мировой литературе»⁶³, напоминающем европейские афоризмы своей краткостью и отточенностью языковой формулы;

– песенно-повествовательное чередование стихов и прозы бяньвэнь, содержащее буддийские и мифологические сюжеты, часто бывшие вставными историями, рассказываемыми монахами на проповедях;

⁶³ Антонян К. В. Жанр цзацзуань в китайской литературе и словарь «Эръя» / К. В. Антонян // Общество и государство в Китае. – Т. 47, № 1. – С. 602–611.

– танская новелла – исторический анекдот-притча – важный этап развития повествовательной прозы, образец фабульной литературы, представленный в многочисленных собраниях, записанных как в конце танского периода, так и в последующие столетия.

7.1

Четыре великие поэтессы династии Тан: Ли Е (709–784), Сюэ Тао (~768–832), Лю Цайчунь (IX в.), Юй Сюаньцзи (~844–871) – стали воплощением женского таланта и свободолюбия. Жизнь каждой из них наполнена трагическими и авантурными обстоятельствами, подтолкнувшими *唐代四大女诗人* в куртизанки. Ли Е и Юй Сюаньцзи были «зарегистрированы» как даосские монахини – что было единственным способом для женщины вести свободный образ жизни. Лю Цайчунь – актриса, игравшая в военных драмах, Сюэ Тао – была наложницей и личным секретарем военного губернатора провинции Сычуань. Каждая из них активно участвовала в культурной жизни общества, вела знакомства и активную переписку с выдающимися поэтами эпохи, посвящала стихи не только исконно женским темам – красоты, любви, разлуки, природы, – но и вопросам справедливости и равенства, возможности реализовать поэтический дар, политических распрей, философии.

Самые известные их стихи – «Выражаю свои чувства» («То облака с утра, то к ночи дождь...») Ли Е, цикл «Десять расставаний» Сюэ Тао, «Шесть песен Луошу» Лю Цайчунь, цикл «Путешествую по реке» Юй Сюаньцзи.

Ли Е активно использует традиционную образность, выражая тоску разлуки:

| *А мой удел – ждать милого в тоске*
| *И на подушке яшмовой рыдать.*

*Не спится. И серебряный фонарь
Напрасно свет бросает на порог.*

*Взгляну наверх – там яркая луна –
Таинственности в ней видна печать.
Вниз посмотрю – там плещется река,
Стихи отправлю по ее волне.*

Перевод М. И. Басманова

Яшмовое изголовье как знак покинутости и одиночества, луна, которая светит равно всем, кто ее видит, как символ единения людей, река как объединяющий весь мир поток – этот набор образов можно встретить у многих поэтов танской эпохи. «Горы и реки, застава и луна, странник, ива и весна — всё это жило и развивалось в китайской поэзии с далеких времен «Шицзина», и всё это приобретало на протяжении веков новую окраску, облекалось более близкой к жизни художественной плотью»⁶⁴. Но все горести и печали расставаний временны и преодолимы:

*Разлука – есть, у чувства – нет конца,
Вот встретимся – о том поговорим.*

Перевод С. А. Торопцева

Говоря о потерях, Сюэ Тао умело варьирует сходством ситуаций, широким набором бытовых, природных, культурных сравнений, показывает жестокость разрыва через ассоциации с образами, традиционно воплощающими верность и преданность:

- Собака расстается с хозяином;
- Кисть для письма расстается с рукой;

⁶⁴ Желоховцев А. Я. Танская поэзия / А. Я. Желоховцев, И. С. Лисевич. Б. Л. Рифтин, И. И. Соколова, В. Т. Сухоруков, Л. Е. Черкасский, Л. З. Эйдин // История всемирной литературы ... Т. 2. С. 116.

- Лошадь расстается с конюшной;
- Серый попугай расстается с клеткой;
- Ласточка расстается с гнездом;
- Жемчужина расстается с ладонью;
- Рыбка расстается с прудом;
- Сокол расстается с сокольничим;
- Бамбук расстается с беседкой;
- Зеркало расстается с туалетным столиком.

В каждом из десяти стихотворений цикла в аллегорической форме, через образы птиц, животных, предметов домашнего обихода выражены чувства беспредельной преданности любимому, боль и упрек покинутой подруги. Однако с тоской расставания соединяется светлое чувство, связанное с осознанием своей чистоты, невинности, воспоминаниями о нежных речах хозяина и друга.

Образ плакучей ивы ассоциирован у Юй Сюаньцзи с лирической героиней, расстающейся с мужем:

朝朝送别泣花钿 ·
折尽春风杨柳烟。
愿得西山无树木 ·
免教人作泪悬悬。

*Провожая супруга, жена
Слезы горькие льет поутру.
Обломали здесь иву совсем,
Что сквозит на весеннем ветру.*

*Среди Западных этих гор
Ивам лучше бы не расти -
Не болел бы наставник за них,
Мог покой, наконец, обрести!*

Перевод М. И. Басманова

*Ранним утром расстаемся,
слезы бегут по украшениям,
Ломает всё подряд весенний
ветер, ивы стоят в тумане.
Хотела бы достичь западных
гор, где нет деревьев,
Там будет позволено человеку
не лить слезы.*

Перевод Д. Д. Масалимовой

Надежда на обретение покоя призрачна, а боль – реальна. Зачастую такой благостный весенний ветер становится колющим и пронизывающим. Каменистые горы, безжизненные и суровые, обещают не столько умиротворение, сколько преодоление чувствительности.

7.2

Нельзя не согласиться, что «этот период отмечен активной творческой деятельностью внушительного числа лиц ... Но вновь традиционно и стереотипно выделяют Ван Вэя, Ли Бо и Ду Фу, почитаемых величайшими поэтами не только танской эпохи, но и всей китайской художественной словесности, их имена, что называется, на слуху и в предельно далеких от китаеведных штудий читательских кругах»⁶⁵. Однако выделить крупным планом именно эти три имени заставляет не только их широкая известность, но и поэтический авторитет тех, кто стал их переводчиками. Поэзию **Ван Вэя (~701—761), Ли Бо (701—762) и Ду Фу (712—770)** переводили на русский язык К. Бальмонт, А. Ахматова, И. Бродский и др.

Стремление абстрагироваться от мира ради обретения внутреннего покоя, погружения в созерцание «гор, вод, полей и садов» определяет лирику Ван Вэя, писавшего в начале своего пути о воинских подвигах и судьбах героев-полководцев, но со временем всё больше жаждущего уединения. Личная свобода, индивидуализм – идеологический центр поэзии Ли Бо, тематический репертуар которого предельно широк и включает едва ли не все актуальные для его времени темы: тяготы воинской доли, разлука семей и ожидание возвращения солдат, нищета

⁶⁵ Алимов И. А., Кравцова М. Е. История китайской классической литературы ... Ч. 2. С. 1012.

крестьян, критика чиновников, величие прошлых веков, нравственная чистота и мужество героев древности, пейзажные картины и упоение девичьей красотой. Ответственная гражданская позиция благородного мужа, долг которого – быть образцом и объектом подражания, – частый объект осмысления Ду Фу. Однако поэт обращается и к темам естественной гармонии сосуществования человека и природы, жажды странствий, музыки как воплощению порядка и умиротворению.

Ван Вэй живописец, каллиграф, музыкант, его «лирика, обогащенная даосским и чань-буддийским мировоззрением, тяготеет к абстрактности, метафизичности и универсальности образа лирического героя»⁶⁶. Обретение истины в близи чистоты и ясности природы – одна из важнейших тем Ван Вэя, не случайно в конце жизни он выбрал путь отшельничества и уединения:

中岁颇好道 · 晚家南山陲。
兴来每独往 · 胜事空自知。
行到水穷处 · 坐看云起时。
偶然值林叟 · 谈笑无还期。

*К срединным годам
возлюбил я истины суть.
Близ Южной горы
поселился в пору седин.
Радость вкусив,
всегда гуляю один,
К лучшим местам
наилучший ведаю путь.
К началу ручья
дойду дорогой прямой,*

*Средины жизни я достиг и ныне
Путь истины взыскую в тишине.
У гор Чжуннань один живу в пустыне.
На склоне лет мир снизошел ко мне.
И каждый раз, почуяв вдохновенье,
Иду бродить один в глубинах гор.
Как были тщетны прежние волненья!
Бывалые заботы – жалкий вздор.*

⁶⁶ Алимов И. А., Кравцова М. Е. История китайской классической литературы ... Ч. 2. С. 980.

*Присяду, смотрю,
как встают облака над горой,
Старик-дровосек
навстречу выйдет порой:
Смех, болтовня, –
забываем, что время домой.*
Перевод А. А. Штейнберга

*Я часто дохожу до той стремнины,
Где в вышине рождается река.*

*Присяду и смотрю, как из долины
Волнистые восходят облака.*

*Порой случайно дровосека встречу, –
С ним говорю с открытою душой,*

*Шучу, смеюсь и даже не замечу,
Что уж пора, давно пора домой.*

Перевод В. Н. Марковой

Середина жизненного пути традиционно время предварительных итогов, когда, «перешагнув за жизни половину», многие оказываются «в сумрачном лесу»⁶⁷ заблуждений и грехов. Лирический герой Ван Вэя, напротив, открывает для себя путь одиночества, созерцания, простых радостей, лишившись блистательной карьеры и высоких должностей, он не только не впал в отчаяние, но обрел понимание, что есть истинное счастье, каково значение повседневности и восхищения природой в ее величии и безразличии к человеку.

«Бессмертный, низвергнутый с небес», – сказал о Ли Бо старший его современник – поэт Хэ Чжичжан. Стихотворение Ли Бо «Вспоминаю родную страну» не просто знаменитое – самое знаменитое во всей истории китайской поэзии:

*床前明月光，
疑是地上霜。
举头望明月，
低头思故乡。*

*Сиянье лунное мне снегом показалось,
Холодным ветром вдруг дохнуло от
окна...*

*Над домом, где друзья мои остались,
Сейчас такая же, наверное, луна.*

Перевод И. А. Бродского

⁶⁷ Данте А. Божественная комедия (перевод М. Л. Лозинского).

*В изголовии ложа
Сияет, светлеет луна.
Показалась похожей
На иней упавший она.
Посмотрел на луну я,
Лицо к небесам обратив,
И припомнил родную
Страну я, лицо опустив.*

Перевод Ю. К. Щуцкого

*Возле постели
пол, озаренный луной:
Кажется – это
иней лежит предо мной.
Взор поднимаю –
ясную вижу луну;
Взор опускаю –
край вспоминаю родной.*

Перевод Л. Н. Меньшикова

Одиночество здесь больше не благо. Тревожная бессонная ночь озарена ярким холодным светом. Печальные мысли об утраченном доме окутывают, словно инеем, и мысли, и жилище, и пейзаж за окном. Только торжество луны над тьмой воспоминаний дает смутную надежду. Стихи несут в себе суть самого китайского отношения к луне – где бы ты ни был, где бы ты ни странствовал, как бы далеко не был оторван от родных и близких, луна на всех одна. В одно и то же время каждый, смотрящий на луну, видит одни и те же ее фазы, в разных концах света синхронизируется время, находящиеся в разлуке друзья обретают равное количество света. Когда луна полная, ее никто не может не заметить, и для всех людей она одна и та же. Ее вид дает пережить чувство сопричастности былому счастью, внушает тихую ностальгию вместе с неясной надеждой.

Мотивы утраты дома, расставания и разлуки в стихах Ду Фу – особенно тех, что написаны в середине жизни, – больше связаны с социально-историческим контекстом. Поэзия Ду Фу – часто укор тому, кто рад войне, тревога за судьбы ушедших и соперничество оставшимся. Бушевавший на протяжении почти десятилетия военный мятеж Ань Лушаня сподвигает Ду Фу к по-

эзии, чья задача «писать, а не плакать»⁶⁸. «Белый конь» – стихотворение, соединяющее знание с домыслом, уверенность с предчувствием, разворачивающееся одновременно в прошлом и будущем. Точность и емкость детали – одинокий конь и две стелы, пробившие седло, – создают картину произошедшего, тревога о мирных жителях и судьбе страны сливается с верно-подданическим (вполне конфуцианским) убеждением, что самое страшное – потеря господина (военачальника, полководца), ведущего войска и дающего надежду на победу.

白馬東北來，空鞍貫雙箭。	<i>Конь примчался</i>	<i>Может, рядом с ним,</i>
可憐馬上郎，意氣今誰見。	<i>С северо-востока,</i>	<i>На поле боя,</i>
近時主將戮，中夜商於戰。	<i>Стрелами</i>	<i>Нашего</i>
喪亂死多門，嗚呼淚如霰。	<i>Седло его пробито.</i>	<i>Сразили полководца...</i>
	<i>Жаль того,</i>	<i>Смерть сейчас</i>
	<i>Кто пал в бою же-</i>	<i>Бредет любой тропюю, –</i>
	<i>стоком, –</i>	<i>Знаю,</i>
	<i>Что теперь</i>	<i>Много слез еще про-</i>
	<i>Узнаешь об уби-</i>	<i>лется.</i>
	<i>том?</i>	

Перевод А. И. Гитовича

Стихотворение – образец «мужественной поэзии», объединяющей произведения на военные темы. Оно наполнено скорбью по случившемуся и предчувствием грядущих бед.

Обреченные на одиночество круговоротом социальных бедствий, выброшенные из общественной борьбы, лирические герои Ван Вэя, Ли Бо и Ду Фу по-разному обретают умиротворение и новый смысл жизни.

⁶⁸ Бежин Л. Е. Ду Фу / Л. Е. Бежин. – Москва : Молодая гвардия, 1987. – С. 203.

7.3

Танская новелла или **чуаньци** (*передать удивительное*) – термин, впервые использованный в названии сборника рассказов Пэй Сина (VIII в.). Развившись из коротких «заметок о необычайном» («сяо шо»), исторических анекдотов и притч, она легко соединяет волшебное и психологическое, фантастическое и историческое. Она «не обогатила мышления средневекового человека новыми идеалами», осталась «традиционно нравственна и традиционно дидактична»⁶⁹. По сравнению с дотанскими сяо шо она существенно усложнена стилистически, отказывается от краткости языка «документального отчета о произошедшем» ради красочности, увлекательности, композиционной многосоставности. Алимов И. А. и Кравцова М. Е. говорят о том, что чуаньци не столько новый жанр, возникший в танскую эпоху, сколько один из этапов развития «рассказов ничтожных»: «Гораздо проще констатировать, что мы имеем дело с пришедшимся на танское время вполне закономерным этапом развития прозы сяо шо»⁷⁰. Ши Линь выделяет пять признаков чуаньци: осознанное художественное творчество и вымысел; законченный, а не фрагментарный сюжет; сложность сюжета; яркие, хорошо выписанные, а не сухие, схематичные образы героев; сочный, яркий, а не простой и сухой, язык изложения⁷¹. И. И. Соколова пишет о, во-первых, дидактическом характере текстов,

⁶⁹ Эйдлин Л. З. Литературы Восточной и Юго-восточной Азии // История всемирной литературы. С. 95.

⁷⁰ Алимов И. А., Кравцова М. Е. История китайской классической литературы ... Ч. 2. С. 1012.

⁷¹ Ши Линь. Нью Су «Цзи вэнь» чжундэ чуаньцичжи цзо (石麟.牛肅《紀聞》中的傳奇之作 Произведения типа «чуаньци» в «Том, что слышал» Нью Су). Цит. по: Алимов И. А., Кравцова М. Е. История китайской классической литературы ... Ч. 2. С. 1009.

во-вторых, об обязательной новизне и необычности сюжета, в-третьих, о лаконичности, занимательности и динамичности, – «все эти качества в сочетании с обязательной новизной сюжета роднят чуаньци с европейской новеллой»⁷².

До нас дошло более 100 образцов танской новеллы 24 авторов, включенных в четыре более поздних свода:

– «Обширные записи годов Тайпин» («Тайпин гуан-цзи»), составленные в 977 г. группой ученых под руководством Ли Фана;

– «Виды бесед» («Лэй шо») Цзэн Цао (XII в.);

– «Основы бесед» («Шо фу»), созданные ученым XIV – нач. XV вв. Тао Цзун-и;

– «Собрание литературы эпохи Тан» («Тандай цуншу», XVII–XVIII вв.) неизвестного автора.

Периодом наивысшего расцвета жанра следует считать конец VIII в., время, оставившее и наибольшее количество имен. Все известные нам авторы чуаньци принадлежали к высшему чиновному сословию. Наиболее крупные представители жанра – Шэнь Цзи-цзи (750–800 гг.), Ли Гун-цзо (VIII–IX вв.), Нью Сэн-жу (781–849 гг.), Ли Фу-янь (IX в.), Пэй Син (IX–X вв.) были непосредственно связаны с «Движением за возрождение древности». В своих новеллах они проповедовали **идеи**:

1) общественной значимости литературы;

2) освобождения прозы от искусственных словесных украшений, параллельных конструкций, нагромождения намеков и цитат как протест против формализма предшествовавших эпох;

⁷² Соколова И. И. Танская поэзия / И. И. Соколова, А. Я. Желоховцев, И. С. Лисевич. Б. Л. Рифтин, В. Т. Сухоруков, Л. Е. Черкасский, Л. З. Эйдлин // История всемирной литературы. ... Т. 2. С. 132.

3) демократизации литературы (например, в новелле Ли Фу-яня «Чжан Лао» простой человек противопоставляется знати, бедный огородник оказывается могущественным волшебником, а богатч Вэй Шу посрамлен. В основе любовных новелл, героиней которых является женщина, стоящая вне общества («Повесть о красавице Ли», «История Хо Сяо-юй», «История гетеры Ян» и др.), лежит идея о всесии любви, стирающей сословные грани. Общественные предрассудки отрицаются, чувства становятся мерилем истины и счастья).

В новеллах можно выделить следующие **темы**:

«Любовь, взятая в различных аспектах, составляет основное содержание более трети общего количества дошедших до нас рассказов»⁷³. **Тема любви** представлена разнопланово: с одной стороны, в ситуации любви богатого и знатного юноши к девушке благородного сословия соединяются мотивы любви и женитьбы, с другой – в историях неравной любви, родителей, препятствующих браку, возникают мотивы испытаний, преодоления препятствий, даже гибели героев, наконец, супружеская верность, взаимное служение друг другу, способность сохранить любовь среди испытаний – еще один важный аспект чуаньци. В большинстве случаев конфликты разрешаются в пользу влюбленных, а верная и сильная супружеская любовь вызывает восхищение и одобрение авторов. Симпатии авторов танских новелл всегда на стороне тех, кто отстаивает свое личное счастье.

Так, в рассказе «Душа, покинувшая тело» разлученная непреклонностью родителей с возлюбленным героиня раздваивается: «духовная душа» (хунь) покидает тело девушки и следу-

⁷³ Соколова И. И. и др. Танская поэзия // История всемирной литературы. Т. 2. С. 133.

ет за возлюбленным («... это была Цянь-нянь. Босая, она бежала за его лодкой. От неожиданности и счастья Чжоу словно обезумел» (здесь и далее перевод О. Фишман и А. Тишкова)), а тяжело страдающее тело, в котором живет теперь лишь «плотская душа» (по), остается с родителями. Юноша принимает пришедшую к нему душу за живую девушку. Влюбленные бегут в столицу, где юноша выдерживает испытания и получает должность на государственной службе. Он живет счастливо с «молодой женой», у них рождаются два сына (знак благословения небом их любви), но однажды «жена» просит отвезти ее домой к родителям, перед которыми она чувствует себя виноватой. И только когда они приезжают в родительский дом, муж узнает, что девушка вот уже пять лет как из-за болезни не покидает своей комнаты. На виду у удивленных мужа и родителей две девушки соединяются в одну, и счастливые родители благословляют ее замужество.

Фантастические элементы появляются в новеллах достаточно часто – сверхъестественные персонажи взаимодействуют с обычными людьми, которые обладают земными чувствами и наделены обычными стремлениями и желаниями («Книжник Цуй», «Женщина-оборотень», «Древнее зеркало»).

Измены, душевная слабость, неспособность бороться за свою любовь становятся предметом осуждения. Яркий пример – герой новеллы «История Хо Сяо-юй» Цзян Фана. Ли И, юноша из знатной семьи, перед отъездом на новое место службы клялся в верности возлюбленной: *«Когда я клялся ясным солнцем в жизни и после смерти быть верным тебе и дожить вместе с тобой до старости, то мне казалось, что того еще слишком мало. Как же посмею я думать о других женщинах? Умоляю: не сомневайся во мне и живи, как моя жена, спокойно ожидая меня. В восьмую луну я обязательно приеду в уезд*

Хуачжоу и отправлю за тобой посланца: разлука будет недолгой...». Ли И сам верит своим клятвам. Но когда он попадает домой и узнает, что мать уже выбрала ему богатую невесту из знатной семьи, то не решается противиться воле старших. Он изменяет клятве и предает Хо Сяо-юй. А она верит ему, ждет, живет воспоминаниями и в конце концов умирает от горя. Концовка новеллы — это осуждение автором своего героя: проклятие и после смерти героини преследует обманувшего ее юношу, осознавшего свое непостоянство и слабование, понявшего, что он — всего лишь игрушка в руках судьбы и родителей.

Не менее важны новеллы на **темы морали и преподнесенных героям моральных уроков**. Авторы часто выступают проповедниками конфуцианской морали, утверждая идеи гармонии, смирения, послушания и единства.

Так, новелла Ван Ду «Волшебное зеркало» повествует о благословении, которое получил рассказчик, в виде подаренного умирающим монахом зеркала. Этот предмет тесно связан с миром духов и Поднебесной, отлитый когда-то самим Хуан-ди. Он выявляет оборонтей, защищает от злых духов, лечит болезни. Зеркало многократно не только спасает главного героя и его брата, но и помогает им вершить добрые дела. Но всё же в мире есть порядок, который недоступен и непонятен человеку и который нельзя нарушать, поэтому герой то и дело «натыкается» на ограничения: при встрече двух волшебных предметов (волшебного зеркала и волшебного меча) один из них теряет силу: *«Видно, в Поднебесной и среди волшебных вещей есть свои законы: менее совершенное должно уступать более совершенному. С этих пор каждый раз в полнолуние стоило мне вынуть зеркало в темной комнате, как оно начинало сверкать и далеко отбрасывало лучи. Если же в комнату проникал лунный свет, то зеркало не сияло: разве с блеском солнца и луны*

можно соперничать?». Что еще важнее, зеркало помогает только в тех добрых делах, которые не противоречат законам Неба. Если человек просит о том, что не согласуется с небесной волей, зеркало «протестует». Яркий пример: появление духа зеркала, когда герой хотел побороть мор и болезни в городе, а этот мор оказался наказанием, заслуженным жителями и посланным самими Небесами. Наконец, ни один человек не может контролировать волшебное: зеркало само решает, с кем и как долго оставаться, а герою остается лишь смириться с тем, что «настала пора попрощаться» с волшебным «помощником».

К «моральным» танским новеллам тесно примыкают тексты на **тему сна** (сна и реальности): это может быть вещий сон, в котором спящий видит всю свою будущую жизнь и на основе увиденного принимает важное решение в реальной жизни, или сон-предупреждение, сон-подарок, помогающий справиться с бедами и неприятностями.

В новеллах «Старуха Фэн из Луцзяна», «Записки о странных существах, встреченных ночью в Дуньяне» мотив сна сплетается с мотивом связи человека с миром божеств. Согласно убеждениям даосов, во время сна человек может созерцать свою душу, постигая суть духовной жизни, убеждаясь в эфемерности земных радостей. Часто целью таких рассказов является убеждение читателя в бренности материальных благ, успехов, карьеры, славы.

Так, герой новеллы Шэнь Цзи-цзи «Волшебное изголовье» разгневал старого монаха жалобами на судьбу: *«Великий муж является в этот мир, чтобы замечательными делами прославить свое имя... Я же в расцвете лет, достиг совершенного возраста, а всё копаюсь в земле»*. В назидание ему послан сон, в котором он прожил целую жизнь: женился на девушке из знатного дома, сдал экзамен, дослужился до высших чинов,

затем был разжалован, сослан, снова восстановлен в прежних чинах и, наконец, умер. Оказывается, что, подгоняя жизнь, человек приближает не славу, а смерть. Нет предела величия, который мог бы его удовлетворить, он получает признание лишь на смертном одре.

Тот же прием использует мастер жанра фантастической новеллы Ли Гун-цзо в новелле «Правитель Нанькэ». Всё, с чем во сне столкнулся герой этой новеллы, весьма напоминает то, что происходит в реальном мире: та же система управления, те же дворцовые интриги и междоусобные войны, те же чиновничьи чтения, те же обряды и наказания, та же несправедливость.

Во сне человеку открываются не только моральные принципы и законы мироустройства, но и красота, поэзия, истинное искусство. В новелле Шэнь Я-чжи «Записки об увиденных снах» рассказчик фиксирует два сна, рассказанных ему на дружеских пирах. Оба они – о знакомстве с прекрасными стихами и их создателями, чья поэзия позволяет им быть одновременно в мире живых и мертвых, людей и духов, сиюминутности и вечности:

*На запад, в царство У,
Я устремляю взор;
Там — памятник из туч,
На нем — как птицы — строки,
Сверкает в жемчугах
Над реками шатер,
Но золотая брошь
Схоронена в потоке!*

Перевод В. Марковой

Объединяет темы любви, вещего сна, отношений человека с потусторонним миром, переселения душ и перевоплощения человека, навеянные буддизмом и даосизмом, а также поиска бессмертия новелла Нью Сэн-чжу «Воскрешение». Человек

здесь получает право отстаивать не только человеческую, но и высшую справедливость, любовь и преданность побеждают злых духов, смерть и время, любовь правит миром. Умершая от козней злого духа жена Ли Моу научает мужа *«подать жалобу на злого беса, что убил»* ее (здесь и далее перевод И. Соколовой и О. Фришман). Силы неба воскрешают ее, поскольку *«жене Ли отмерена долгая жизнь, и, если ее не воскресить, тем самым нарушен будет законный порядок»*. История потерянной и обретенной любви оказывается тесным образом вписана в космогоническую систему, дела и нужды человека уравниваются с вопросами высшей справедливости.

Проникшие в литературу **идеи даосизма**, во-первых, реализуются через мотив поиска бессмертия (конфуцианство, как известно, считало его невозможным и заботилось о бессмертии рода). Необычные приключения, чудеса, сверхъестественные превращения наполняют рассказы о бессмертии и о путях его достижения. Во-вторых, в новеллах устойчиво возникают идеи самосовершенствования, покоя, следования своему пути. Яркий пример: новелла Нью Сэн-чжу «В стране бессмертных». Она организована как рассказ в рассказе: Чжан Цзо встречает на дороге впечатлившего его ясностью взгляда и отрешенностью от мира старика, которого просит стать учителем; среди рассказанных старцем историй – повествование о том, как он обрел долголетие.

«В стране бессмертных» – история перерождения человека, однажды (в прошлой жизни) упустившего бессмертие. Он был допущен в прекрасный мир: волшебные рощи, обильные пашни и богатый великолепный город, расположенные в его собственной голове. Он мог стать великим и прославится, но тоска по родине сделала его изгнанником этой прекрасной утопической земли:

*Я взошел на башню
И взглядом окинул дали.
Чудо, как хорошо здесь,
Но родина всё же прекрасней!*

Перевод В. Марковой

Старик наказан за небрежение к открывшемуся ему миру. Он потерял бессмертие и забыл дорогу к небесам. Однако праведная жизнь в дальнейших перевоплощениях привела к тому, что один из его провожатых вернулся, чтобы дать ему рецепт бессмертия. Идеи даосизма широко проникли в литературу, смешались в ней с красочными народными преданиями. В данном случае чудесный город, открывшийся герою, сродни народной утопии всеобщего благоденствия и процветания.

В большинстве танских новелл выражено деятельное, оптимистическое отношение к жизни. Рисуя недостатки своих героев, рассказчики приемлют человеческие заблуждения и пороки. В танской новелле нет ярких отрицательных персонажей, терпимость к человеческим слабостям наполняет тексты грустной иронией. Структурно они сходны:

– новелла открывается своеобразной экспозицией, в которой автор представляет действующее лицо, называя его имя, место рождения или жительства, дает краткое описание внешности персонажа;

– затем следует событийная часть, в которой постепенно проявляются названные в экспозиции черты его характера;

– быстрая развязка сопровождается нередко авторским резюме, в котором дается оценка событиям, сообщается источник истории или обстоятельства ее написания;

– новеллисты чрезвычайно внимательны в отборе деталей, каждая из которых несет определенную смысловую нагрузку.

7.4

Цзацзуань («разное», «смесь», «заметки о разном») – это лаконичные изречения, аналогичные европейскому афоризму, оригинальный вид китайской художественной литературы, остроумно повествующий о различных жизненных ситуациях и поступках человека, его внутренних мотивах.

Они написаны на языке, близком к разговорной речи, изобилующем простонародными выражениями и бытовой лексикой: «Анализ цзацзуань показывает, что в этом жанре смешаны элементы языка разговорного и литературного, причем элементы разговорного языка преобладают. Это вполне отвечает содержанию цзацзуань: факты будничной жизни по преимуществу простого городского люда переданы языком, стилистически соответствующим характеру фактов. Благодаря преобладанию разговорной лексики цзацзуань были вполне доступны любому читателю и слушателю в свое время, а большая часть их легко воспринимается на слух и в наши дни. Таким образом, и с точки зрения языка мы можем говорить о цзацзуань как о памятниках китайской демократической литературы»⁷⁴.

Цзацзуань долгое время пользовались популярностью, в этом жанре писали многие авторы, начиная от IX в. вплоть до XIX в.: Ли Шанъинь (IX в.), Ван Цзюнь-юй и Су Ши (XI в.), Хуан Юнь-цзяо (XVI-XVII вв.), Сюй Шу-пи, Чэнь Гао-мо и Фан Сюань (XVII в.), Вэй Гуан-фу и Гу Лу (XVIII–XIX вв.). Но этот жанр никогда не считался жанром «высокой» литературы. Произведения этого жанра никогда не объединялись в общий свод, не учитыва-

⁷⁴ Циперович И. Э. Изречения цзацзуань в собраниях различных авторов / И. Э. Циперович // Цзацзуань. Изречения китайских писателей IX–XIX вв. / перевод, предисл. и примеч. И. Э. Циперович. – Москва : Наука, 1969. – С. 12.

лись в официальных библиографических изданиях и каталогах, не включались в собрания сочинений их авторов.

Цзацзуань отличаются оригинальной литературной формой, особой композиционной организацией, только им свойственными стилистическими приемами:

1. Под одним заголовком авторы группируют целый ряд высказываний, каждое из которых выделяется в самостоятельную строку. Перечисляются и объединяются как бы в общую рубрику ситуации или явления, поступки, мысли, эмоции, сходные по той реакции, которую они вызывают у автора, либо у стороннего наблюдателя, либо у людей, о которых говорит автор.

Эта реакция формулируется в двух-трех словах (а порой – в одном слове), которые выносятся в заголовок.

Невыносимо:

лето – толстяку;

прийти домой и застать жену сердитой;

находиться в подчинении у взяточника;

иметь сослуживцев с дурными привычками;

путешествовать в жару;

долго беседовать с бесцеремонным человеком;

мокнуть в лодке под дождем;

ютиться в сырой и грязной лачуге;

жить в уезде, где начальник вечно к тебе придирается.

(здесь и далее автор – Ли Шанъинь, перевод И. Э. Циперович)

2. Графическая форма цзацзуань задана и предопределена: расположение строк – это не просто техническое средство. Оно способствует:

– Обособлению каждого пункта перечисления в самостоятельную строку, подчеркивает резкость смены мотивов внутри данной группы цзацзуань, их независимость друг от друга.

Не пренебрегаешь:

*грубой пищей – если голоден;
заезженной клячей – когда идешь пешком;
возможностью отдохнуть – в долгом пути;
холодным отваром – когда хочешь пить;
простой лодкой – если спешишь переправиться;
жалкой лачугой – когда хлещет дождь.*

– Возникновению **постоянной инверсии** – свободного порядка слов, в котором читатель ставит рефрен на любое удобное ему место в высказывании, акцентируя нужные смыслы. С помощью этого приема рельефно выделяется высказанная мысль, новый мотив.

Долго не удерживаются:

*деньги – в руках игрока;
плодородная земля – у нерадивого;
бедный чиновник – на выгодном посту;
цветы – под сильным дождем;
молодая жена – у старика мужа;
провалившийся на столичных экзаменах сюцай – в столице;
красивая служанка – у ревнивой хозяйки.*

– Эффекту недоговоренности, умолчания, намека: заголовок-тема не повторяется в каждом афоризме, хотя он связан с каждой строкой и только с ней образует одну законченную мысль, одно изречение.

Очень напоминает:

*столичный чиновник — тыкву: растет незаметно и быстро;
нищий ученый — ворона: поет, когда голоден;
печать — ребенка: всегда таскаешь с собой;
уездный начальник — тигра: чуть шевельнет лапой — убьет;
монахиня — мышь: вечно прячется;
ласточка — монахиню: в одиночку не летает;
служанка — кошку: где тепло — там приютится.*

3. Разнородность и разномасштабность подводимых под одну рубрику ситуаций порой создает юмористический эффект несмотря на то, что жанр цзацзуань не обязательно несет в себе юмористическое содержание. У Ли Шаньиня встречаются юмористические, дидактические, наставительные цзацзуань, в которых говорится о том, что следует и чего не следует делать, что прилично и что неприлично, чему следует учить детей и т. п. (ср. такие заголовки, как «Умно», «Неумно», «Глупо», «Непристойно», «Бестактно», «Навязчиво», «Неразумно»; «Наставляйте сыновей», «Наставляйте дочерей», «Десять запретов»).

Структурные особенности цзацзуань, своеобразную организацию материала в этих изречениях можно более четко представить, если, например, ту же группу изречений Ли Шаньиня воспроизвести в оригинале (пользуясь русской транскрипцией китайских слов):

Бу сянь:

Цзи / * дэ цу ши;
ту син / дэ ле ма;
син цзю / дэ цзоцы;
кэ / инь лэн цзян;
син цзи / дэ сяо чуань;
юй юй / дэ сяо у.

** Косой чертой отмечена цезура, т. е. место словораздела, интонационной паузы в данной фразе.*

Во всех шести строках одно и то же синтаксическое построение; в качестве сказуемого в пяти случаях используется один и тот же глагол «дэ» («получить», «раздобыть», «напасть на» и т. п.) и в одном случае – глагол «инь» («лить»), который в данном контексте вполне может быть заменен тем же глаголом «дэ»; цезура во всех строках – перед сказуемым. В китайском оригинале изречения предельно лаконичны: каждое

содержит четыре или пять слов (чего не всегда удается достичь в переводе)⁷⁵.

Выдающийся поэт династии Тан **Ли Шанъинь** (813–858 гг.) является не только одним из первых авторов цзацзуань. Его изречения оказали большое влияние на литературу последующих эпох: им подражали, их переписывали, цитировали, образные выражения из них вошли в литературный обиход. Однако не менее интересно его поэтическое творчество. Поскольку Ли Шанъинь прожил трудную жизнь чиновника, оказавшегося между двумя враждовавшими придворными партиями, у него много стихов, в которых осмысление судеб страны смыкается с размышлениями о собственной его горестной участи. Он является автором множества лирических и философских стихов, одним из немногих китайских поэтов, в чьем творчестве отчетливо проявляется любовная тема – целый цикл его стихов, посвященных жене, не раз переводился на русский язык, в том числе и А. А. Ахматовой:

*Спросила ты меня о том,
Когда вернусь к любимой в дом.
Не знаю сам. Пруды в горах
Ночным наполнились дождем...
Когда же вместе мы зажжем
Светильник на окне твоём,
О черной ночи говоря
И горном крае под дождем?*

Эти стихи составляют цикл «У ти» («Без названия»). Поскольку написаны они после смерти жены, основные темы – разлука с любимой, грусть прощания, тоска воспоминаний.

⁷⁵ Циперович И. Э. Изречения цзацзуань в собраниях различных авторов // Цзацзуань. Изречения китайских писателей IX–XIX вв. С. 18.

Если ранние тексты Ли Шанъинь написаны под влиянием даосской традиции, то после смерти жены поэт принял буддизм, утратил свои посты, и в его стихах активно появляются обращения к древним, попытки осмыслить классическую философию:

*Мудрец Чжуанцзы в глубоком
сне
Сияющей бабочкой был.
Ван-ди после смерти все
чувства свои
В лесную кукушку вселил.
...*

*О всех этих чудных явлениях
не раз
Придется мне размышлять.
Но надо признаться, сейчас
на моей
Душе печали печать.*

Перевод А. А. Ахматовой

Выбор источников для реминисценций в стихах поэта безграничен, он легко вступает в диалог с классическими строками, обогащая свои стихи ассоциациями и образами из древних поэтических памятников.

Вопросы для самопроверки

Каковы итоги правления династии Суй?

Каковы результаты повсеместного введения и усложнения экзаменов, как изменился социальный состав государства?

Какие жанры литературы были характерны для периода китайского Возрождения?

Какая внешняя политика характерна для эпохи Тан?

Какие формальные модели стихотворений приняты в танской поэзии?

Назовите самых известных поэтов эпохи Тан.

Что общего в лирике Ван Вэя и Ли Шанъиня?

Назовите известные вам тексты Ван Вэя, Ли Бо и Ду Фу.

Чем отличается танская новелла от сяо шо?

Какие темы освещала танская новелла? На стороне какого героя симпатии авторов танских новелл?

С какими образами ассоциирован мотив расставания в женской поэзии, с какими – в мужской?

Как назывались исторические повести в династии Тан?

Какие графические и стилистические приемы используются в цзацзуань?

В каких жанрах прославился Ли Шанъинь?

Кому посвящен цикл стихов Ли Шанъиня «У ти» («Без названия»)?

Какие авторы были связаны с «Движением за возрождение древности»?

Назовите три великие династии, наиболее способствовавшие развитию культуры и литературы Древнего Китая. Время правления какой династии считается временем Китайского Возрождения?

Задания для самостоятельной работы

Подготовить литературно-музыкальную композицию продолжительностью 20 минут по творчеству одного из поэтов: Ли Бо⁷⁶, Ван Вэя⁷⁷ или Ду Фу⁷⁸. Обязательные элементы композиции:

- биография;
- тематика стихов;

⁷⁶ Можно опираться на книгу: Торопцев С. А. Ли Бо / С. А. Торопцев. – Серия: ЖЗЛ. – Москва : Молодая гвардия, 2014. – 304 с.

⁷⁷ Можно опираться на книгу: Ван В. Река Ванчунань / В. Ван ; сост. Р. В. Грищенко; предисл. В. Т. Сухорукова. – Санкт-Петербург : Кристалл, 2001. – 800 с.

⁷⁸ Можно опираться на книгу: Бежин Л. Е. Ду Фу / Л. Е. Бежин. – Серия: ЖЗЛ. – Москва : Молодая гвардия, 1987. – 271 с.

- жанровый репертуар;
- выразительное чтение на русском (и китайском);
- выразительное чтение под музыку, подобранную по принципу близости эпохи или настроения;
- мультимедийная презентация-сопровождение.

Прочитать новеллу Ню Сэн-чжу «Воскрешение» («В середине годов “Юаньхэ” дочь Ци Туя, управителя области Жао, выдала замуж за одного молодого человека по имени Ли Моу, родом из Лунси...») в переводе И. Соколовой и О. Фишман⁷⁹, ответить на вопросы:

Как организован мир духов? Где он находится? Как соотносятся «этот» мир и «тот»?

Что такое закон? Где баланс добра и зла? Как действует небесный закон? Как вершат свой суд духи? Степень участия человека в решении его судьбы.

Характеристики героев. Вопросы семейных отношений в новелле. Роли отца и мужа в жизни семьи. Значение финала.

Практико-ориентированные задания и игры

Прочитайте вместе с учениками стихотворения Ли Бо «Проводы друга» (перевод А. И. Гитовича) и «Разлученные» К. Бальмонта

Проводы друга	Разлученные
<i>Там, где синие горы За северной стали стеной, Воды белой реки Огибают наш город с востока. На речном берегу</i>	<i>Прозвенит ли вдали колокольчик, Колокольчик, во мгле убегающий, – Догорает ли Месяц за тучкой, Там за тучкой, бледнеющей, тающей, –</i>

⁷⁹ Ню С. Воскрешение // Древнее зеркало: китайские мифы и сказки. С. 85–88.

*Предстоит нам расстаться
с тобой,
Одиноким твой парус
Умчится далеко-далеко.*

*Словно легкое облачко,
Ветер тебя понесет.
Для меня ты – как солнце,
Ужели же время заката?
Я рукою машу тебе –
Вот уже лодка плывет.
Конь мой жалобно ржет –
Помнит: ездил на нем ты
когда-то.*

*О, печали глубоко-мучительной! –
Наклонюсь ли я, полный печали,
Над водой, над рекой
безглагольной,
Безглагольной, безгласной,
томительной, –*

*Предо мною встаешь ты, родная,
Ты, родная и в сердце хранимая, –
Вдруг я вижу, что ты не забыта,
Позабывтая, горько-любимая.*

Выберите из предложенных ниже карточек (слайдов) с картинками те, которые характерны для того или другого стихотворения, составьте образный ряд, подходящий к тексту каждого поэта, примените наиболее подходящие, с вашей точки зрения, фильтры, зафиксируйте те метаморфозы, которые, на ваш взгляд, претерпевают выделенные вами образы. Опишите тот анимационный ряд, который у вас получился.

Составьте «график эмоций» лирического героя того и другого стихотворения. Подберите эмодзи, передающие «эмоциональную партитуру» текста.

Предложите не менее двух подобных заданий. Они должны быть составлены так, чтобы их можно было использовать в практике работы со школьниками. Придумайте, разработайте и опробуйте их в учебной группе на практическом занятии.

Тема 8. ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ ПОЛИЦЕНТРИЗМА (907–1279 гг.)

Эпоха **полицентризма** – время разрознённости: постепенное смещение государственного центра на Юг. «Великое восстание, охватившее всю страну и окончательно подорвавшее власть Тан, во многом напоминало два предыдущих восстания... Последние императоры Тан ... царствовали как марионетки и погибли как пешки в военных играх своих потенциальных преемников»⁸⁰. За падением Тан следует период Пяти империй (Поздняя Лян, Поздняя Тан, Поздняя Цзинь, Поздняя Хань, Поздняя Чжоу), последовательно сменявших друг друга на протяжении полувека – с 907 по 960 гг. Империя распадалась, отдельные провинции объявляли себя самостоятельными царствами. Длительный мир, наступивший после Шаньюаньского договора 1005 г., заключённый правопреемницей Пяти империй – династией Сун, зафиксировал, что «неханьские» правители – главы отдельных земель тоже могут иметь легитимные права на власть.

Во время правления династии Сун (960–1279) происходит значительная государственная реформа, существенные изменения в аграрной и торговой политике, а со второй половины XII в. «изгнание с Севера зажиточных китайцев, принесших свои ценности в богатые и деятельные регионы Юга, спровоцировало первый “экономический взрыв” в истории Китая»⁸¹.

⁸⁰ Кей Дж. Китай: От Конфуция до Мао Цзедунa. С. 379–380.

⁸¹ Елисеефф В., Елисеефф Д. Цивилизация классического Китая. С. 490.

Начинается развитие археологии (в частности, обнаружены древние записи и воссоздаются ранее утерянные книги, такие как «Книга Весны и Осени», «Книга Перемен», «Книга церемоний»), составляются антологии классической поэзии, развиваются астрономия и математика. «В определенные исторические моменты эта власть действительно в какой-то мере представляла как власть культурных людей. И культурность означала не только знание, но и талант, творческую деятельность высших представителей власти»⁸².

Параллельно на северо-западе развивается государство Ся, а северо-восток управляется властителями Ляо и Цзинь. Начавшийся в 1206 году открытый военный конфликт Сун и Цзинь совпали с возрастающей агрессией монголов, которые с конца десятых годов прекратили спорадические набеги на северные территории и начали полномасштабное военное вторжение. В 1215 году монголами был взят Яньцзин (Пекин), в 1233 г. захвачено царство Цзинь. В 1267 г., после незначительного «затишья», связанного с корейским и вьетнамским походами, смертью Чингисхана и борьбой за власть его преемников, хан Хубилай начинает поход на Южную Сун и в 1279 г. принял Небесный мандат на правление Поднебесной.

Появление наборного шрифта и быстрое распространение книгопечатания дало толчок развитию философии и литературы. Хэн Мэй (1123–1202) создал одно из самых ярких собраний сказок, подвергнув их литературной обработке. Сыма Гуан (1019–1086) составил исторический труд «Цзы чжи тун цзянь» («Всеобщее зеркало, управлению помогающее»). В художественной прозе зарождаются хуабэнь (сунские повести, ярким примером

⁸² Гране М. Китайская цивилизация. С. 380.

которых могут служить тексты, собранные в более позднем сборнике «Цзинь гу ци гуань» («Удивительные истории нашего времени и древности») и «Записках охмелевшего старца» Ло Е) и бицзи (форма книги, соединяющей мемуары и эссеистику, рассуждения и поэтические отрывки – своего рода «записные книжки, представленные в творчестве Хун Мая (1123–1202) и Су Ши (1037–1101). Активно развиваются поэтические формы ши (заимствованные из канона правильные строки: 4 строки по 4–5 иероглифов с чередованием тонов, представленные в творчестве Лу Ю (1125–1210)) и цы (фольклорная строфика, воплощенная в романсах поэтессы Ли Цинчжао (1084 –1155)).

8.1

В Сунскую эпоху зародился новый жанр литературы – **бицзи**, аналогичный европейскому нравоописательному очерку, – собрание заметок на самые различные темы. Тут можно было найти мнение автора о прочитанных им книгах, рассказы о случаях из жизни родных, знакомых или его собственной, анекдоты; описываются столицы сунского Китая с упоминанием улиц, башен, дворцов, храмов; перечисляются национальные блюда, рассказывается об искусстве сказителей и о вашэ, где они выступали, повествуется о народных обычаях и нравах.

Бицзи обладают полной формальной свободой. Сборник может быть структурирован автором (например, разделен на цзюани), а может быть никак не организован, составляющие его фрагменты могут быть разнородны по объему и форме. Отличительная черта бицзи – спонтанность внутреннего построения сборника, невыраженная структура композиции; это декларируют сами авторы сборников в предисловиях к ним.

Наиболее яркие собрания, дошедшие до нас, – сборники Лю Фу «Высокие суждения у дворцовых ворот», «Заметки гос-

подина Сун Цзин-вэня» Сун Ци. «Краткие речения из Бэймэн» Сунь Гуан-сяня. Они полны житейских примеров, занимательных историй, нравственных выводов, сформулированных с точностью и лаконизмом афоризма (например, «Узнав, к чему питает слабость владыка, можно судить о его правлении» (перевод И. А. Алимова)). Бицзи описывают повседневный быт, каждодневную жизнь, «извлекаемые из сборников бицзи сведения во многом уникальны, во-первых, потому что являются личными впечатлениями авторов, во-вторых, потому что иных источников таких сведений просто не сохранилось»⁸³.

8.2

Наряду с прозой эссеистической в литературе эпохи Сун активно представлена и сюжетная проза, сходная по своей структуре с европейской новеллой.

Сунские рассказчики развивали традиции сяо шо и танских новеллистов: героями обычно были ученые-конфуцианцы, хранители образованности и культуры.

Поскольку многие авторы новелл были придворными историками, в их произведениях содержится немало подлинных исторических фактов. Традиция отрицала за новеллами право на вымысел; считалось, что подобного рода литература родственна династийной истории, но повествует о незначительных, с точки зрения государства, мелочах. Она была как бы призвана дополнить официальную историю любопытными подробностями.

⁸³ Алимов И. А. Вслед за кистью : Материалы к истории сунских авторских сборников бицзи. Исследования, переводы / И. А. Алимов. – Ч. 1. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 1996. – С. 60.

Ориентированность на факты, приверженность исторической точности настолько сильна, что авторы, особенно в тех случаях, когда речь идет о далеком прошлом, заверяют читателей в подлинности излагаемых событий, например: *«В числе моих земляков был некий ученый Ли; изучение конфуцианства было наследственным в его роду занятием. Случилось так, что дела его семьи пришли в упадок. Однажды я заглянул к нему. В углу, у стены, в поломанной бамбуковой корзине лежало несколько старых книг. Среди них было «Частное жизнеописание императрицы Чжао». Некоторые страницы были вырваны или потеряны, но читать было еще можно. Я попросил у Ли эту книгу и, вернувшись к себе, несколько дополнил ее, исправил ошибки. И вот получился связный рассказ для всех любителей»* (перевод С. А. Торопцева).

Для сунской новеллы, как и для танской, обязательна необычность происходящего. Так, в рассказе «Братья Бай и фехтовальщик» Чжан Ци-сяня, рассказывающем о том, как простой кузнец обманул знатных чиновников, приводится рассуждение о тяге к диковинному и поразительному, охватившей не только простонародье, но и знать: *«Истари повелось, что отпрыски знатных родов больше всего на свете ценят людей необычных и удивительных»* (перевод А. П. Рогачева).

Не менее важна установка на морализаторство. Одна из важнейших идей – идея справедливого воздаяния, конечного торжества справедливости. Яркий пример – новелла Цинь Чуня «Порхающая ласточка», рассказывающая о женском коварстве и борьбе неравных сил императрицы и императорской наложницы, заканчивается пророческим сном императрицы, в котором она узнает, что жестокая соперница *«в наказание ... обращена в черепаху и теперь обитает в пещере, в темных водах Север-*

ного моря. Там она останется жить тысячу лет, страдая от холодов и морозов» (перевод А. П. Рогачева).

Героем сунских повестей становится человек незаурядный, но теперь это может быть ловкий пройдоха, надувающий чиновника. Как в той же новелле о фехтовальщике, где героичность мнимая, – фехтовальщик оборачивается лишь удачливым проходимцем.

Самый объемный памятник сунской эпохи – «Записки охмелевшего старца Ло Е», жившего, вероятно, в конце XIII века. Его книга посвящена искусству сказителей, породивших городскую повесть. Мастерство сказителей Ло Е образно назвал «пахотой языком» и воспел его в стихах. «Записки» содержат подробные сведения о мастерстве сунских сказителей и их репертуаре. Источник сообщает названия 109 повестей, располагая их по категориям. Это повести о духах и чудесах; о женщинах-тенях; любовные повести типа танских новелл чуаньци; о судебных разбирательствах; о схватках на мечах и палицах; о бессмертных; о колдовстве.

Композиция новелл нормативна, они организованы по общей «схеме»: указание на источник сюжета, стихотворный «зачин» (дается либо настрой повествования, либо краткое изложение рассказа; позднее зачин становится отдельным рассказом), набор приключений, заключение сказителя, которое обычно совпадало с мнением слушателей: *«Только тот, кто неукоснительно следует установленным правилам и прислушивается к мнению старших, избегает любых бедствий»* (перевод А. П. Рогачева). Показательна в этом отношении повесть «Честный приказчик Чжан», рассказывающая историю красавца-приказчика, который, опасаясь домогательств хозяйки, сбежал со службы. По прошествии времени он встречает хозяина, рассказавшего, сколько бед принесла в дом молодая жена,

а затем хозяйку, у которой своя версия разорения. Поскольку герой не поддается на манипуляции ни того, ни другого, ему удается расследовать эту запутанную историю и обнаружить, что являвшаяся ему хозяйка – дух-оборотень, пытавшийся его соблазнить. Стихи, которые завершают повесть, однозначно выражают главную мысль произведения:

*Опасных прелестей полны разврат, тугой карман!
Но не собьют они с пути, когда мораль тверда.
И если будешь с юных лет порядочен, как Чжан,
Тебе ни дух, ни человек не причинят вреда.*

Перевод А. П. Рогачева

Рассчитанная на городские низы, сунская повесть сохранила особенности их мировоззрения. Важное место в ней занимает проповедь умеренности, бережливости, трудолюбия. Общество рассматривается как нечто застывшее, неизменное. Богатство и высокий чин вызывают к себе уважение. Однако упование на милость государя — источника всяческих благ — не мешает появлению в тексте призывов добиваться благополучия собственными руками.

Вопросы для самопроверки

Какое большое событие происходит в китайской истории и культуре в 1209 г.?

Что такое бицзи?

Традиции каких более ранних по происхождению жанров продолжают сунские повести?

Зачем нужен эффект достоверности, важный для авторов сунских повестей?

Главные эстетические установки сунских повестей?

Специфика героя сунских повестей?
Типичная композиция сунских повестей.
Определение жанра цы.
Основные темы поэзии Ли Цинчжао.

Задания для самостоятельной работы

Опираясь на книги «Строки граненой яшмы»⁸⁴ и «Строки любви и печали»⁸⁵, подготовить доклад по теме «Лирическая поэзия Ли Цинчжао».

Составить сравнительную таблицу по истории развития китайской литературы, используя следующий терминологический аппарат: доимператорская, императорская и новейшая культура, литературные направления Цзи, Цзы, Ши, Цзин, цзягу-вэнь; конфуцианский канон (У-Цзин, Сы шу); поэзия (фу, юэфу, гу ши); синтетические жанры (бянь-вэнь и цзацзуань); ранняя проза (сяо шо, танская новелла, хуабэнь, пинхуа); театральные жанры (байси, цацзюй, наньси).

Практико-ориентированные задания и игры

Прочитайте с учениками новеллу Боккаччо (день 1, новелла б) и сравните ее с новеллой «Братья Бай и фехтовальщик» Чжан Ци-сяня, ответив на вопросы:

Что общего в характеристике инквизитора у Боккаччо и отшельника у Чжан Ци-сяня?

⁸⁴ Ли Цин-чжао. Строфы из граненой яшмы: Стихи / перевод, вступ. ст. и примеч. М. Басманова. – Москва : Худож. лит-ра, 1974. – 104 с.

⁸⁵ Строки любви и печали / перевод, вступ. и прим. М. Басманова. – Москва : Наука, 1986. – 142 с.

Почему священнослужители попадают в поле авторского осмеяния в том и другом случае?

Каким предстает богач, попавшийся на манипуляции священнослужителей? Чем отличаются герой Боккаччо от героев Чжан Ци-сяня?

Как определяет задачу своего рассказа Чжан Ци-сянь? Зачем он записал «хитрые проделки обманщиков»? Какова ее главная цель: осуждение или прославление?

Какие качества прославляет новелла Боккаччо? Какой персонаж в центре авторского внимания?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начавшееся в 10-е годы XIII века монгольское нашествие существенно изменило культурный ландшафт, на котором формировалась китайская литература. Экономический кризис, сокращение численности населения, закабаление крестьян, ущемление в правах китайцев – негативные последствия нападения Чингисхана. С другой стороны, в составе огромной империи китайские земли оказались включены в процессы культурного и товарообмена. Монгольские правители активно использовали налаженный бюрократический аппарат, приспособивали китайские законы к нуждам организуемого ими социума. Сохранение языка и основ государственности в совокупности с процессами демократизации литературы и расширения международных связей способствовало возникновению другого жанрового репертуара, расширению круга читателей, к которым адресовались книги новой эпохи, развитию прозы и драмы.

Произошедшая перестройка социальной системы радикальным образом отразилась на литературе, что привело к возникновению романа. Яркими образцами жанра стали «Речные заводы» и «Троецарствие», несущие в себе мощный потенциал сопротивления. Распад династии и распад страны показываются в них через призму нового времени.

ВОПРОСЫ К ЗАЧЕТУ

1. Три периода китайской истории и культуры. Система жанров китайской литературы.

2. Мифы Древнего Китая: типология персонажей и сюжетов.

3. Сказки Древнего Китая. Сходство сюжетов в сказках разных народов («Платок нищего», «Морозко», «Госпожа метелица»; «Хуан Сяо», «Поди туда – не знаю, куда, принеси то – не знаю, что»).

4. Философы эпохи Чжоу. Даосские книги: «Даодэцзин» Лаоцзы – концепция дао: смирение и путь; Моцзы – моизм: идея равенства и справедливости; притчи Чжуанцзы – идея единства мира.

5. Книги конфуцианского канона («Пятикнижие» и «Четверокнижие»).

6. Поэзия Южного царства. Сборник поэзии «Чуские строфы».

7. Поэзия Южного царства. Поэма «Лисао» (Жалобы отъезда) Цюй Юаня.

8. Ханьская литература (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.): историография Сыма Цяня «Ши цзи». Традиции историографии Сыма Цяня в творчестве Бань Гу («История династии Хань») и Гань Бао («Хронология Цзинь»).

9. Ханьская литература (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.): Музыкальная палата и ее деятельность. Юэфу.

10. Литература «Смутных веков» (220–589 гг.): Гань Бао «Записки в поисках духов» и их традиции в танской новелле и сунских повестях.

11. Литература «Смутных веков» (220–589 гг.): Тао Юаньмин «Персиковый источник».

12. Поэзия Цао Цао, Цао Пи, Цао Чжи.
13. Романтическая поэма Цао Чжи «Фея реки Ло» и русалки в европейской поэзии: поэма Цао Чжи и «Русалка» А. С. Пушкина, Лореллея из стихов Brentano («Жила на Рейне фея») и Гейне («Лореллея»).
14. Женская поэзия в классической китайской литературе.
15. Творчество Ли Шан-иня. Жанр цзацзуань.
16. Танская новелла: темы и авторы.
17. Сунские повести: «Записки охмелевшего старца» Ло Е.
18. Поэзия Ли Бо.
19. Поэзия Ван Вэя.
20. Поэзия Ду Фу.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. М. Труды по китайской литературе. В 2 кн. / В. М. Алексеев ; [сост. М. В. Баньковская ; отв. ред. Б. Л. Рифтин]. – Москва : Вост. лит., 2002. – Кн. 1. – 574 с. – ISBN 5- 02-018170-6.

2. Алексеев В. М. Труды по китайской литературе. В 2 кн. / В. М. Алексеев ; [сост. М. В. Баньковская ; отв. ред. Б. Л. Рифтин]. – Москва : Вост. лит., 2002.– Кн. 2. – 511 с. – ISBN 5-02-018169-2.

3. Аликберова А. Р. Китайская литература Нового времени XVII в. – начало XX в. : учеб. пособие / А. Р. Аликберова. – Казань : Казан. ун-т, 2014. – 244 с.

4. Алимов И. А. История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза. В 2 ч. / И. А. Алимов, М. Е. Кравцова. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2014. – 1408 с. – ISBN 978-5-85803-473-5.

5. Ван К. История китайской поэзии / К. Ван ; перевод Н. О. Поверинова. – Москва : Шанс, 2020. – 185 с. – ISBN 978-5-906892-72-0.

6. Васильев В. П. Очерк истории китайской литературы. Переиздание на русском и китайском языках / В. П. Васильев ; перевод на китайский язык Янь Годуна. — Санкт-Петербург : Институт Конфуция в СПбГУ, 2013. — 334 с. – ISBN 978-5-91542-215-4.

7. Вернер Э. Мифы и легенды Китая / Э. Вернер ; перевод с англ. С. Федорова. – Москва : Центрполиграф, 2007. – 365 с. – ISBN 978-5-9524-3253-6.

8. Волшебные сказки Китая / сост. К. С. Жуков. – Москва : Олма Медиа Групп, 2023. – 722 с. – ISBN 978-5-00185-157-8.

9. Гасконе Б. Краткая история династий Китая / Б. Гасконе ; перевод с англ. под ред. Кия Е. А. – Санкт-Петербург : Евразия, 2009. – 336 с. – ISBN 978-5-91852-009-3.

10. Гране М. Китайская цивилизация / М. Гране. – Москва : Алгоритм, 2008. – 416 с. – ISBN 978-5-9265-0541-9.
11. Даниленко В. П. Картина мира в мифах древнего Китая / В. П. Даниленко. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2019. – 298 с. – ISBN 978-5-907115-99-6.
12. Древнее зеркало: Китайские мифы и сказки / сост. Д. Перельман. – Москва : Конкорд ЛТД, 1993. – 255 с. – ISBN 5-7093-006-3.
13. Дуайн О. Мифы и легенды народов мира / О. Дуайн, Н. Хатчинсон. – Москва : Мир книги, 2007. – 120 с. – ISBN 978-5-486-01669-1.
14. Духовная Культура Китая. В 6 т. / М. Л. Титаренко, А. Е. Кобзев, А. Е. Лукьянов, Б. Л. Рифтин, С. М. Аникеева, Д. Г. Главева. – Москва : Восточная литература, 2007.
15. Ежов В. В. Мифы древнего Китая / В. В. Ежов. – Москва : Астрель, 2004. – 496 с. – ISBN 5-271-05289-3.
16. Елисеефф В. Цивилизация классического Китая / В. Елисеефф, Д. Елисеефф ; перевод с франц. Д. Лоевского. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 640 с. – ISBN 978-5-9757-0176-3.
17. История китайской цивилизации : в 4 т. / гл. редкол. Юань Синпэй и др. ; перевод с китайского под ред. И. Ф. Поповой. – Москва : Шанс, 2020.
18. Кей Дж. Китай: От Конфуция до Мао Цзедуна / Дж. Кей ; пер В. В. Степановой. – Москва : Колибри; Азбука-Аттикус, 2020. – 736 с. – ISBN 978-5-389-14524-5.
19. Китайская мифология : энциклопедия / сост. К. Королев. – Москва : Мидгард, 2007. – 416 с. – ISBN 978-5-699-20644-5.
20. Китайские народные сказки / ред. В. Говорущенко. – Москва : Школьная библиотека, 1953. – 64 с.

21. Китайские народные сказки / сост. Б. Л. Рифтин. – Москва : Художественная литература, 1972. – 334 с.

22. Китайские сказки / перевод И. Крупичева. – Москва : Эксмодество, 2015. – 80 с. – ISBN 978-5-699-77579-8.

23. Кондратова Т. И.. Литература Китая : учеб. пособие / Т. И. Кондратова ; Департамент образования и науки г. Москвы, Гос. автоном. образоват. учреждение высш. образования г. Москвы «Моск. гор. пед. ун-т» (ГАОУ ВО МГПУ), Ин-т иностр. яз., каф. кит. яз. – Москва : МГПУ, 2020. – 223 с. – ISBN 978-5-243-00619-4.

24. Конрад Н. И. Запад и Восток : Статьи / Н. И. Конрад. – Москва : Главная редакция восточной литературы, 1966. – 460 с.

25. Коробова А. Н. Китайская проза новейшего периода : (с 1979 г. по настоящее время) / А. Н. Коробова ; Генеральное управление институтов Конфуция. – Москва : Маска, 2018. – 72 с. – ISBN 978-5-907051-11-9.

26. Лисевич И. С. Древняя китайская поэзия и народная песня (Юэфу конца III в. до н. э. – начала III в. н. э.) / И. С. Лисевич. – Москва : Наука, 1969. – 288 с.

27. Малявин В. В. Конфуций / В. В. Малявин. – Москва : Молодая гвардия, 2007. – 368 с. – ISBN 978-5-235-03023-7.

28. Меньшиков Л. Н. О Гань Бао, его времени и его разысканиях о духах / Л. Н. Меньшиков // Гань Бао. Записки из мира духов. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 1994. – С. 5–22.

29. Мифы народов мира : в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. – Москва : Советская Энциклопедия, 1987.

30. Переломов Л. С. Учение Конфуция / Л. С. Переломов // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). – Москва : Восточная литература РАН, 2004. – С. 10–56.

31. Петрухин В. Я. Загробный мир. Мифы о загробном мире / В. Я. Петрухин. – Москва : АКТ, 2010. – 416 с. – ISBN 978-5-17-056943-4.

32. Религиозный мир Китая / под. ред. И. С. Смирнова. – Москва : РГГУ, 2006. – 327 с. – ISBN 81-0902-0.

33. Румянцева М. В. Пособие почтению и переводу современной художественной литературы Китая / М. В. Румянцева. – Москва : Издательский дом ВКН, 2018. – 264 с. – ISBN 978-5-7873-1459-5.

34. С китайской сказкой круглый год / перевод с китайского В. Ю. Захарова, лит. пересказ И. В. Захаровой. – Москва : Лингва-Ф, 2019. – 224 с. – ISBN 978-5-91477-046-1.

35. Серебряков Е. А. Справочник по истории литературы Китая (XII в. до н. э. – начало XXI в.) : имена литераторов, названия произведений, литературоведческие и культурологические термины в иероглифическом написании, русской транскрипции и переводе / Е. А. Серебряков, А. А. Родионов, О. П. Родионова. – Москва : АСТ : Восток-Запад, 2005. – 333 с. – ISBN 5-17-029017-9 ; ISBN 5-478-00079-5.

36. Сидихменов В. Я. Китай : страницы прошлого / В. Я. Сидихменов. – Смоленск : Русич, 2010. – 544 с. – ISBN 978-5-8138-0986-6.

37. Сказки Китая / перевод с китайского, сост. предисл. Б. Рифтина. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 400 с. – ISBN 978-5-9757-0130-5.

38. Тугулова О. Д. Литература Китая : учебное пособие / О. Д. Тугулова, А. А. Бодоева. – Улан-Уде: Изд-во Бурятского государственного университета, 2017. – 124 с. – ISBN 978-5-9793-0036-8.

39. Уваров П. Ю. Китай в средневековом мире. Взгляд из всемирной истории / П. Ю. Уваров, А. Л. Рябинин. – Санкт-Петербург : Наука, 2017. – 286 с. – ISBN 978-5-02-039674-6.

40. Федоренко Н. Т. Тема природы и человека в творчестве китайских поэтов классиков / Н. Т. Федоренко // Избранные произведения. – Москва, 1987. – Т. 1. – С. 474.

41. Фицджералд Ч. П. История Китая (до начала XX века) / Ч. П. Фицджералд. – Москва : Центрполиграф, 2008. – 460 с. – ISBN 978-5-9524-3800-2.

42. Фрэзер Дж. Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Дж. Д. Фрэзер. – Москва : Политиздат, 1986. – 703 с.

43. Цзычэн Х. История современной китайской литературы / Х. Цзычэн ; перевод Т. К. Карповой. – Москва : Шанс, 2016. – 452 с. – ISBN: 978-5-906659-26-2.

44. Черкасский Л. Е. Человек в поэзии Цао Чжи / Л. Е. Черкасский // Цао Чжи. Семь печатей. – Москва : Худ. лит-ра, 1973. – URL : http://lib.ru/POECHIN/TZAOCHI/tzao_lyrics.txt (дата обращения: 01.01.2024).

45. Чэнь С. Тенденции новейшей китайской литературы / С. Чэнь ; перевод А. А. Никитиной, М. С. Яковенко, К. В. Батыгина. – Москва : Шанс, 2019. – 583 с. – ISBN 978-5-907015-56-2.

46. Юань К. Мифы древнего Китая / К. Юань ; перевод с китайского, послесловие Б. Л. Рифтина. – Москва : Наука, 1987. – 527 с.

47. Яншина Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии / Э. М. Яншина. – Москва : Наука, 1984. – 248 с.

Сайты:

1. Китайская поэзия : [сайт]. – URL: <https://chinese-poetry.ru> (дата обращения: 04.01.2024).

2. Синология : [сайт]. – URL: <https://www.synologia.ru/> (дата обращения: 04.01.2024).

3. Оцифровка книг по китайской философии : [сайт]. – URL: <https://ctext.org/dao-de-jing/zhs> (дата обращения: 04.01.2024).

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПРАКТИКООРИЕНТИРОВАННЫМ ЗАДАНИЯМ

Рис. 1. Иллюстрация к мифу о Великом Юе

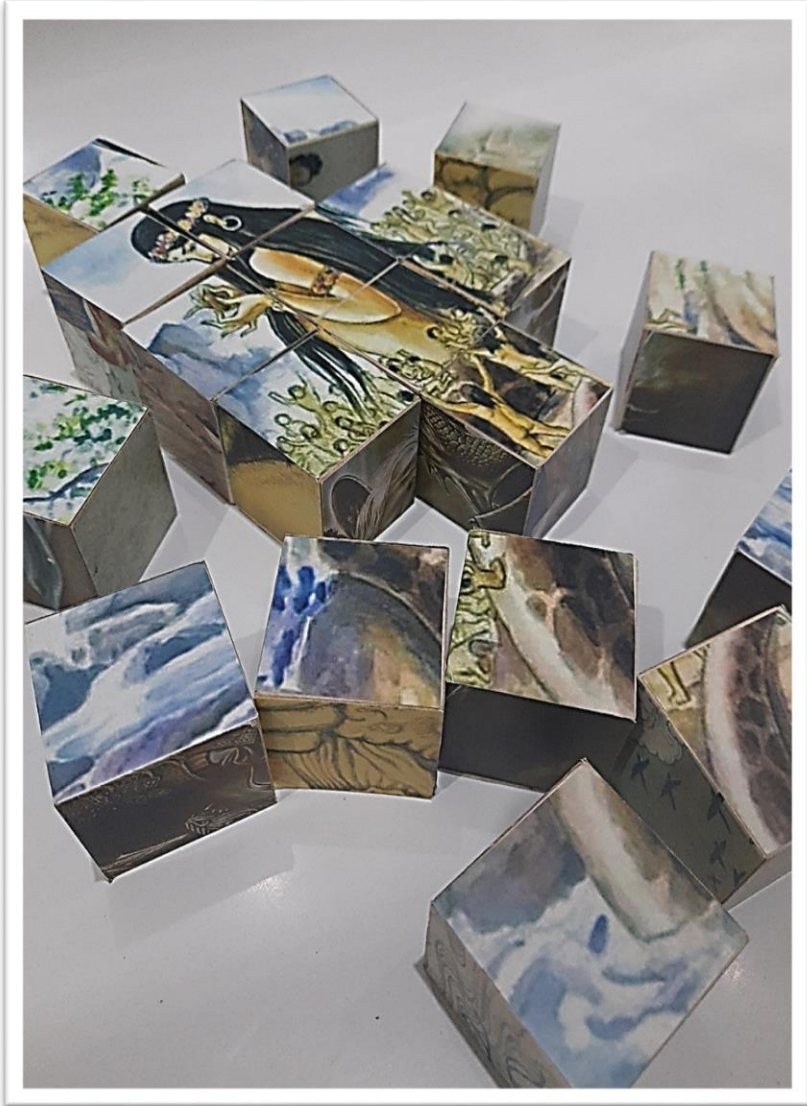

Рис. 2. Игровые кубики для выполнения задания

Рис. 3. Картина небес в китайской мифологии

Рис. 4. Большое и малое в притчах Чжуанцзы

Учебное издание

Сейбель Наталия Эдуардовна

**История китайской литературы
от древности до монгольского нашествия**

Учебное пособие

ISBN 978-5-907790-89-6

Работа рекомендована РИС ЮУрГГПУ
Протокол № 30, 2024 г.

Иллюстрации А. Д. Ядрихинская

Издательство ЮУрГГПУ
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69

Редактор О. В. Боярская
Технический редактор Т. Н. Никитенко

Подписано в печать 14.02.2024. Тираж 100 экз.
Формат 60x84 /16. Объем 6,2 уч.-изд. л. (10,9 усл. п. л.)
Заказ № ...

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ЮУрГГПУ
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69